

INSPIRIA

РАЗГАДКА

роман

*если бы вам дали всего
один шанс переписать
свое прошлое,
вы бы рискнули?*

КАЛ Ъ Я Р И Д

INSPIRIA

Annotation

Полгода назад я была счастлива. Обычная девушка с обычной судьбой, Наоми Кэррадайн.

Что-то важное случилось после.

Месяц назад я оказалась в психбольнице.

Вчера ко мне приходил Лахлан. Он поцеловал меня и сказал, что я теряю рассудок.

А несколько часов спустя я вспомнила о Максе. Его голос звучал в моей голове, он повторял, что я вовсе не сумасшедшая и мне нужна помощь.

Пару минут назад я решила сбежать из реальности – лишь бы разгадать, что со мной случилось в прошлом.

Я не больна. Я знаю, что мои смутные воспоминания – правда. И я знаю, как их вернуть.

Скажи, любовь моя... ты мне веришь?

-
- [Калья Рид](#)
    -
    -
    - [1. Дыхание на стекле](#)
    - [2. Поверь мне](#)
    - [3. Белые фонарики](#)
    - [4. Тону](#)
    - [5. Отметка](#)
    - [6. В темноте](#)
    - [7. Закрой глаза](#)
    - [8. Личность](#)
    - [9. Комната № 62](#)
    - [10. Не мечтай](#)
    - [11. Легкого выхода нет](#)
    - [12. Эффект ряби](#)
    - [13. Лестница](#)
    - [14. Выйти за пределы](#)
    - [15. День Наоми](#)
    - [16. Черная дыра](#)
    - [17. Нет худа без добра](#)

- [18. Грань](#)
  - [19. План](#)
  - [20. На охоте](#)
  - [21. Тик-так](#)
  - [22. Революция](#)
  - [23. Компонент](#)
  - [24. Правда и спокойствие](#)
  - [25. Отмотаем время назад](#)
  - [26. Белый домик](#)
  - [27. Быстрый старт](#)
  - [28. Счастье](#)
  - [29. Время истекло](#)
  - [30. Разрыв](#)
  - [31. Спички](#)
  - [32. Огонь](#)
  - [33. Пепел](#)
  - [34. Тупик](#)
  - [35. Все потеряно](#)
  - [36. Зеркало](#)
  - [37. Шрамы](#)
  - [38. Изменение](#)
  - [39. Женевьева](#)
  - [40. Слияние](#)
  - [Разоблачение](#)
  - [От автора](#)
  - [Об авторе](#)
-

Калья Рид

Разгадка

Calia Read
UNRAVEL

© Бушуев А., Бушуева Т., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Посвящается Лори
Любой рассказчик заслуживает, чтобы рядом с
ним был человек вроде тебя*

1. Дыхание на стекле

Я смотрю на тысячи падающих на землю снежинок. Страстно мечтая о свободе, я прижимаюсь лицом к окну. Увы, свободы меня лишает вовсе не этот тонкий слой стекла. И это правда.

Большинство людей считают, что правда – это такая маленькая, хрупкая птичка. Они думают, что правда безвредна.

Но я знаю нечто такое, чего не знают они.

Если они осмелятся протянуть руки, то обнаружат, что маленькая птичка упорхнула. Разорвала их кожу, достигла глубин души, проникла в то место, где болит сильнее всего.

И именно поэтому я сейчас здесь, а они – нет.

Я прижимаюсь лбом к окну и дышу на стекло. Оно затуманивается, на нем появляется мой личный подсчет. Я делаю на стекле еще одну отметку. Тридцать дней.

Тридцать дней с тех пор, как меня вопреки моей воле поместили в Клинику психического здоровья Фэйрфакса.

Семьсот двадцать часов подряд я каждое утро открываю глаза и вижу незнакомую комнату. Семьсот двадцать часов подряд медсестры ежечасно входят и выходят из моей комнаты. Семьсот двадцать часов за мной круглосуточно наблюдают, как за беспомощным младенцем, которому нет доверия.

Я наблюдаю за ползущей по стеклу мухой, отчаянно пытающейся вырваться наружу.

– Я уже пробовала, дурашка, – говорю я и стучу пальцем по стеклу. – Отсюда не выбраться. Тут у них все на замке.

Словно услышав мои слова, муха замирает на месте. Рано или поздно она найдет выход. Я завидую ей. Жгучая зависть струится по моим жилам. Меня так и подмывает прихлопнуть ладонью противное насекомое, лишить его шансов на побег.

Вот к чему свелась моя жизнь. Я завидую долбаной мухе.

Кто-то громко стучит в мою дверь.

Раз, два, три...

Три – магическое число для моей медсестры. Как будто несколько секунд позволяют ей подготовиться к тому, что она обнаружит по эту сторону двери.

В дверях стоит Мэри. Я смотрю на ее коротко остриженные

каштановые волосы и медицинскую форму в цветочек.

– К вам посетитель, – говорит она.

Я отхожу от окна. Каждый день мое сердце бьется в одном и том же монотонном ритме, но в считанные секунды мой пульс ускоряется до непривычного. Теперь у него другой ритм – новый, возбужденный, волнующий. Прекрасный. И это может означать только одно. Лахлан Холстед.

Прежде чем выйти из комнаты, я оглядываюсь через плечо. Муха уже улетела.

– Счастливая, – бормочу я себе под нос и выхожу в коридор.

Если кто-то хоть раз усомнился в существовании такой вещи, как безумие, ему стоит заглянуть сюда, к нам. Безумие расплывается здесь в каждой комнате. Оно скользит по стерильным коридорам и прилипает к каждому запертому здесь пациенту, лишая надежды, обволакивая отчаянием.

Есть те, кто никак на это не реагирует. Но есть и другие, кто реагирует и кричит. Их вопли эхом разносятся по всему зданию. Тогда медсестры бегут по коридору. Через несколько секунд крики превращаются в стоны, а затем и вовсе прекращаются. Когда я только попала сюда, эти звуки заставляли меня холодеть от ужаса. Но теперь я научилась их не замечать.

Мы с Мэри идем по коридору. Мимо нас проходят медсестра и какая-то брюнетка. Я замедляю шаг и смотрю на брюнетку. Ее волосы коротко подстрижены. Кожа бледная, но в свете флуоресцентных ламп кажется желтоватой. Сама она – ходячий скелет. Руки сплошь в отметинах, и каждая рассказывает собственную историю.

Она смотрит на меня. В ее глазах светится ее душа, словно спрашивая:

– Какого черта я еще жива?

У меня нет ответа.

У запертых дверей Мэри останавливается и вводит в замок четырехзначный код. Двери медленно открываются. Словно мы входим в ад. Комната отдыха – самое гнетущее место в Клинике психического здоровья Фэйрфакса. Сюда нас запикивают всех вместе.

Мэри подталкивает меня вперед. Жалюзи на окнах открыты. Сюда проникает солнечный свет, и коричневый линолеум на полу кажется ослепительно-белым. По всей комнате расставлены столы.

Несколько человек сидят, играют в настольные игры или смотрят подвешенный на стене телевизор. Новости звучат еле слышно, но включены субтитры. Однако большинство не делают ничего, а лишь смотрят прямо перед собой. Их глаза пусты.

Вокруг меня так много увядающих умов. Но у меня есть тот, кто удерживает меня от безумия, и он всего в нескольких шагах от меня.

Чувствуя, как расслабляется мое тело, я смотрю на Лахлана. Он сидит за столом возле окна. Его густые брови нахмурены, он смотрит на улицу. Я вижу, как он поднимает загорелую руку и ослабляет узел темно-синего шелкового галстука. Его каштановые волосы все еще коротко подстрижены, но несколько прядей свисают на лоб.

Если зажмуриться, то передо мной возникает обычный мальчишка с дерзкой улыбкой, сопровождающейся детской наивностью. Тощий и жилистый. Лучший друг, который похитил мое сердце. Но стоит открыть глаза, как этот образ исчезает, и передо мной уже мужчина. Юношеская дерзость превратилась в опыт. Тело окрепло. Теперь он владеет не только моим сердцем, но и моей душой.

Я всегда считала его продолжением меня. Невозможно быть настолько близким с человеком и ожидать, что твоя боль не распространится на него. Я знаю, что мое горе – это его горе.

Я иду через всю комнату. Лахлан по-прежнему смотрит на улицу. Я прищуриваюсь. Мой взгляд скользит за его взглядом, и я вижу одинокое дерево, растущее за окном. Это то самое дерево, на которое я смотрю всегда. Его ветви голые, без листьев и гнутся на холодном ветру. Всю последнюю неделю я наблюдала за замерзшей каплей воды на одной из нижних веток.

Она висит там, готовая в любую секунду сорваться.

Слабая ветка раскачивается под порывами ветра, но капля оледеневшей воды никак не падает. Если она сможет удержаться, то и я, возможно, смогу сохранить остатки здравомыслия.

Я выдвигаю стул и сажусь напротив Лахлана. Наши взгляды встречаются. Это шок для моих нервов. Кровь устремляется прямо к голове.

– Как твои дела? – спрашивает он.

Мои ноги поджаты, колени притянуты к груди, пятки упираются в край сиденья. Я опускаю подбородок на колени и в упор смотрю на него. Он часто навещает меня. Но промежутки между этими посещениями, похоже, становятся все длиннее и длиннее.

– Как и два дня назад, – отвечаю я.

Лахлан пристально смотрит на меня. Он буквально сверлит меня взглядом. Его глаза ничего не упускают.

– Ты разговаривала со своим врачом?

Я отвожу глаза и смотрю в окно. Лахлан сокрушенно вздыхает и

приглаживает волосы.

– Я скучаю по тебе, Наоми.

– Я тоже по тебе скучаю.

Мой голос дрожит.

– Ты знаешь, что тебе здесь не место, верно?

Я киваю.

– Тогда тебе нужно попытаться выздороветь. – Лахлан, поморщившись, обводит взглядом комнату, глядя на весь этот цирк, и стискивает зубы. – Черт, мне до сих пор не по себе, что я оставил тебя здесь.

Я тянусь через стол и кладу ладонь на его руку. Опустив веки, он смотрит на нее. Затем переворачивает руку, и его пальцы скользят по моему запястью. Его прикосновение буквально обжигает мою кожу. Он снова переворачивает ладонь и сжимает мои пальцы.

– Ты любишь меня?

Я смотрю Лахлану прямо в глаза.

– Ты же знаешь, что да.

Мои слова по идее должны вселить в него надежду, но он почему-то выглядит обескураженным.

– Если ты любишь меня, то тебе нужно поправиться.

– Я пытаюсь, – говорю я и стараюсь высвободить руку.

Но Лахлан еще крепче сжимает мои пальцы.

– Нет, не пытаешься.

– Я не могу не думать о том, что произошло, – шепчу я настойчиво.

Он наклоняется ко мне. Его лицо оказывается в нескольких дюймах от моего.

– Я сказал тебе, что не перестану бороться. Я сказал тебе, что ты не одна, но ты сдалась.

Я отдергиваю руку. Он отпускает ее. Я могу справиться со многими вещами, но слышать от него такие слова! Это все равно, как если бы кто-то отрезал кусочек моего сердца.

Он смотрит на стол, где только что сплетались наши руки.

– Это разрушает тебя, – шепчет он. – Наоми, которую я знаю, никогда бы не сдалась так быстро. Она бы боролась до конца, чтобы только остаться в настоящем.

– Я борюсь. Оглянись вокруг, Лах, – говорю я. – Разве я смогла бы продержаться здесь так долго?

– Ты знаешь, почему ты здесь? – резко спрашивает он.

Я молчу.

– Ты здесь потому, что ты сдалась.

Я вздрагиваю. Так это или нет, но мне нечего возразить Лахлану. Он выйдет отсюда нормальным, здравомыслящим человеком. Его слова будут иметь смысл, мои же еще не скоро его обретут. Если обретут вообще.

В моих ушах грохочет пульс, мое зрение размыто. Я вижу женщину с печальными глазами, которая смотрит на себя в зеркало. И вижу Макса. Он лежит рядом со мной в постели. Одним быстрым движением я поднимаюсь над ним. Он улыбается мне, и его руки сжимают мою талию.

Этот образ мгновенно исчезает. С моих губ слетает стон, и я прижимаю пальцы к глазам.

– Наоми, посмотри на меня.

Я опускаю руки. Лахлан сидит напротив, пристально глядя на меня. Он обнимает меня за шею. Его большой палец касается моей кожи, и я вздрагиваю.

– Ты сейчас со мной? – спрашивает он.

Да... Нет... Может быть... Каждый день для меня – неизвестность. Каждый день я просыпаюсь с ощущением густого тумана вокруг, и я недосчитываюсь частички себя и не знаю, куда она делась.

– Пока да, – честно отвечаю я.

Лахлан смотрит мне в глаза.

Возникает двухсекундная пауза, и она заставляет мой желудок болезненно сжаться. Кровь оглушительно ревет в моих венах. Лахлан открывает рот, но ничего не говорит. Похоже, он борется с собственными чувствами и проигрывает эту схватку. Наши взгляды встречаются, он крепко целует меня в губы.

Я мгновенно оживаю. Это то, что и должен делать хороший поцелуй. Он должен говорить с вами, как только ваши губы соприкоснулись.

Не нужно думать.

Не нужно реагировать.

Только чувствовать.

У нас с Лахланом всегда так и было. Это поцелуй шепчет мне:

– *Помни меня. Я настоящий.*

Я отвечаю тем единственным образом, которому Лахлан научил меня в прошлом. Его ладони обхватывают мое лицо. Давление его губ ослабеваает, и тогда мои губы ищут его рот. Он тихонько стонет и еще крепче сжимает мое лицо. Это будит воспоминания о том, кем я была. В моей голове, словно в лучах прожектора, возникают картины. В каждой присутствует Лахлан. Мы с ним вдвоем в поле, запускаем фейерверки. Смотрим на звезды и без конца говорим, пока не восходит солнце. Я вижу себя:

я улыбаюсь, я беззаботная и такая счастливая.

Я ощущаю короткий миг умиротворения. Язык Лахлана проникает между моих губ. По моему телу прокатывается дрожь, и я шире открываю рот. Мои пальцы скользят вверх по его рукам, касаются его шеи. И в тот момент, когда внутри меня начинает мерцать надежда, Мэри прочищает горло.

Лахлан отстраняется первым. Его зрачки расширены, губы распухли от нашего поцелуя. Я облизываю губы, пытаюсь вернуть частичку этого поцелуя. На этот раз Мэри откашливается еще громче. Я поднимаю глаза.

– Мистер Холстед, – говорит она, – думаю, вам пора уходить.

Лахлан убирает руку с моего затылка. Мне мгновенно становится холодно. Мои руки тяжело падают на стол. Я вижу, как Лахлан встает и поворачивается к Мэри.

– Всего одну минуту, – просит он.

Мэри смотрит на него, затем на меня и вздыхает.

– Минутку, – предупреждает она и уходит.

Лахлан наклоняется ко мне. Я смотрю в стол, но его гладкая поверхность начинает расплываться из-за слез, что наворачиваются мне на глаза. Назревает что-то ужасное. Я это чувствую.

– Я не могу так дальше, – говорит он.

Я смотрю на него. И вижу в его глазах боль.

– Навещай меня, – еле слышно шепчу я. – Иначе мне просто не выжить.

Лахлан смотрит в окно. Мои руки тянутся к нему. Я хватаю воротник его рубашки, заставляя посмотреть мне в глаза.

– Ты не можешь бросить меня.

Нас окутывает напряженная тишина. Опустив ресницы, он смотрит на меня. Лицо его чернее тучи. Его пальцы один за другим обвивают мои запястья. Он решительно убирает мои руки со своей рубашки.

– Я не бросаю тебя. Ничего подобного у меня даже в мыслях нет. Но я не думаю, что помогаю тебе. Я лишь все ухудшаю, – медленно говорит он.

– Ты помогаешь, – настаиваю я. – Всякий раз, когда ты приходишь, мне становится лучше.

Лахлан ничего не говорит.

– У тебя просто плохой день. У меня плохой день. Завтра все будет лучше и...

Он поворачивает голову. Я вижу выражение его лица. Неважно, что я говорю. Он не собирается менять свое решение.

Когда вокруг меня все летело в тартарары, он твердо стоял на моей

стороне. И вот теперь он уничтожает мой мир.

Таким, скорее всего, должен быть ад. Да-да, именно ад. Мои легкие сжимаются. Я не могу дышать. Я тру ладонями глаза и упрямо качаю головой. Если Лахлан перестанет приходить, страшно представить, что может произойти. Мой разум удерживает лишь одна тонюсенькая ниточка. Я сломаюсь прежде, чем упадет на землю заледеневшая капля.

Я чувствую на плече его руку и пытаюсь стряхнуть ее, но Лахлан сжимает меня крепко. Я заставляю свои руки по-прежнему лежать на столе.

Зато Лахлан отпускает мое плечо и шагает к двери, уходя из моей жизни.

Не вставая со стула, я поворачиваюсь.

– Подожди!

Лахлан оборачивается.

В эту минуту я в отчаянии. Я знаю, что теряю его.

– Ты помнишь, что сказал мне год назад? – спрашиваю я.

Он стискивает зубы и отворачивается. Я знаю: он пытается не отвечать на мой вопрос, но он ничего не может с собой поделать. Даже когда вы злитесь, любовь цепляется за вашу душу самым мучительным образом. Она будоражит вас – заставляет чувствовать – даже если это последнее, что вам нужно.

Лахлан натянуто кивает.

– Тогда, прошу тебя, не делай этого, – говорю я.

Он делает шаг вперед.

– Лахлан! – кричит Мэри ему вслед.

Он останавливается.

Я умоляю его без слов. Проходят секунды. Я жду, что он скажет Мэри, чтобы та не совала нос не в свои дела. Жду услышать от него, что ему стыдно за свои слова. Но он медленно отступает.

Мир уходит из-под моих ног. Я в свободном падении, отчаянно цепляюсь за все, что только способно спасти меня.

Фигура Лахлана становится размытой. Моя голова словно раскалывается пополам. Я хватаюсь за стол и резко падаю вперед. Столы и стулья куда-то исчезают, я их больше не вижу.

Стены покрываются трещинами и, рассыпаясь, падают на пол. Из-под земли вырастают новые стены насыщенного коричневого оттенка. Коричневый линолеум пола превращается в плюшевый белый ковер.

Вокруг меня со звоном разбиваются оконные стекла. В комнату врывается порыв ледяного ветра. Я сжимаю голову руками, издаю протяжный стон. Осколки стекла вращаются в воздухе. Они пролетают в

нескольких дюймах от меня и исчезают. Огромное окно с шумом всасывается в стену. Солнечный свет меркнет, сменяясь мягким лунным сиянием.

Затем все исчезает.

Я открываю глаза. Моргаю и медленно встаю.

Я смотрю в зеркало на свое отражение. И не узнаю себя. Я выгляжу обновленной, счастливой и даже красивой. Мои светлые волосы уложены волнами и с одной стороны схвачены золотистой заколкой. Щеки обрели румянец, в глаза вернулась жизнь. Я – прежняя Наоми.

Комната отдыха исчезла.

Мое тело обтянуто облегающим платьем. Я оборачиваюсь и вижу, что моя спина обнажена. Мой взгляд тотчас скользит от платья к сидящему в углу комнаты мужчине.

Макс.

Я смотрю на него, и на моих губах играет улыбка. Пульс учащается. Он сидит, закинув ногу на ногу. Его лицо – воплощение спокойствия, ямочка на правой щеке делает его похожим на мальчишку. Но его пухлые губы растягиваются в улыбке, в которой нет ничего мальчишеского.

Он встает в полный рост. Я вижу, как он надевает на широкие плечи черный пиджак, прикрывая белую рубашку и черные подтяжки. Его галстук-бабочка развязан и болтается на шее, словно черная лента.

Его волосы взъерошены, но ему все равно. В этом весь Макс. Ему плевать на все правила и условности, и он всегда поступает по-своему.

Он поправляет воротник пиджака и подходит ко мне сзади. Его тело поглощает меня. Моя макушка касается его подбородка.

Я цепляюсь за этот момент, как за спасательный круг, держусь за него как можно дольше. Он никогда не длится долго. Но всякий раз, когда я вижу его, я убеждаю себя, что все будет по-другому, что он не исчезнет из моей жизни.

Я смотрю на его волевой подбородок и острые скулы. Он чисто выбрит, кожа загорела на солнце. Он подходит ближе и проводит рукой по моей обнаженной спине. Я вздрагиваю.

– Ты прекрасна, – шепчет он.

Я вижу нас обоих в зеркале. Он поднимает бровь. Его губы кривятся в ленивой улыбке.

Он отбрасывает в сторону мои волосы и обеими руками берет меня за плечи, словно приглашая прильнуть к нему. Что я и делаю. Мои лопатки упираются ему в грудь, и я вздыхаю. Он смотрит на меня в зеркале и медленно наклоняется, чтобы поцеловать меня в плечо. Его зубы слегка

царапают мою кожу. Я вскрикиваю и наклоняю голову, подставляя ему для поцелуя шею.

Он спрашивает меня о том же, о чем и Лахлан несколько минут назад.

– Ты любишь меня, Наоми?

Мое тело все еще реагирует на то, как он произносит мое имя. У меня перехватывает горло, поэтому я просто киваю. Он наклоняется еще ближе и вдыхает запах моего тела.

Да, я люблю его. Люблю самым извращенным, самым невозможным образом.

Макс наклоняет голову и улыбается, словно знает, о чем я думаю. Его рука скользит от моей шеи вниз. Я вижу в зеркале, как его большая загорелая ладонь замирает там, где бьется мое сердце. Его пальцы ложатся на мою кожу.

Он опускает глаза и следит в зеркале за моей реакцией. Кончик его носа касается моей щеки. Мои пальцы сжимаются в кулаки, и я с упоением наблюдаю за тем, как его губы скользят по моей щеке.

– Если ты меня любишь, то не сдавайся, – шепчет он едва слышно.

– Обещаю, что не буду.

Я знаю, что будет дальше. И отчаянно хочу, чтобы на этот раз все получилось иначе. Поэтому я еще сильнее прижимаюсь к нему и вдыхаю его запах. Для меня, запертой в этом затхлом месте со стерильными стенами, Макс становится глотком свежего воздуха. Прежде чем исчезнуть, его запах обволакивает меня.

И да, он уже исчезает. Слова застревают у меня в горле, я тянусь к Макс, но рука пронзает пустой воздух.

Он исчезает, а я падаю.

Я ударяюсь спиной о спинку стула. От боли и неожиданности я вскакиваю. Мое сердце готово выскочить из груди. Я быстро дышу, пытаюсь унять сердцебиение.

– Наоми, с тобой все в порядке?

Я вздрагиваю и, подняв голову, вижу перед собой Мэри. Она смотрит на меня.

Она ждет, когда я отвечу, на ее лице застыла тревога. Я громко сглатываю и качаю головой. Мои пальцы больно впиваются в бедра, тело бьет дрожь.

– Да, все в порядке.

– Пора принимать лекарства, – говорит она.

Я встаю и, кивнув, следую за ней в свою комнату.

Во мне бурлит адреналин. Лоб блестит каплями пота. Хотя Макс ушел,

я все еще слышу его голос. Ощущаю его запах. Чувствую прикосновение его руки к моей коже.

Я знаю, что не выдумываю Макса. Я знаю, что ничего не выдумываю. И меня жутко пугает, что эти факты ничего не меняют.

Значение имеет лишь один-единственный факт – все думают, что я абсолютно чокнутая. И вот теперь человек, который пытался меня поддержать, теряет надежду.

Сегодня вечером я приму лекарства, лишь бы не думать о том, что меня ждет. Завтра смирюсь с тем, что для того, чтобы распутать мою историю, меня сначала уничтожат. Как та замерзшая капля воды, я неизбежно разобьюсь вдребезги.

Уйду, исчезну... пропаду.

2. Поверь мне

– Что тебе нравится?

Я перекатываюсь на бок и кладу голову на руку. Макс лежит на животе. Окно напротив нас открыто, впуская в комнату летний зной. Яркий солнечный свет льется в спальню, скользит по полу, забирается на кровать и косыми полосами ложится на спину Макса. Я провожу пальцами по его загорелой коже и наклоняюсь ближе.

Что мне нравится? Вместо ответа я целую его в губы. Вкусно. Макс отвечает на поцелуй, его руки касаются моего лица, удерживая меня на месте, а сам он садится.

Ни на миг не отрываясь от моих губ, он ложится на меня. Наши тела прижаты друг к другу. Он дышит носом, я обнимаю его руками и ногами.

Руки любимого обводят мое тело. Его дыхание согревает мою кожу, он целует меня в подбородок, затем его губы спускаются ниже.

А потом невидимая сила вырывает его из моих объятий. Он тянется ко мне, и, перед тем как он исчезает, я вижу в его глазах испуг. Он боится не за себя. Он боится за меня.

– Вон из моей головы! – произношу я со стоном. – Убирайся прочь! Уходи!

Я крепко прижимаю ладони к глазам, пока не начинаю видеть цветные пятна. Я нажимаю на веки сильнее в надежде на то, что образ Макса растворится и исчезнет.

Как долго воспоминание может повторяться, прежде чем с вашим разумом произойдет короткое замыкание? Я чувствую, как мой мозг пытается успевать за воспоминаниями о Максе. Мозг работает все быстрее и быстрее. Начинает перегреваться. А потом... бум. Взрывается.

В данный момент это не кажется таким уж плохим вариантом. Лишь бы настал тот блаженный момент, когда я смогу просто... быть.

Без воспоминаний.

Без слов.

Без боли.

В тишине.

Я встаю с кровати и начинаю расхаживать туда-сюда. С моих губ срывается стон. Я устала сидеть здесь. В этой крошечной комнате. Я смотрю на четыре белесые стены, что окружают меня. Они совершенно голые. Ни семейных фото, ни плакатов. Ничего. Помимо телевизора,

единственное развлечение, что у меня есть, – это большое квадратное окно.

Я устала от всего.

Это все равно что сидеть в тесной коробке. И каждый день, когда я сижу в ней, ее стены надвигаются на меня все ближе и ближе.

Большую часть дней я могу мириться с этим местом. Но теперь, когда Лахлан больше не приходит, мне становится страшно. Он единственный придавал мне сил.

Мэри стучит в мою дверь. Девять утра. Я ожидаю увидеть ее привычно хмурое лицо, но сегодня она смотрит на меня благодушно.

– Ты уже встала. Хорошо. – Она протягивает мне утренние таблетки. – Сегодня ты встречаешься с новым доктором, – говорит она.

Я нахмуриваю брови и проглатываю все таблетки разом.

– Почему?

Если честно, доктор Вудс как врач – полное дерьмо. Он считает меня полоумной. У нас с ним молчаливый уговор: он прописывает мне лекарства, я делаю вид, что следую его советам.

– Почему? Я понятия не имею, почему тебе нужно к другому врачу. – Она кивает в сторону коридора, и я не могу понять, лжет она мне или нет. – Ты готова?

Нет, я не готова. Я ненавижу перемены и не хочу начинать все сначала с новым доктором.

– Разве Вудс отказался от меня?

– Наоми... – Она вздыхает и отводит взгляд. – Я уже сказала тебе, что не знаю, почему тебе нужно встретиться с кем-то новым.

– Мэри, если вы хотите мне солгать, убедитесь, что выбрали правильную интонацию. Заставьте меня поверить в ваши слова.

Она бросает на меня непонимающий взгляд, но уголки ее рта слегка приподнимаются. Еле заметно.

– Поторопись. Иначе опоздаешь, – говорит она.

– Итак... этот новый доктор. У него есть имя? – спрашиваю я, когда мы идем по коридору.

– Это она, а не он. И ее зовут доктор Ратледж. Она здесь новенькая и очень хочет познакомиться с тобой.

Я играю с завязками своей серой толстовки и пытаюсь осмыслить эту новую информацию.

– И я буду первой, кто высосет из нее надежду?

– Нет, ты не первая. – Мэри строго смотрит на меня. – Она очень мила.

Здесь быть милой ровным счетом ничего не значит. Я даю ей максимум девять месяцев, прежде чем она передаст меня другому врачу

или снимет со стен свои красивые дипломы и вылетит отсюда.

Мы останавливаемся перед закрытой дверью. Я смотрю на бронзовую табличку. Черными буквами написано имя – Женевьева Ратледж, доктор медицины. Еще один человек, который вынесет обо мне суждение, и, если честно, я к этому не готова.

– Так ты идешь? – нетерпеливо спрашивает Мэри.

Я не хочу отвечать на глупые вопросы. Не хочу чувствовать на себе чей-то оценивающий взгляд.

– Наоми?

– Да. Иду, иду, – отвечаю я, но ноги отказываются повиноваться. Мои руки болтаются вдоль тела так, словно к ним привязаны гири.

Мэри теряет терпение. Она громко стучит в дверь и уходит. Я смотрю на нее, и впервые мне хочется броситься за ней следом.

– Входите! – раздается незнакомый голос.

Он кажется полным радости. На месте доктора Ратледж я бы не стала особенно радоваться. Если я не разрушу ее надежды, это сделает кто-то другой.

Стараясь шуметь как можно меньше, я медленно открываю дверь. Ее кабинет для меня стал полной неожиданностью. Кабинет доктора Вудса был призван запугивать. Каждый раз, когда я входила в него, клянусь, мне казалось, что прежде чем я дойду до стола, мне придется пройти несколько миль. Я шла словно на казнь.

Этот кабинет излучает тепло. Желтовато-коричневые стены увешаны дипломами. Ничего пугающего. Зато чувствуется женская рука. Растения возле окна, декоративный коврик на полу. Даже свеча на столе. На секунду я даже забываю, где я. И вспоминаю, лишь когда из-за стола встает невысокая брюнетка.

Первое впечатление от доктора Ратледж? Тридцать с небольшим лет. Милое лицо. Она улыбается, и я вижу ряд ровных, белых зубов. Для этого места у нее слишком счастливый вид.

– Привет, Наоми. Я доктор Ратледж!

Она протягивает мне руку.

Я смотрю на нее, как на яд, и осторожно протягиваю свою. Моя рука едва успевает дотронуться до ее пальцев, потому что я тут же отдергиваю ее назад.

Она даже не моргнула.

– Пожалуйста, присядь.

Я сажусь. Мои колени ходят ходуном. Я смотрю куда угодно, но только не на нее. Я чувствую на себе ее взгляд. Я перевожу взгляд на ее дипломы.

Ее полное имя Женевьева Мария Ратледж напечатано в середине каждого диплома.

Я воображаю ее младшим ребенком в большой семье. Четверо или пятеро братьев и сестер. Ее родители трудолюбивы. А как они гордились, когда она окончила медицинский колледж! Они со слезами на глазах наблюдали за тем, как она получает диплом, и думали: «Наша малышка изменит мир!»

Она садится, и стул под ней слегка скрипит. Она перелистывает бумаги в папке и берет с безупречно чистого стола ручку. Документы на нем сложены в идеальном порядке. Каждая вещь знает свое место. Перед ней открытый ноутбук.

Она сплетает пальцы и одаривает меня улыбкой на миллион долларов.

– Как дела, Наоми?

Мне было бы легче судить о ней, сделай она что-то такое, что заронило бы в меня подозрения. Доктор Вудс всегда был в белом халате, идеально отутюженном, без единой складочки, вечно застегнутом на все пуговицы. Таким официальным и строгим, что это мгновенно возводило между нами стену. Он был доктором, а я – больной на голову пациенткой. Но на докторе Ратледж нет белого халата.

На ней темно-синие брюки и кремового оттенка свитер. Я чувствую запах ее духов. Очень приятный. Я бы охотно брызнула его себе на запястье, не сиди я в психушке.

– Я в порядке.

Она снова улыбается. Это начинает меня раздражать. Доктор Вудс не улыбался так часто.

– Как ты спала? – спрашивает она.

– Неплохо.

Счастливое выражение не покидает ее лица, даже когда она задает мне вопрос, который никто ни разу не удосужился мне задать.

– Как ты думаешь, почему ты здесь?

– Что?

– Как ты думаешь, почему ты здесь? – повторяет она.

Мой взгляд упирается в пол. Тишина становится неловкой.

– Не знаю, – выдавливаю я из себя.

Она кивает и что-то пишет на листе блокнота.

– Ты здесь с кем-нибудь говорила?

– Вообще-то нет.

– Почему нет?

Когда я только прибыла в Фэйрфакс, доктор Вудс попытался заставить

меня пойти на откровенность. Но я не доверяла ему. Его подход был чисто клиническим, а голос – лишенным всяких эмоций.

Я говорю доктору Ратледж правду:

– Потому что не доверяла ему.

Ее брови удивленно ползут вверх.

– Это почему?

Я пожимаю плечами.

– Потому что ему все равно, что со мной будет.

Я впервые произношу эти слова вслух. Это хорошо. Доктор Ратледж не пытается меня переубедить. Она продолжает писать в своем блокноте.

– Думаешь, он тебе не верит?

Я многозначительно улыбаюсь.

– Нет, я просто знаю, что не верит, – быстро отвечаю я.

– Кто-нибудь поддерживает тебя?

Раньше был человек, который меня поддерживал, но Лахлан утратил веру в меня. Интересно, сколько времени остается у меня самой до того, как я перестану верить в себя?

– Никто, – отвечаю я.

Мой голос угрожает меня выдать.

– И что ты чувствуешь по этому поводу?

– Что кто-то чувствовал бы, зная, что его никто не поддерживает? – парирую я. – Конечно, дерьмово.

Она кивает и улыбается, словно мои короткие, но честные ответы ее удовлетворяют.

– Понятно. На твоём месте я бы тоже злилась.

Я смотрю на нее из-под ресниц и пытаюсь понять, обманывает она меня или говорит правду. В ее лице я не вижу ничего, кроме честности. И тогда мне на глаза наворачиваются слезы. Я пожимаю плечами и смотрю в пол. Все вокруг становится размытым, чувствую, что еще пара секунд – и я разревусь.

Глупо. Бестолково. По-детски. Я могу называть это как угодно, но слез сдержать не могу. Я отвечаю ей, потому что слова помогают мне не разрыдаться.

– Я не злюсь. Я просто... подавлена.

– Почему?

– Я знаю: то, что случилось, – правда, – отвечаю я. – Но это не имеет смысла. Даже для меня. И если я запуталась, то как я могу ожидать, что остальные поверят мне? Я просто...

Я тут же закрываю рот и приказываю себе молчать. Похоже, я

увлеклась.

Доктор Ратледж не торопит меня.

– Наоми, я ознакомилась с твоей медицинской картой. – Она смотрит мне в глаза и говорит медленно: – Я просто хочу помочь тебе.

Я никогда не видела, что написано в этой самой «медицинской карте», но что-то подсказывает мне, что там целая куча лжи.

– Это не то, кто я есть.

Доктор Ратледж склонила голову набок.

– Что именно?

– То, что здесь написано. – Я постукиваю пальцем по лежащей на ее столе папке. – Это не я. Это чей-то еще взгляд на то, что случилось. Но не мой.

– Тогда расскажи мне свою историю.

– Вы просто собираетесь вынести свое суждение, – говорю я.

– Я не стану этого делать, если ты дашь мне шанс.

Я откидываюсь на спинку стула и складываю руки на груди.

– Нет.

– Почему нет?

– Называйте меня сумасшедшей, но что, если я просто не хочу рассказывать о своей жизни постороннему человеку.

– Я здесь не для того, чтобы тебя судить, – говорит она. – Я лишь хочу, чтобы ты рассказала мне все, что знаешь. Скажи мне, что привело тебя сюда, чтобы я могла поскорее вернуть тебя в обычный мир.

Даже если она и бойкая на язык, есть в ней нечто успокаивающее. Что-то располагающее. Как будто я могу раскрыть ей мой самый темный, самый постыдный секрет, и она выслушает его не моргнув глазом.

Открыв рот, я вверяю себя ей. Я очень надеюсь, что она примет мои слова и поверит: все, что я ей говорю, – это и есть моя жизнь. Она держит себя так, будто ее просьба – самая простая вещь в этом мире. Для меня же это все равно что просьба вскрыть вены и истечь ради нее кровью.

– Настоящая Наоми никогда бы не сдалась так быстро. Она бы боролась за то, чтобы остаться в настоящем.

Черт тебя побери, Лахлан Холстед!

Я как наяву вижу его, он сидит рядом со мной, глядя на меня честными глазами. Я всегда могла прочесть в его глазах все. Досаду, смех, радость, гнев. Он никогда ничего не скрывал. Это самая главная вещь, которая всегда притягивала меня к нему. Теперь же это меня убивает. Я вижу его лицо, слышу его слова, хотя единственное, чего я хочу, – это забыть о них.

Доктор Ратледж заглядывает в свои бумаги.

– Расскажи мне про Макса и Лану.

Лишь бы на меня не повлияло звучание их имен! В идеальном мире они просто скатились бы с моих плеч, и я бы спокойно ответила доктору Ратледж, что отродясь их не слышала. Она бы вопросительно посмотрела на меня, и я бы сказала ей, что понятия не имею, кто эти люди. Должно быть, она взяла не ту папку.

Но этот мир далек от совершенства.

Реальность – это мгновение, когда я слышу имена. Воздух медленно покидает мои легкие. Сердце колотится, как будто готово выскочить из груди.

– Нет, – резко говорю я. – Нет. Я не могу.

Доктор Ратледж удивленно поднимает бровь.

– Почему нет?

– Потому что...

Я смотрю на свои спортивные штаны и снимаю с них невидимые ворсинки.

Все то время, что я была в ее кабинете, в нем стояла тишина. Но моих ушей достигает какой-то треск. Он режет уши, и я даже вскрикиваю. Похоже на плохо настроенное радио.

И тогда я слышу голос, доносящийся откуда-то из-за моей спины.

– Наоми. – Волоски на моих руках встают дыбом. – Тебе никто не поверит.

Голос становится громче, настойчивее, враждебнее.

Паранойя вынуждает меня обернуться. Позади меня ничего нет, по крайней мере, в физическом смысле. Но я что-то чувствую. Это незримое присутствие настолько зловещее, что кажется, будто через несколько секунд разверзнутся глубины ада и поглотят меня целиком.

Я вспоминаю девушку, которую видела в коридоре. Ее глаза вспыхивают в моем сознании.

– Какого черта я все еще здесь?

Я не хочу доходить до этого. Хотя знаю, что уже близка. Тьма готова подмять меня под себя.

– Наоми? С тобой все в порядке?

Я смотрю на доктора Ратледж, но слышу голос Лахлана.

– Настоящая Наоми никогда бы не сдалась так быстро. Она бы боролась за то, чтобы остаться в настоящем.

А потом говорит Макс:

– Если ты любишь меня, не сдавайся.

Их голоса сливаются воедино. И это вселяет в меня слабую надежду.
Я тупо киваю. Мое тело дрожит.

– Я вам скажу.

Доктор Ратледж – само спокойствие. Сидит, ожидая, что я расскажу ей свою историю. Но прежде чем сказать хоть слово, я смотрю ей в глаза. «Слушайте внимательно, – говорит мой взгляд. – Не отвлекайтесь. Внимайте каждому слову. Но больше всего, прошу вас, поверьте мне».

3. Белые фонарики

Шесть месяцев назад, в летний зной, в разгар веселья, в гуще людей, которых я знала всю жизнь, все изменилось. Садились солнце. Темно-голубое небо окрашивали полосы цвета обожженного золота. Звонко ударялись друг о друга бокалы с шампанским. Легкий ветерок охлаждал мою разгоряченную кожу. Внутри белого шатра покачивались бумажные фонарики.

Все казалось нормальным, даже безмятежным. Я была спокойна, уверена в себе. Мне казалось, что я хозяйка собственной жизни. Что у меня есть право принимать решения. Хорошие или плохие, неважно. Главное, что мои собственные.

Реальность же заключалась в том, что вся сила, которой, как мне казалось, я обладала, никогда не была моей. Это была судьба. Она окружала меня со всех сторон, принимала за меня решения, вела меня дорогой, которую считала правильной.

Ветерок, приносящий прохладу от летней жары? Он ласкал мою кожу, но и направлял меня вперед. Это он побудил меня ставить одну ногу перед другой.

А эти красивые белые огоньки? Как тысячи звезд, которые кто-то опустил с неба за ниточку. Они подмигивали мне. Манили меня.

Прекрасный закат? Он стал прелюдией к той ночи. Цвета и краски неба смешались, и люди застывали на месте, чтобы полюбоваться ими. Затаив дыхание, они наблюдали за тем, как на смену дневному свету приходят сумерки. Закат завершил мощную песню, наполнявшую вас ожиданием, потому что стер все ошибки, которые вы совершили в ярком свете дня. А ночь только начиналась.

Но я любовалась закатом не слишком долго. Лишь одобрительно окинула взглядом все вокруг.

– Это прекрасно, – сказала я своей лучшей подруге Лане.

Она кивнула и потеревила подол платья. Лана была единственной причиной, по которой я сейчас здесь. Единственной причиной, почему я охотно возвращалась домой в дни летних каникул.

– Прекрати. – Я закрыла глаза и резко вздохнула. – Идеальная летняя ночь. Идеальная летняя вечеринка.

– А на самом деле самая худшая, не так ли?

– Каждая вечеринка худшая для тебя, – возразила я.

Она не стала спорить. В этом вся Лана. Уникальный человек, который раскрывал свою истинную личность лишь нескольким избранным.

Ее плечо коснулось моего. Бросив взгляд на людей, спокойно ожидающих очереди войти в шатер, она шепнула:

– Дело в этих людях. Для них важны только их деньги, их дорогая одежда, их «бэхи», «мерсы» и «ягуары». Это нелепо. Они все нелепые. Они...

– Такие же, как всегда, – закончила я за нее.

Мы общались с людьми, которых знали всю свою жизнь. Каждое предложение они заканчивали словами «моя дорогая». У них были идеально ровные, отбеленные зубы. Они были членами Конгресса, дипломатами, успешными предпринимателями. Все они обладали огромными суммами в банках и множеством особняков по всей стране. И каждая принадлежащая им вещь являла собой символ их богатства.

Добро пожаловать в Маклин, штат Виргиния.

– Спасибо, что пришла со мной, – сказала она.

– Без проблем. – Я протянула ей руку и сделала шаг. Потом еще один. – Как долго ты хочешь здесь оставаться? – уточнила я.

– Всего пятнадцать минут. Этого должно быть достаточно, чтобы осчастливить моих родителей.

– Могу побыть пятнадцать минут, – небрежно сказала я. – Мероприятие устраивает бизнес-партнер твоего отца?

– Он самый, – подтвердила она.

Я мысленно вернулась к нашему разговору в машине, пытаюсь вспомнить его имя.

– Максимилиан?

– Все называют его Максом, – ответила Лана.

Я повернулась к ней. Очередь медленно двигалась вперед.

– Ты встречала его раньше?

– Нет.

– Значит, это может быть толстый лысый старикашка, который втихаря щупает тебя, когда обнимает?

– Или же великолепный красавец в расцвете лет, – предположила она.

Я фыркнула:

– Точно нет.

У нас больше не появилось возможности поговорить об этом самом Максе. Очередь двигалась быстро, и когда мы вошли в белый шатер, то принялись разглядывать толпившихся там людей. Я видела улыбки. Слышала смех. Ощущала окружающую меня радость. В отличие от меня

Лана видела пяточок земли, под завязку набитый людскими телами. Слышала голоса, которые постепенно начали ее тревожить. Ощущала начало панической атаки.

– Эй. – Я подтолкнула ее плечом и ободряюще улыбнулась. – Всего пятнадцать минут. Не больше.

Она кивнула. Она побледнела, но глубоко вздохнула и шагнула вперед вместе со мной. Наши губы растянулись в приветливых улыбках. Мы обошли шатер изнутри. Мы вели искусственные разговоры. Говорили «привет» этому и «рады вас видеть» тому.

Краем глаза я увидела родителей Ланы, Майкла и Констанцию. Ее отец занимал пост сенатора от штата Виргиния. Помню бесчисленные митинги, на которые Лане приходилось ездить во время избирательной кампании отца. Она обычно стояла неподвижно, как статуя, а ее мать улыбалась толпам людей, буквально купаясь в их внимании. Сейчас лицо Констанции тоже сияло ослепительной улыбкой. Я помахала ее родителям. Они кивнули нам и улыбнулись в знак одобрения, довольные тем, что Лана пришла сюда.

Сегодня я представляла здесь свою семью. Мои родители тоже были успешными людьми, но не в масштабе родителей Ланы. Они уехали на лето путешествовать по Европе. Одна неделя в Италии, следующая в Баварских Альпах, затем переезд в Прагу. Я же на все лето осталась с Ланой.

Схватив бокал шампанского у проходящего мимо официанта, я осторожно держала его подальше от себя, опасаясь, что меня случайно кто-нибудь непременно толкнет, и я оболью платье.

Шатер был заполнен до отказа, но людей по-прежнему впускали внутрь. Я пробиралась сквозь толпу, пытаюсь найти то единственное место, которое даст мне несколько дюймов свободного пространства. Такого места не находилось. Я открыла рот, чтобы что-то сказать Лане, но не увидела ее поблизости. Поднявшись на цыпочки и вытянув шею, я повернулась кругом, чтобы найти ее. Бесполезно. Толпа безжалостно разделила нас.

– Наоми! – окликнул меня чей-то голос.

Я обернулась.

Ко мне шел Патрик, друг моих родителей. Лысый, с остатками седых волос по бокам головы. Как и большинство присутствующих, он был неприлично богат, что давало ему власть. Но из-за его румяных щек и широкой улыбки с ним было приятно общаться.

– Привет!

– Ты знакома с хозяином сегодняшней вечеринки? – спросил он.

– Нет, не знакома.

– Мы обязательно это исправим!

Патрик развернулся, пытаясь отыскать в толпе Макса. Не увидев его, он сложил рупором ладонь и окликнул.

Большинство гостей вокруг нас тотчас умолкли и смерили Патрика колючими взглядами. Не обращая на них внимания, он продолжал потягивать шампанское.

– Этот мальчишка... он нечто.

Патрик называл всех, кто моложе тридцати, «мальчишками». Следовательно, этот Макс не слишком стар. Но хотя мне и было любопытно познакомиться с таинственным хозяином вечеринки, в первую очередь мне требовалось найти Лану. Ведь это из-за нее я пришла сюда.

– Наверно, мне не нужно с ним знакомиться, – сказала я. – Я ищу Ла...

– Чепуха, – оборвал меня Патрик. – Это займет всего несколько минут.

С этими словами он продолжил разглядывать толпу.

– Сейчас он мой биржевой маклер, и это мое лучшее решение за последние годы! – рассеянно произнес Патрик. – У меня имелись на сей счет сомнения... да-да. С какой стати мне доверять мои деньги этому мальчишке, что он смыслит в инвестициях? Но он доказал, что я был неправ!

Патрик рассмеялся и, наконец, посмотрел на меня. Я вежливо улыбнулась.

И оглянулась через плечо – это все, чем я намеревалась удостоить этого Макса. Мимолетный взгляд, самое большее – вежливый взмах руки. И только.

Но случилось совсем другое.

Случилось то, что, увидев Макса один раз, я больше не смогла отвести от него глаз. Думаю даже, что я ни разу не моргнула.

В Максе не было ничего от старости. Вообще ничего.

Высокий, ростом под два метра. Мужчины такого роста обычно худые, как жердь, но белая рубашка плотно обтягивала его крепкие плечи. Рукава были закатаны до локтей, и я разглядела голубоватые вены, что тянулись от запястий вверх по сильным рукам. Он слушал какого-то стоявшего рядом мужчину. Поза Макса была расслабленной, ноги скрещены, руки он небрежно сунул в карманы черных брюк.

Я могла бы подробно описать вам все, что делало его классическим красавцем. Могла бы, но я сама все это едва замечала. Первое, что бросилось мне в глаза, – просто потрясающая уверенность в себе, которую излучали его глаза и широкая улыбка.

Чем дольше я стояла там, тем больше мне казалось, что стены шатра

надвигаются на меня. Встав на цыпочки, я старалась получше разглядеть Макса.

Рядом с ним зависала симпатичная рыжеволосая девушка. Макс улыбнулся ей и обвел глазами толпу. Он не видел, как я таращилась на него, но потом все-таки заметил меня. Вместо того чтобы отвернуться, я храбро ответила на его взгляд.

Он выгнул бровь, на губах заиграла плотоядная улыбочка. Он отошел от стола и шагнул в мою сторону.

«Вот оно. Подойди ближе», – поманила я его взглядом.

Эта улыбка предназначалась мне. Он смотрел прямо на меня. Кто-то налетел на меня, извинился, но я лишь отмахнулась, не желая отводить взгляда от Макса. Я чувствовала себя одержимой. Я никак не могла перестать смотреть на него. Видя, что он идет ко мне, я буквально сгорала от волнения. Если меня трясло, пока Макс стоял на другом краю шатра, то каково было бы находиться в нескольких дюймах от него?

– Иди сюда, дружок, – позвал Патрик.

Вздвогнув, я посмотрела на Патрика. Я и забыла, что он стоит рядом. Если честно, я забыла обо всем на свете. Забыла о музыке и смехе, о людях вокруг меня.

– Ты знаком с Наоми?

Я твердо встретила взгляд Макса. Я знала, что выгляжу спокойной и уверенной в себе, но под платьем, прямо за ребрами, мое сердце колотилось, как барабан.

«Просто дыши, Наоми, – сказала я себе. – Он такой же, как и любой другой мужчина».

– Нет, – ответил он. Его глаза игриво блеснули. – Мы не знакомы.

Он протянула руку, он удостоил меня интимной улыбки. Я тотчас засомневалась, что мы незнакомы. По моей коже побежали мурашки. Но я бы запомнила эту улыбку. Я бы запомнила это чувство. Нет, раньше мы не встречались.

– Рад познакомиться, – сказал он.

Вот оно... Голос.

Низкий, почти гипнотический. Типичный для южан протяжный говорок. Он медленно произносил каждое слово. И самое простое слово, слетавшее с его губ, казалось запретным.

Он улыбнулся мне. Неторопливая улыбка растягивала его губы и доходила до его глаз. Казалось, что каждый ее дюйм пронзал мне сердце.

Я пожала ему руку.

Моя кровь буквально загудела. Рукопожатие Макса сделалось крепче.

Я уже собралась убрать руку, но он задержал ее в своей ладони на несколько секунд дольше положенного. Мы продолжали пожирать друг друга глазами. Раньше на меня никто так не смотрел. Казалось, его взгляд пронзает меня насквозь.

Наконец я обрела дар речи.

– Взаимно, – сказала я.

И тогда он спросил мое полное имя. И я назвала его. Он спросил меня еще о чем-то, я ответила, а потом ушла с Ланой.

Миссия выполнена.

Игра закончена.

Дальше каждый мог жить своей жизнью.

Но только такого не случилось.

– Наоми, – сказал он, и я поняла, что могу легко привыкнуть к тому, как он произносит мое имя. – Наоми, тебе весело сегодня вечером?

«Весело ли мне? – задумалась я и посмотрела на свой пустой бокал. Мои руки дрожали. – Ну, да, было весело».

Мимо проходил официант. Я обменяла пустой бокал на новый и улыбнулась Макс:

– Все в порядке. Теперь уже лучше.

Он скрестил руки на груди и одарил меня сногсшибательной улыбкой.

Мне всегда говорили, что мой острый язычок до добра не доведет, и, вероятно, были правы. Но Макс, похоже, не возражал. Более того, мне показалось, именно поэтому он буквально сверлил меня глазами.

Он сделал еще один шаг вперед и наклонил голову.

– Что вы думаете о вечеринке?

Я сделала шаг ему навстречу.

– Не думаю, что вы должны меня об этом спрашивать.

– Разве?

Я покачала головой и улыбнулась.

– Посмотрите лучше туда, – указала я на грузного лысоватого мужчину в углу.

Макс обернулся, задев меня плечом. На наших глазах мужчина поднял бокал и предложил тост за своих друзей. Они выпили, и их смех разнесся по всему шатру.

– Мне кажется, ему весело за всех остальных.

Макс скептически улыбнулся.

Я оглянулась и увидела свою следующую цель. Мать Ланы.

– Возьмем эту прекрасную леди. – Она стояла прямо напротив Макса, но он подался вперед и пристально посмотрел на нее. Его подбородок

коснулся моих волос. Я шумно втянула в себя воздух и продолжила, словно ничего не почувствовала: – Она живет ради этих вечеринок, где она может оказаться в центре внимания. И она будет стоять там, жалуясь своим друзьям, что горничная вовремя не забрала ее вещи из химчистки, а садовник не подрезал ее розовые кусты. – Словно по сигналу, дамы вокруг матери Ланы наклонились и в знак утешения похлопали ее по руке. – А теперь ее подруги выражают ей соболезнования, ибо нет ничего трагичнее увядающих роз.

Макс посмотрел на меня и улыбнулся. Между нами чувствовалось мощное притяжение. Разговаривать с ним было легко и естественно. И так просто.

– Вы думаете, они говорят именно об этом?

– Я это точно знаю, – с апломбом заявила я.

– Но вы не такая, как они?

Макс шагнул чуть ближе. О, этот его запах! Что это, одеколон, гель для душа или его собственный аромат, *Eau de Max*? Не знаю, не могу сказать. В любом случае меня так и подмывало уткнуться носом в его шею.

Я моргнула, отгоняя от себя этот образ, и задумалась над его вопросом. Но так и не придумала внятный ответ. Макс стоял ко мне так близко, что я могла видеть все. Его густые черные ресницы, коричневые крапинки его радужки, крошечный шрамик под правым глазом.

Мне хотелось и дальше смотреть на него, находя черточки, которые большинство людей ни за что не заметят. Но он, подняв брови, стоял передо мной и ожидал услышать мой ответ.

Я поднесла бокал к губам и сделала глоток. Мне хотелось придать себе храбрости. Его взгляд скользил по моему подбородку, по изгибу шеи, словно его зачаровало то, что он видел.

Шампанского в бокале больше не осталось. Я посмотрела на свой пустой бокал.

– Не считая моего сомнительного пристрастия к алкоголю, нет, я не такая, как они.

Я закатила глаза и обратилась к небесам с мольбой, чтобы он счел мои слова остроумными. Но он лишь задумчиво смотрел на меня. Со смесью желаний и опасения. Я бы не стала его винить за это. Сколько раз в жизни вы испытывали такое неодолимое притяжение?

Я моргнула, и белые фонарики над нами расплылись и стали желтыми. Разговоры вокруг стихли. Нас словно отгородил занавес. Мы находились в собственном мире, где, кроме нас, не было никого.

Его взгляд медленно скользил по моему телу. Я оделась для

сегодняшней вечеринки достаточно консервативно, но Макс быстро раздевал меня глазами, отчего мне казалось, будто моего бледно-розового платья с короткими рукавами просто не существовало. Кровь ударила мне в голову.

Протянув руку, я схватилась за ближайший стул.

А потом кто-то нарочито громко кашлянул поблизости, и мы поняли: Патрик все еще стоит рядом с нами.

Все звуки, которые раньше едва слышались, вновь зазвучали на полную громкость. Вокруг меня плыла волна голосов. Играла музыка. В толпе гостей сновали официанты. Кто-то налетел на меня.

Наш момент закончился.

– Я должен вернуться к гостям, – медленно произнес он.

– Да, пожалуй.

Он остался стоять. Я тоже.

Наконец он сделал шаг назад.

– Скоро увидимся.

И ушел.

Спустя пару минут я нашла Лану. Она стояла рядом с баром и выглядела озабоченной. Стоило ей увидеть меня, как лицо ее просветлело.

– Вот и ты, – сказала она со вздохом облегчения.

– Я видела его.

Лана нахмурилась.

– Кого?

– Хозяина вечеринки. Макса.

– Неужели?

Я кивнула. Мое сердце колотилось все так же бешено. Голова шла кругом.

– И что ты думаешь о нем? – спросила она.

– Он нечто, – пробормотала я.

Макс стоял достаточно близко – совершенно не подозревая, что я пялюсь на него, – и разговаривал с кем-то из гостей. Я воспользовалась ситуацией и подтолкнула Лану локтем в бок.

– Вот он, – сказала я, указывая на Макса.

Лана посмотрела в его сторону, моргнула, а затем снова посмотрела на меня. Подозреваю, что мои глаза выдали меня с головой. Улыбка Ланы моментально померкла.

– А как же Лахлан? – спросила она.

Я напряглась. Эйфория, владевшая мной всего несколько секунд назад, испарилась в мгновение ока. Ощущение возникло такое, будто мне

заложило уши и я лишилась слуха.

– А что Лахлан? – ответила я вопросом на вопрос.

Лана была моей лучшей подругой. Она знала обо мне все, что только можно, и знала, насколько сильны мои чувства к Лахлану.

– Зачем ты его вспомнила? – Я не дала ей возможности ответить. – Его здесь нет, – твердо сказала я. – Так что давай не будем о нем.

Лана внимательно посмотрела на меня и кивнула.

– Ладно, не будем.

Она не стала допытываться, что произошло между Максом и мной. Но спроси она, то поняла бы мою реакцию. Она бы увидела мой страх. Ни один парень не вызывал его во мне, кроме Лахлана Холстеда.

Я старалась задвинуть мысли о Лахлане в самые дальние уголки памяти и очень надеялась, что мне хватит сил это делать, пока я не уйду с вечеринки.

План состоял в том, чтобы побыть здесь минут пятнадцать, но я не могла просто выйти из шатра и уйти. И мы остались. Мы поговорили с ее родителями. Я наклеила на лицо улыбку. Станцевала под одну песню. И всякий раз, когда Макс был рядом, мое тело оживало, кровь ревела в ушах, а сердце танцевало в груди.

Вечер подходил к концу. Большинство гостей были слегка навеселе. В том числе и я. Но что стало тому причиной – Макс или шампанское? Не знаю. Не могу сказать.

Макс вышел на сцену, где сидели музыканты, и, посмотрев на толпу, постучал по бокалу. Разговоры разом стихли. Головы всех гостей повернулись к нему.

Он поднял свой бокал. Все сделали то же самое. Все, кроме меня. Я прижала бокал к груди.

– Я хотел бы поблагодарить всех вас за то, что вы пришли...

Что он сказал после этого? Не помню. Я наблюдала за окружающими. Казалось, все они попали под его чары.

Макс как магнитом притягивал к себе людей своей теплой улыбкой, своим обаянием. Он знал, что в этом заключалась его сила, и использовал ее в своих интересах.

Я покрутила в руке бокал, наблюдая за Максом. Интересно, сколько сил ему стоило так быстро проникнуть в этот тесный, замкнутый круг?

– Я надеюсь увидеть вас всех очень скоро.

Он перехватил мой взгляд, и меня словно ударило током. Мне инстинктивно захотелось отпрянуть в сторону, попятиться назад – как поступает дикое животное, столкнувшись с опасностью.

Но он отвел глаза и улыбнулся толпе.

– Наслаждайтесь остатком вечера!

Гости шепотом выразили согласие и выпили. Гости, но не Макс. Он снова нашел меня взглядом и поднял бокал, провозглашая тост.

Безмолвный тост.

«Приготовься!» – сказал его приподнятый бокал. Его ленивая улыбка исчезла, в глазах зажегся лихорадочный огонь. И чем дольше мы смотрели друг на друга, тем лихорадочнее он становился.

Я сделала ответный жест и пригубила шампанское.

Я понятия не имела, что меня ждет.

4. Тону

Следующие несколько дней я провела главным образом в обществе Ланы. Я ни разу не видела Макса. Это не значит, что я не хотела его видеть. Мое сердце и память объединились и дразнили меня. Они преследовали меня его образом, воспоминаниями о том, что я чувствовала в тот день. Во мне медленно закипало нетерпение. Я хотела увидеть Макса снова. Хотела вновь испытать прежнее чувство. Такое сильное желание пугало. И я ждала, надеясь, что смогу обуздать его.

Но сегодня все должно было измениться.

Мы с Ланой договорились съездить куда-нибудь пообедать. Но она быстро свернула налево, и не успела я и глазом моргнуть, как мы оказались в Тайсонсе – крупном деловом районе недалеко от Маклина.

Припарковавшись у тротуара, мы сидели в машине. Лана нервно барабанила пальцами по бедру и смотрела в окно.

– Мы собираемся сидеть здесь вечно и таращиться на прохожих или пойдем обедать? – спросила я.

Лана потянулась назад, чтобы взять с заднего сиденья бумаги.

– Отец попросил передать документы.

– Хочешь, я передам их за тебя? – предложила я.

Я знала, что она думает о толпе... о людях в целом. Ей не впервые приходилось выполнять поручения отца, но лучше я возьму это на себя. Кроме того, я была голодна как волк, и чем быстрее мы уедем отсюда в ближайший ресторан, тем лучше.

Я ждала, когда Лана отдаст мне документы. Но она продолжала крепко сжимать их в руке.

– Лучше не надо, – сказала она.

Она посмотрела в окно машины на высокое здание рядом с нами. Я посмотрела туда же. Спасаясь от изнуряющего зноя, люди вокруг нас спешили к своим автомобилям или ныряли в двери магазинов, но это здание гордо возвышалось над нами. Над вращающимися дверями черными буквами было начертано название компании. Я поняла нерешительность Ланы.

Я посмотрела ей в лицо.

– Здесь работает Макс?

Она медленно кивнула.

– И тебя это беспокоит... почему? – улыбнулась я. – Лана, я видела его

только раз. И все. Тебе не о чем беспокоиться.

– Но... Лахлан. Ты не разговаривала с ним уже несколько дней.

Я всплеснула руками.

– Почему ты опять заговорила о нем? Обычно ты почти не говоришь о Лахлане. Более того, в последнее время ты словом не обмолвилась о нем! Подумаешь, я не разговаривала с ним, – ответила я. – Что в этом такого?

Судя по виду Ланы, я ее не убедила. Она все прекрасно читала по моим глазам. Каждый раз, слыша имя Лахлана, я была готова корчиться от боли.

– Дай мне документы, – тихо сказала я. – Я передам их его секретарю, или кому-нибудь из сотрудников, или первому встречному, черт возьми.

Лана ничего не сказала.

– Можешь отнести их сама, – предложила я.

Она вложила бумаги в мою протянутую руку. Перед тем как выйти из машины, я посмотрела на Лану. Ее взгляд был устремлен в окно, губы сжаты в тонкую линию.

– Не бери в голову. Тоже мне, нашла из-за чего переживать! – сказала я. – Макс – лишь один из многих. Не более того.

– Ладно, уговорила.

Я ждала, когда она улыбнется. Никто не улыбался так, как Лана. Улыбка преображала ее лицо. Из тихой, молчаливой особы она превращалась в настоящую красавицу, и вам непременно хотелось увидеть эту улыбку еще раз.

Но сейчас она не улыбнулась мне.

Я открыла дверь, зная, что наш разговор не закончен. Даже близко не закончен.

– Его офис на седьмом этаже, – крикнула мне вслед Лана.

Я показала ей большой палец и шагнула в летнее пекло. Пробудь я здесь дольше пяти минут, я точно растаяла бы, как мороженое на солнце. В знойном мареве все вокруг казалось размытым, лишенным четких очертаний. Странно, подумала я, почему с тротуаров не поднимается пар?

Вращающиеся двери находились всего в нескольких шагах от меня. Я смотрела на них и невольно представляла себе лицо Макса. В моей голове звучал его безмолвный тост: «Готовься!»

Несмотря на обжигающий зной, я вздрогнула.

Набрав для смелости полную грудь воздуха, я последовала указаниям Ланы и пересекла главное фойе. Мои шлепанцы звонко стучали по черному гранитному полу. Расписавшись на ресепшен в регистрационном журнале, я взяла карточку посетителя и направилась к лифту. Меня окружали

мужчины в строгих костюмах. Они тихо разговаривали по мобильным телефонам или сдержанно общались друг с другом. Увидев свое отражение в дверях лифта, я поняла: в коротких белых шортах и зеленом спортивном топики я смотрюсь на их фоне инородным телом.

Двери, наконец, открылись. Я нажала на кнопку с цифрой семь. Лифт пришел в движение. Я смотрела, как надо мной вспыхивают числа, пальцы машинально барабанили по бедру. Вы не поверите, но я начала нервничать. Похоже, это была не самая лучшая идея. Похоже, Лана была права.

Два, три, четыре...

Я прерывисто вздохнула.

Пять, шесть...

Мои пальцы еще крепче сжали документы.

Семь...

Двери беззвучно открылись. За ними находился типичный офис. Черные кресла вдоль стены. Черно-белые фотографии небоскребов. Стопки журналов на столах. Повсюду зеленые растения в горшках. Прямо посередине – стол секретарши, за которым сидела симпатичная брюнетка.

Я иду, ставлю одну ногу перед другой. «Сделай это и убирайся отсюда», – приказала я себе. Брюнетка подняла голову и доброжелательно улыбнулась мне. Но стоило ей заметить мой наряд, как ее улыбка моментально испарилась. Я бы не осмелилась поставить ей в вину то, что она мысленно осудила меня. Я посмотрела на имя на стойке. Софи Миллер.

– Чем я могу вам помочь? – спросила она.

Я подняла руку со стопкой конвертов.

– Мне нужно вручить это.

– Вы можете просто оставить их мне. Я позабочусь о том, чтобы они попали к получателю.

– Спасибо, – поблагодарила я.

Софи взяла ручку и блокнот.

– От кого эти документы? Как мне записать ваше имя?

Я оперлась на стойку и улыбнулась.

– Мое имя – Старлайт, я из местного стрип-клуба. За вашим начальником остается неоплаченный должок в баре, и я только что доставила его новый счет.

Ручка со стуком упала на стол. Софи подняла голову и уставилась на меня, разинув рот. Да, это приколы! Мой мандраж постепенно улетучивался. И как только я начала расслабляться, дверь позади секретарши открылась, и из нее вышел какой-то мужчина. Не Макс.

Я улыбнулась.

Я вздохнула с облегчением, но следом за незнакомцем из двери появился Макс. Моей улыбки как не бывало. Я ощутила легкое покалывание во всем теле. Макс был одет в белую рубашку, заправленную в темно-синие брюки. Полосатый галстук и сшитый на заказ жилет выгодно подчеркивали его широкие плечи. Он скрестил руки на груди, и я увидела на его запястье серебряные часы.

Мое тело словно налилось свинцом. Движения замедлились. И это все из-за него. Я схватилась за стойку. Не имело значения, что Макс не смотрел в мою сторону. Магнетизм исходил от него волнами, притягивая меня к нему, медленно затаскивая на дно, заставляя мои легкие судорожно сжиматься при каждом вдохе.

Макс говорил что-то с серьезным видом. Я видела: он в своей стихии. Бизнесмен до мозга костей. Такие всегда точно знают, когда нужно молчать и слушать, а когда говорить.

Мое сопротивление, малое его количество, что еще оставалось во мне, начало стремительно таять. Мне требовалось как можно быстрее уйти отсюда. Я попыталась привлечь внимание Софи. Попыталась – этим все сказано. Она буквально пожирала Макса глазами.

Я попробовала пустить в ход свои лучшие манеры и очень вежливо позвала ее по имени. Софи даже не смотрела на меня.

Я постучала по стойке. Безрезультатно. Я посмотрела на Макса. Он заканчивал разговор. Мое сердце забилось быстрее. Я знала, что в моем распоряжении последние секунды, прежде чем бомба взорвется, причем полыхнет прямо перед моим лицом.

– Эй, послушайте! – Я щелкнула пальцами. – Софи!

Она резко повернула голову и нетерпеливо посмотрела на меня.

– Да?

– Мне нужно идти, – быстро выпалила я. – Вы можете просто сказать, что заходила Наоми, чтобы передать документы для?..

Макс остановился на полуслове. И я остановилась на полуслове.

Он повернул голову в мою сторону. Я молча проклинала себя. До этого он жестикулировал, но теперь его руки застыли в воздухе. Он моргнул и посмотрел на меня так, будто я ему примерещилась.

Если честно, я бы тоже это предпочла. Эх, щелкнуть бы пальцами и исчезнуть в ту же секунду!

Видя, что Макс умолк, его собеседник тоже прекратил разговор и посмотрел на меня. Затем на Макса, затем снова на меня и, извинившись, вышел из комнаты.

– Наоми?

Как ему это удалось? Что он сделал такого, что мое имя прозвучало так... греховно?

Я прокашлялась.

– Да, это мое имя.

Он подошел ко мне.

– Как поживаешь?

Я пожала плечами и крепко сжала конверты в руке.

– Нормально.

Он сунул руки в карманы и прислонился к столу Софи.

– Хорошо проводишь лето?

Отвечая, я уставилась в стол секретарши, тщетно пытаюсь казаться невозмутимой.

– Ага, прекрасно. Просто была жутко занята. Ну, вы знаете, как это бывает.

– Разумеется. Занята, – произнес он.

Я подняла голову. Наши взгляды встретились.

– Да, просто навещаю друзей и выполняю разные поручения. Я подумала, что могу с максимальной пользой использовать мое время, пока я здесь.

Это была ложь. Не разбуди меня Лана этим утром, я бы проспала до полудня и просидела бы весь день дома. Смотрела бы повторы реалити-шоу с тарелкой пирожных на коленях.

– И как долго ты пробудешь здесь? – спросил он.

– До сентября.

Наверное, так действовал обман зрения, но, клянусь, Макс медленно приближался ко мне. Или же я к нему. В любом случае, пространство между нами постепенно сокращалось.

Я посмотрела на свои руки. Я настолько крепко сжимала бумаги, что еще несколько минут, и они превратятся в комок. Мой разум вновь заработал. Я сунула Максиму документы.

– Я просто принесла, чтобы их передали. – Макс посмотрел на конверты и снова на меня. – Они для Майкла, – тупо добавила я.

Он ничего не сказал. Лишь усмехнулся и протянул руку.

Будь это фильм, я бы в этом месте нажала на паузу. Я бы указала на мою руку на экране. Я бы показала вам, как я старалась сжимать самый край этих бумаг. Как я из последних сил пыталась избежать его прикосновения. Затем я нажала бы на кнопку воспроизведения, и тогда вы бы увидели, как его пальцы коснулись тыльной стороны моей ладони, а я словно окаменела. И если вы предельно внимательны, то вы бы услышали,

как что-то разорвалось еле слышно. Это был всего лишь звук моего сердца, лопнувшего, как разорванная лента.

От одного-единственного прикосновения.

– Спасибо, – сказал он.

Я сделала шаг назад.

– Я пойду. Извини, что отвлекла от дел.

– Ты не отвлекла меня. – Он поднял палец. – Подожди минутку.

Он оглянулся на Софи и сказал ей, что она может пойти на обед раньше. Софи торопливо схватила свои вещи. Проходя мимо, она с любопытством оглядела меня с ног до головы. Я собиралась сказать ей, что она может остаться. Была готова даже сказать ей, что мне стыдно за то, что я вела себя как настоящая стерва – такое отчаяние овладело мной.

Но она ушла. Дверь за ней закрылась.

Воцарилась странная тишина. Телефоны перестали звонить. Принтеры и факсы умолкли. Не слышалось ни голосов, ни смеха. Или даже шагов. Ничего. Остались только мы вдвоем.

На этот раз это возникло не в моей голове. На этот раз мы действительно очутились в нашем собственном мире.

– Что это было? – спросил Макс.

– Что именно?

– Взгляд, которым на тебя посмотрела моя секретарша.

Разговаривая со мной, он вскрыл конверт с документами. Я посмотрела на его кисти. Длинные пальцы. Голубоватые вены на сильных запястьях.

Я тотчас представляю себе, как эти руки обвивают мою талию, прижимаются к моей коже, притягивают меня ближе к сильному мускулистому телу. В следующий миг картинка исчезает. Но мой желудок болезненно сжался, а неутолимая жажда ласк Макса усилилась в миллион раз.

– Я что-то пропустил? – спросил он.

– Нет-нет, ничего, пустяки, – уклончиво ответила я.

Он поднял бровь. Я поспешила сменить тему.

– Итак, – медленно протянула я, натужно думая, что бы такого сказать.

Макс оперся о стол.

– Нет-нет, даже не пытайся уйти от разговора. Что произошло между тобой и моей секретаршей?

Он был настойчив. Почему это меня так удивило?

– Наверно, я представилась не слишком серьезно, – ответила я.

Он повернулся ко мне. Такое простое движение, но оно изменило мой

мир. Всего один шаг, и я бы ощутила его запах. Всего один шаг, и мои грезы стали бы явью. Всего один шаг.

– Так как ты ей представилась?

Я как ужаленная дернулась назад.

На этот раз я не стала уходить от вопроса.

– Возможно, я сказала твоей секретарше, что меня зовут Старлайт и что я из местного стрип-клуба и принесла счет за услуги клуба.

Честно говоря, я ожидала, что он оскорбится. Но он лишь сделал большие глаза и расхохотался. Зашелся в низком утробном смехе. По причине, которую я никогда не узнаю, я улыбнулась ему. И осталась стоять на месте, хотя по идее должна была развернуться, помахать ему и зашагать к лифту.

Макс подошел ближе. Моя улыбка погасла. Вот он, рядом со мной. Ничто не разделяло нас. Я могла дернуть его за галстук. Могла поцеловать. Могла воплотить свои мечты в реальность, и через считанные секунды его тело прижалось бы к моему.

Но я ничего не сделала.

Льющийся из окна солнечный свет согревал меня. Макс не сводил с меня глаз. От его взгляда моя кожа горела, как от огня.

Я медленно попятилась.

– Мне пора. – Я сделала еще один шаг и поспешила отвести глаза. – Было приятно тебя видеть. И передай секретарше, что мне стыдно за мои слова про Старлайт, – бросила я через плечо, отойдя на несколько шагов.

– Можешь сама ей это сказать, когда вернешься сюда завтра, чтобы пообедать со мной.

Я застыла как вкопанная. В моих ушах ревела кровь.

Но Макс сказал еще не все.

– А еще лучше, если ты примешь мое приглашение поужинать вместе в субботу.

Моя рука застыла в нескольких дюймах от дверной ручки. Тупо посмотрев на нее, я зажмурилась.

Я не хотела радоваться его приглашению. Я не хотела ничего чувствовать. Но я чувствовала. И это наполнило меня ужасом. И поделом. Любой, кто способен без вашего ведома проникнуть в ваше сердце, должен вас пугать.

– Наоми!

Я обернулась. Макс стоял, опершись на стол, – такой спокойный и самоуверенный, что, если понадобится, я была готова вырваться отсюда любой ценой.

С удивительным проворством и легкостью он оттолкнулся от стола и медленно подошел ко мне.

– Что мешает тебе сказать «да»?

Между нами пробежала электрическая искра. Искра, которая с каждым разом становится все сильнее, когда я вижу тебя. Она подстегивает меня, заставляет перейти от желания добиться твоего внимания к желанию стать центром твоей вселенной.

Я ничего не ответила.

Сверля меня взглядом, Макс наклонил голову, словно пытаюсь угадать мой ответ.

– Просто поужинай со мной, – сказал он.

– Посмотрим, – уклончиво ответила я.

– Мне достаточно простого «да» или «нет».

– Посмотрим, – медленно повторила я.

Прежде чем он успел сказать хотя бы слово, я с силой толкнула дверь. И на ватных ногах направилась к лифту.

Прежде чем лифт пискнул, возвестив о своем прибытии, прошла целая вечность. По крайней мере, мне так показалось. В дверях из нержавеющей стали я видела отражение Макса. Он смотрел мне вслед. Когда двери, наконец, открылись, я с опаской зашла внутрь и нажала кнопку. Прежде чем двери закрылись, я подняла глаза, желая убедиться, что Макс ушел. Но он по-прежнему стоял на том же месте, как и несколько минут назад.

Лифт пришел в движение. Внутри меня словно что-то оборвалось. Я закрыла глаза и тяжело вздохнула.

Мне казалось, что Макс разбудил во мне только похоть. Что было вполне естественно. Просто химическая реакция. Но он подталкивал меня дальше. Теперь мне хотелось заглянуть в его мысли. В мысли настоящего Макса. Я хотела знать все.

И это было плохо.

5. Отметка

Среда, четверг, пятница.

От моих очков «Рэй Бан» отражается солнечный свет. Мы с Ланой смеемся. Я веду машину, высунув в окно руку и пытаюсь поймать ветер.

Дни мелькали, сливаясь в один длинный день. Я играла роль беспечной студентки на летних каникулах. Что чертовски здорово у меня получалось. Никто не знал, что эти три дня были лишь передышкой, после которой мне предстояло дать Максу ответ.

Сам он ни разу не позвонил. И это сводило меня с ума. Я смотрела на телефон, ожидая увидеть на экране его номер. Мне снова было пятнадцать, и я чувствовала себя жалким маленьким щенком.

Наступила суббота.

Все утро я старалась не брать в руки телефон. Приняв душ, я в течение часа расхаживала по спальне, прежде чем решила позвонить ему сама.

Он ответил моментально.

– Ты хотел услышать мой ответ, «да» или «нет»... – Я умолкла и уставилась в окно. – Ты все еще хочешь его услышать?

– Хочу, – медленно ответил он.

Стоило мне услышать его голос, как кровь бешено понеслась по всему моему телу. Я судорожно втянула в себя воздух, как при рыдании.

– Тогда да.

Я буквально слышала в трубке его улыбку змея-искусителя.

– Я заеду за тобой в восемь.

Все то, что я поклялась себе не делать с Максом, я сделала. Я поклялась, что не стану ужинать с ним, но теперь сидела напротив него в одном из самых красивых ресторанов в Маклине. Я поклялась, что не стану прилагать никаких усилий и не стану наряжаться к ужину, но на мне было темно-синее платье макси с глубоким вырезом спереди и почти полностью открытой спиной. Это было одно из моих самых соблазнительных платьев. Я поклялась, что буду холодна как лед, но когда мы вошли в ресторан, его рука легла на мою обнаженную поясницу. По моей коже тотчас пробежали мурашки, и я мысленно отругала себя за то, что надела именно это платье.

И вот теперь я едва могла дышать, а все потому, что от взглядов, которые он бросал на меня, мне становилось не по себе. Он смотрел на меня с прищуром, словно пытался поймать меня в фокус камеры. Я откинулась на спинку стула. Ощущение возникло такое, будто мне

выстрелили в грудь.

Ба-бах.

Я открылась ему, чего сама от себя не ожидала. Я рассказала ему про колледж, про свою нелюбовь к экзаменам, письменным работам, преподавателям. И Макс внимательно слушал, не сводя с меня глаз, словно для него во всем мире существовала только я одна. Это было восхитительно!

Макс сделал глоток воды. Он сидел, откинувшись назад и положив руку на спинку стула. Его серая рубашка натянулась на груди и мускулистых руках. Всякий раз, когда я смотрела на него, во рту у меня внезапно пересыхало. Мне срочно нужно найти лучший способ бороться с собой, иначе моей печени каюк.

– Значит, у тебя есть опыт учебы в колледже? – спросил он.

– Думаю, да.

– Ты действительно так думаешь?

Я пожала плечами.

– Это было не совсем так, как я ожидала.

– Чего же ты ожидала?

Прикусив нижнюю губу, я задумалась над его вопросом.

– Наверно, больше... свободы. – Его брови поплыли вверх, и я поспешила добавить: – Не знаю... наверное, я просто думала, что найду себя. Звучит банально, верно?

Макс расплылся в улыбке, а мое сердце заколотилось с угрожающей скоростью.

– Совсем нет. Все ожидают, что так получится, но это бывает крайне редко.

– А ты? Ты изменился?

– Нет. Видишь ли, я хорошо учился, но при этом не забывал развлекаться.

Я живо представила, как он развлекался в студенческие годы: каждую неделю его рука обвивалась вокруг талии новой девушки. Во мне тотчас шевельнулась ревность и, извиваясь змеей, поползла вверх по моему телу. Мне ничего другого не оставалось, как усилием воли вытеснить из воображения образ Макса-студента.

– Если бы мы пересеклись в колледже... – начала я, медленно, подбирая слова. – Ты бы обратил на меня внимание?

– Я бы заметил тебя точно так же, как заметил сейчас, – прошептал он. Его слова буквально оглушили меня.

Макс умолк и положил локти на стол, словно то, что он собирался

сказать дальше, стоило ему немалых усилий. И я поняла: теперь моя очередь говорить. Наступил идеальный момент для того, чтобы сказать ему, что я не хочу ничего слышать. Мои губы приоткрылись, но с них не слетело никаких слов.

– В твоей жизни кто-нибудь есть?

– В моей жизни много людей. – Я сделала вид, будто задумалась над его вопросом. – Вчера я обедала с подругой, затем мне пришлось поехать на автозаправку, потом поболтала с кассиром в супермаркете... Я могла бы перечислять до бесконечности, – немного дерзко сказала я.

Макс многозначительно улыбнулся и наклонился ближе.

– Я имею в виду, ты сейчас с кем-то встречаешься?

В мою голову внезапно ворвался Лахлан. Не спрашивая, не заботясь о том, что я изо всех сил старалась не думать о нем. Я неловко поерзала на стуле.

– Вообще-то... кое-кто есть, друг детства, – тихо сказала я.

– Правда? – спросил он.

Я не смогла понять, что вижу в его глазах – ревность или интригу.

– Это долгая история, – объяснила я.

– Мир подождет. Я никуда не спешу, – заверил меня Макс.

– Не для этой истории.

Я не хотела больше ничего говорить. Тем более о Лахлане. Думаю, это было понятно по выражению моего лица. Макс попросил принести счет, тем самым быстро закрыв возникший вопрос. Я с облегчением вздохнула.

Мы встали из-за стола одновременно. Пока он надевал пиджак, я ждала, прижав к себе сумочку-клатч. Когда же мы зашагали к выходу, мне на спину легла его ладонь. Его пальцы коснулись моей обнаженной кожи. В том же самом месте, что и раньше.

Швейцар припарковал машину Макса прямо перед рестораном. Для всех остальных это была обычная теплая летняя ночь. Но все остальные не сидели за столиком напротив Макса. Он не прожигал их взглядом в течение нескольких минут, отчего моя кожа горела так, словно ее лизнул огонь.

Я глубоко вздохнула, скользнула на пассажирское сиденье и захлопнула дверцу. Меня немедленно накрыла волна знакомого аромата лосьона после бритья. Руки тотчас покрылись гусиной кожей, и я зябко потерла их. Но как только Макс открыл дверцу машины, они вновь обрели чувствительность.

Прежде чем взять с места, он крепко сжал руль. Макс задумчиво посмотрел на свои руки, словно в них заключались ответы на его вопросы. Когда он, наконец, повернулся ко мне, его взгляд скользнул с моих светлых

волос вниз, к моим ногам.

– Я могу отвезти тебя домой.

Я ждала продолжения.

– Или...

Ни разу в жизни я не испытывала такого облегчения, услышав это слово.

– Или мы можем поехать ко мне. – Он произнес эти слова еле слышно.

И тут же умолк. Я тоже молчала. Гудел двигатель. Рядом захлопывались дверцы автомобилей. Доносились обрывки разговоров и смех. Жизнь вокруг нас продолжалась, и никто совершенно не замечал, что то, что я скажу в следующие мгновения, способно изменить все на свете.

Я могла бы солгать, придумать какую-нибудь ерундовую отговорку, что мне, мол, завтра рано вставать. Я могла бы сказать ему, что мне нехорошо. Или что я действительно устала.

Но я этого не сделала. Я поступила так, как считала правильным.

– Едем к тебе, – сказала я.

Весь путь к его дому прошел в напряжении. Мои каблук отбивали по полу чечетку. Я вцепилась в ремень безопасности, словно в спасательный круг. Макс спрашивал о чем-то, я односложно отвечала. Я не хотела ничего говорить. В эти мгновения все мои мысли были заняты только тем, что будет, когда мы приедем.

Я хотела, чтобы время остановилось. Я хотела глубоко вдохнуть и успокоить сердце. Но мы уже свернули на дорогу, ведущую к его дому. Макс выключил двигатель и посмотрел на меня. Я мучительно чувствовала исходящее от его тела тепло, то, что он мог бы мне дать.

Он вышел из машины. Я осталась сидеть. Через несколько секунд он открыл мою дверь и нагнулся, чтобы посмотреть на меня. Свет из салона упал на его лицо и слегка подсветил его карие глаза. Его взгляд скользил с моих губ на мои глаза и обратно.

Губы. Глаза.

Губы. Глаза.

Наконец он остановился на моих губах.

– Приехали. Можешь выходить, – медленно сказал Макс.

Неужели? Даже когда эти слова слетели с его губ, казалось, он сам в них плохо верил. Куда мы приехали? Во что мы ввязываемся?

С трудом улыгнувшись, я зашагала вслед за ним по тротуару. В прошлый раз, во время приема, я едва удостоила его дом даже взглядом. Но сегодня вечером я пристально его рассмотрела. Дом оказался приличных размеров. Не слишком большой, но и не маленький. Снаружи – обычный

кирпичный особняк. Окруженные кустами фонари отбрасывали на окна желтый свет. Не то что дорожные соседние строения. В общем, дом удивил меня в хорошем смысле слова.

Мы вошли в парадную дверь. Фойе оказалось просторным, минимально декорированным. А еще в доме царил тишина. Звуки наших шагов эхом отлетали от стен. Было в этом нечто неестественное. Цоканье моих каблуков напомнило мне, что здесь нас всего двое, он и я.

– Дом, милый дом, – пробормотала я себе под нос.

Макс услышал мои слова. Он оглянулся на меня через плечо и улыбнулся.

– Хочешь пройтись по дому? Приглашаю на экскурсию.

– Еще бы!

В экскурсии по дому не таилось ничего опасного.

Наша первая остановка была справа. Макс включил свет.

– Это мой рабочий кабинет, – пояснил он.

И машинально направился к письменному столу. Сняв черный вечерний пиджак, Макс повесил его на спинку стула и взглянул на лежавшие на столе бумаги.

Я прислонилась к стене.

– Неслабый кабинет.

Он улыбнулся.

– Рад, что он удостоился твоего одобрения.

Я наблюдала за ним, пока он, сосредоточенно нахмутив брови, переключал бумаги. Его руки были словно прикованы к столу. Меня так и тянуло подойти ближе, чтобы оказаться между ним и столом. Чтобы все его внимание сосредоточилось только на мне.

Словно уловив мои мысли, Макс посмотрел на меня и улыбнулся. В его взгляде не читалось ничего игривого, он просто пригвоздил меня к стене, сковал по рукам и ногам. Глаза Макса словно бросали мне вызов: «Давай, подойти ближе, воплоти в жизнь свои желания», – говорили они.

Мне потребовался миг, чтобы собраться с духом. Мое сердце больно билось о ребра. Наконец, сумев побороть внутреннюю дрожь, я обошла комнату кругом, разглядывая ее. Посередине комнаты стоял большой письменный стол красного дерева. Стены были кофейно-коричневого цвета. Перед столом стояли два кожаных кресла, а стена слева представляла собой высокий, от пола до потолка, книжный стеллаж. Напротив стеллажа стоял диван. Казалось, его поставили сюда, скорее, ради показухи, чем для чего-то еще.

Макс обошел стол, стоявший всего в нескольких шагах от меня. Я

старалась держаться спокойно – не дергаться и не пятиться назад.

– Готова увидеть остальное? – спросил он.

В моем сознании промелькнул образ спальни. Я сделала шаг назад. Внезапно экскурсия по дому показалась мне не такой уж и безобидной.

– Уже поздно. Мне пора домой.

Он медленно приблизился ко мне.

– Сейчас всего лишь одиннадцать. Но если ты хочешь домой, я могу отвезти тебя.

Я продолжала пятиться, пока не наткнулась на диван. Так и не услышав от меня ни единого слова, Макс подошел ближе, поставил ногу между моих колен, лишив меня тем самым свободы маневра.

– Ты хочешь вернуться домой? – по-южному протяжно спросил он.

Мне не хватало воздуха, я задыхалась.

– Наоми?

Я продолжала смотреть прямо перед собой, не поднимая глаз. Теперь же мне пришлось закинуть голову. Назад, назад, назад... пока наши взгляды не встретились.

– Что?

– Ты так и не ответила на мой вопрос.

– Я не могу ни о чем думать, – пробормотала я. – Ты вторгаешься в мое личное пространство.

Большинство людей сразу бы отступили назад, но только не Макс. Он, наоборот, шагнул ко мне, и его губы оказались совсем рядом с моими. Это была пытка. Перед моим лицом словно раскачивался запретный плод... А я хотела откусить от него маленький кусочек.

– Ты уверена? – спросил он.

В ту секунду больше всего на свете мне хотелось закрыть глаза и прижаться к нему. Я смутно понимала, о чем он спрашивал, но была не в состоянии соображать. Его массивная фигура нависла надо мной, и я не видела ничего другого. Дурманящий запах обволакивал меня, и все, что я могла, – это вдыхать его полной грудью.

– Все еще вторгаюсь в твое личное пространство?

Теперь он прижимался всем торсом к моей груди. Бедром я почувствовала его эрекцию. Его веки отяжелели, мое дыхание превратилось в судорожные всхлипы.

Когда вы стоите так близко к другому человеку, ваши глаза подчас видят самые необычные вещи. Я могла бы заметить, как его нос коснулся моего носа или как его губы оказались в нескольких дюймах от моих. Но я видела только, как на его шее взбухли жилы. Как расширились его зрачки –

черная точка медленно расползалась, захватывая радужку. Он медлил с поцелуем, от чего мое желание только возрастало.

Затем он наклонил голову и мягко коснулся моих губ. Он словно старался изучить их изгиб, запомнить, какие они на вкус. И делал это нарочито медленно.

Как будто распалаял меня.

Я же не обладала его терпением. Мой язык проник в его рот. Я подняла руки, намереваясь обнять его за шею и притянуть к себе. Но он перехватил мои пальцы и переплел их со своими. Наши ладони соприкоснулись. Сжав мою руку, он еще крепче прильнул к моим губам. У меня перехватило дыхание.

А потом Макс отстранился и заморгал. Наши руки все еще оставались переплетенными. Это все, что мешало нам соприкоснуться полностью. Молчание казалось оглушительным.

Но это было затишье перед бурей, перед порывом ураганного ветра или мощным ударом молнии.

Мой разум выудил из глубин памяти воспоминание о том, как я впервые увидела его, и о безмолвном тосте, который он поднял в мою честь. «Готовься!» – прозвучало в моих ушах, а в следующий миг Макс, не размыкая наших рук, притянул меня к себе. И разразилось безумие. Я набросилась на него с жадностью, которая копилась во мне с того дня, как я встретила его. Я вцепилась в него, пытаюсь раздеть. Он лизал и сосал мои губы, словно я была самым вкусным деликатесом, какой он когда-либо пробовал. Я стонала, не отрываясь от его губ, чувствуя его колена между ног. Внезапно я поняла, что лежу на диване, а он навис надо мной. Впрочем, мне было все равно. Логика исчезла в тот момент, когда я вошла в эту комнату. Я лишь отчаянно пыталась удержать губы Макса на моих губах.

Я выгнула спину, еще сильнее прижимаясь к нему.

Руки Макса скользнули ниже. Он отпустил мою талию, зато крепко сжал мои локти, но через несколько секунд оттолкнул меня. Его грудь вздымалась, взгляд казался чернее тучи. Я всхлипнула и облизнула губы.

Он взял меня за подбородок и заглянул мне в лицо: в его взгляде ощущалась непонятная паника.

– Черт! – прохрипел он.

Я была не одна. Я знала: все, что чувствую я, чувствовал и он.

Поэтому я прижала ладони к его плечам и толкнула его на диван. Я сбросила с ног туфли. Я задрала подол платья. Я перелезла через него, словно он принадлежит мне. Он даже не остановил меня. Лишь смотрел на

меня округлившимися глазами, словно поняв, что инициатива переходит в мои руки.

Еще один поцелуй. «Еще одно прикосновение – и мне конец», – подумала я. Но мне отчаянно хотелось продолжать начатое, чтобы утолить мою безумную жажду.

Один быстрый рывок – и его рубашка выскользнула из-за пояса брюк. Мне не хватило терпения ее расстегивать. Мои пальцы скользнули под ткань, словно обладали собственным разумом. Я привстала на коленях и, не прерывая поцелуя, провела пальцами по животу Макса, запоминая каждый твердый кубик мускулов.

– Черт! – снова простонал он.

Я улыбнулась, уткнувшись лицом ему в шею, и прижалась еще сильнее, отчетливо чувствуя, как напряжено подо мной его тело. Он едва сдерживал себя. Он был готов взять меня прямо здесь. Самое безумное заключалось в том, что и мне жутко этого хотелось.

Еще один поцелуй? Неужели я серьезно? Один поцелуй Макса – и я превратилась в ненасытную хищницу.

Чтобы губы до крови впивались в губы.

Обнаженные тела соприкасались.

Руки трогали и ласкали все сразу.

Я хотела всего этого.

Мой язык скользнул по горлу Макса и дрогнул от ощущения пульсирования его вены. Я вытащила руки из-под рубашки и схватилась за пуговицы. Я была готова увидеть то, что я трогала. Он помог мне. Сгорая от нетерпения, я расстегнула рубашку Макса и толкнула его дальше на диван.

Я на секунду застыла, глядя на него сверху вниз. Пожирая глазами его восхитительное тело. Сама не осознавая, я начала тереться об него. Его руки обвились вокруг моих бедер. Его пальцы буквально вжались мне в кожу, его дыхание участилось, а мои руки скользили по всем его мышцам.

Я была готова лизать каждую линию, каждый изгиб его живота. Опустив голову, я легонько укусила его грудные мышцы. Из горла Макса вырвался стон.

– Наоми, – слетело с его губ мое имя.

Я закрыла глаза, чувствуя, как его грудь вибрирует рядом с моим ухом.

– Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя прямо здесь? – Его голос звучал низко и хрипло, как будто он испытывал боль. – Потому что еще пару секунд, и я это сделаю.

Я приподняла голову. Вместо ответа мои пальцы схватили его

шелковый галстук и притянули ближе. Существовал миллиард способов сказать ему «нет». Я прошептала ему прямо в губы:

– Хочу.

Из горла Макса вырвался хриплый стон. В считанные секунды он перехватил мою инициативу. Макс жадно впился мне в губы, затем лизнул мою нижнюю губу, укусил ее и снова с силой в нее впился. От боли и удовольствия мои пальцы царапали его плечи словно безумные, ерошили ему волосы. Я потянула несколько прядей, заставляя его откинуть голову назад.

В ответ он потянул вниз бретельки моего платья и резким рывком обнажил мою грудь. На миг возникла пауза. Мы оба тяжело дышали. Мои соски напряглись. Я сидела так, что они были всего в нескольких дюймах от лица Макса.

Я молча наблюдала за тем, как он пожирает глазами мою грудь. Его ноздри раздулись, и он взял мою грудь в обе ладони.

– Мм, как приятно, – прохрипел он.

Он массировал их, сжимал, целовал то одну, то другую. Я только тихо стонала. Его ласки убивали меня. Каждый издаваемый мною звук распалал его еще сильнее.

Подняв голову, он посмотрел на меня. Наши взгляды встретились. В его глазах пылал дикий огонь. Он медленно наклонился вперед и несколько раз провел языком по моему соску. Следующие несколько минут стали сочетанием мук и блаженства. А затем его руки оказались одновременно везде. Дразнящими движениями Макс поглаживал мои кружевные трусики. Он быстро набирал очки удовольствия. Я не могла за ним угнаться, он же ни разу не дал мне даже отдышаться.

Снова и снова он доводил меня до экстаза – своими руками и губами. И я знала, что еще мгновение, и я кончу. Рассыплюсь, разлечусь во все стороны мелкими осколками.

А потом его руки сомкнулись вокруг моих рук. Тяжело дыша, он оттолкнул меня. Я чуть не закричала. Он перевернул меня, навис надо мной.

Из ниоткуда в моей голове раздался голос Лахлана. Я услышала слова, которые он сказал мне почти год назад.

– Я буду тебя здесь ждать.

Внезапно я ощутила себя предательницей. Я предала свое сердце. Предала за поцелуи и чувства к кому-то, кто не был Лахланом.

– Стоп, – прохрипела я.

Макс откинулся назад, хмуро глядя на меня. Я мгновенно спрыгнула с

дивана. Быстро поправила бретельки платья. Мои руки дрожали. Только с третьей попытки я оделась, но все равно чувствовала себя по-прежнему голой.

Сердце было готово выскочить из груди. Я отказывалась верить. Почему все вышло из-под контроля, причем так быстро?

Я обернулась. Мой ответ был прямо передо мной. Макс. Он выглядел так сексуально, взъерошенный и такой соблазнительный, что я едва не сделала шаг ему навстречу.

Теперь он стоял. Его рубашка все еще была расстегнута, галстук криво болтался на обнаженной груди. Каждый раз, когда он делал вдох, мышцы его живота сжимались, и по моему телу вновь пробегала дрожь. Взлохматившиеся волосы торчали во все стороны.

– Почему ты остановилась? – прохрипел он.

Я, шатаясь, отошла от дивана в дальний конец комнаты. Я не знала, что ответить. Все, что я сейчас скажу, будет пропитано похотью, моим желанием, тем, что мы почти сделали, и тем, что я все еще хотела сделать.

– Я... просто... – попыталась я подобрать нужные слова.

– Все в порядке?

Нет, не все. Тень моей первой любви не оставит меня в покое. Но я не сказала правды. Вместо этого я только улыбнулась.

– Все хорошо. Мы просто... слишком торопились, – пролепетала я.

– Слишком торопились, – повторил он.

Я кивнула. Он же стянул галстук и, не глядя, бросил его на стол. Затем застегнул рубашку. Меня так и подмывало сказать ему, чтобы он остановился.

Он поймал мой взгляд.

– Не нужно смотреть на меня так.

– Как именно? – прошептала я.

– Как будто ты хочешь, чтобы мы продолжали.

Я отвела взгляд и ничего не ответила. Макс встал передо мной.

– Ты будешь здесь до конца лета? – спросил он.

Я кивнула, недоуменно глядя на него.

Глубоко вздохнув, Макс пригладил волосы и в упор посмотрел на меня.

– Я не выпущу тебя из вида.

– Из-за того, что только что произошло? – спросила я.

– Скажи, – он указал на диван, – такое с тобой часто случается?

Если бы это случалось со мной часто, мне бы потребовался кардиостимулятор. То, что только что произошло, потрясло меня до

глубины души.

– Нет, – помолчав, призналась я.

Похоже, мой ответ его устроил. Он кивнул и, подхватив со стола ключи, шагнул ко мне. Встав напротив меня, он взял мое лицо в свои ладони. Его взгляд был по-прежнему твердым, таким же жадным, как во время поцелуя.

– Подари мне это лето. – Его голос понизился до сексуального шепота. – Пока ты здесь, будь со мной.

– И это все? – удивилась я. – А потом я вольна делать все, что захочу?

Он стиснул зубы.

– Мне не нужно потом. Мне нужно сейчас.

Мы оба избегали вопроса, который напрашивался сам собой: будет ли кто-то из нас свободен после этого лета?

Я, как и он, не могла отрицать, что этот зверский голод возник у нас обоих. В глубине души я понимала, как горько пожалею потом, если упущу этот шанс. Возможно, до конца моих дней.

Ответом ему стал кивок. Он опустил голову. Его губы нежно коснулись моих. Мое тело дрожало.

К черту правду. Моим злейшим врагом было сердце. Это оно исполосует меня. Пустит мне кровь. И в конце концов убьет.

6. В темноте

Макс отвез меня обратно в дом Ланы. Всю дорогу я провела на автопилоте, то и дело мысленно возвращаясь к нам двоим на его диване.

Он высадил меня, и я осталась сидеть прямо на улице. Как долго? Пару минут? Часов? Хоть убей, не помню. Просто смотрела на чистое черное небо, надеясь, что забуду наш поцелуй. Но дело заключалось в том, что логика не дала мне такой возможности. Логика, казалось, исчезала именно в тот момент, когда я больше всего нуждалась в ней, но поднимала свою практичную голову, когда все было уже сказано и сделано. И сейчас она демонстрировала мне все, что я сделала не так.

О чем ты думала, Наоми? Что ты останешься с ним наедине и ничего не произойдет?

Я поставила локти на колени и посмотрела на кирпичные ступени.

Почему ты велела ему вернуться в дом? Почему?

Хороший вопрос. Почему я не велела ему просто отвезти меня домой?

Ответа у меня не было. По крайней мере, вразумительного. Одни лишь оправдания. То, как он смотрел на меня во время ужина. Или положил руку мне на талию. Это был знак заботы и рыцарства. Или когда мы поменялись местами, и его тело оказалось подо мной? Власть, которую я ощутила в тот момент. Она щекотала мне кожу. Я была готова упиваться этой властью до беспамятства. Моя голова прижалась к груди Макса, и я слышала мерный стук его сердца. Его запах окутывал меня с головы до ног. Я застыла совершенно неподвижно, в надежде, что, если прижаться еще сильнее, запах проникнет мне под кожу.

Все это слилось в единое целое. Накапливалось, набирало скорость и катапультировало нас в тот поцелуй.

Поцелуй, который изменил все.

Я провела пальцем по нижней губе. Это было трудно назвать поцелуем. Поцелуй для меня – это соприкосновение губ двух людей. Порой это что-то неловкое. Порой нежное и невинное. Порой похоть берет верх.

Но никогда поцелуй не превращается в нечто настолько сильное, что вы чувствуете его пламя даже сердцем. Каждое прикосновение, каждый стон, каждое дыхание превращаются в удар тока.

Макс тоже это чувствовал. Я даже не сомневалась. Просто он не был готов признать правду вслух. Я его не виню, мы оба потеряли голову.

Я закрыла глаза, ожидая, что когда открою их снова, то первым делом

увидю Макса. Но это был не он. Это был Лахлан. Я застонала от боли и помассировала виски, пытаюсь стереть его лицо. Только не здесь. Не сейчас. Он все испортит.

Убирайся из моей головы. Уйди. Уйди. Уйди.

Мой разум заупрямился. Захотел вернуться к воспоминаниям о Лахлане и остаться с ними. Только не это! Я не могла такого допустить. Края картинки начали размываться. Я изо всех сил оттолкнула воспоминания прочь.

Я встала. Если поговорить с Ланой, мне станет легче. Я расскажу ей обо всем, что произошло между мной и Максом. Она выслушает меня, как лучшая подруга, даст хороший совет. Я спрошу у нее, что она делала сегодня вечером. Она расскажет мне. Через несколько минут мы заговорим на совершенно другую тему, далекую от реалий наших миров.

Вокруг царила крошечная темнота, но за подстриженными кустами скрывались прожекторы. Их лучи были направлены на дом. Кстати, это старый кирпичный особняк первой половины XIX века, еще довоенной кладки. Он принадлежит их семье уже пару веков. Лана – наследница внушительного состояния, что было заметно по всему. За их домом даже стоит большой красный сарай, где держат лошадей.

Когда Лане хотелось развеяться, она садилась в седло и каталась верхом, пока ей не становилось легче.

Я удивилась, увидев свободно разгуливающую лошадь. Под ее копытами хрустел гравий. Быстро прядая ушами и раздувая ноздри, она прошла прямо мимо меня. Обычно это смирное животное. Послушное. Привыкшее слушаться хозяина. Но сегодня лошадь была явно чем-то напугана.

В моей голове зазвонили тревожные звоночки. Что-то происходило не так.

Я оглянулась через плечо на сарай, заметила, что дверь приоткрыта. Но я не слышала никаких звуков. Все вокруг было тихо. И тем не менее мне в душу закралось дурное предчувствие. Волоски на моих руках встали дыбом, тело пронзил страх. Наверно, мне следовало повернуться и пойти к себе домой, но я шагнула вперед.

В нескольких шагах от сарая я услышала звуки. Что-то опрокинулось и разбилось. Потом кто-то ахнул или захрипел, затем фыркнул. В это мгновение мой разум возопил, чтобы я остановилась, чтобы не смела сделать даже шага дальше. Но я должна была понять, что происходит. Заглянув в сарай, я увидела Лану, притиснутую к деревянной балке. Ее горло, не давая ей ни говорить, ни крикнуть, ни даже дышать, пережимала

чья-то мускулистая рука. Ее брюки и трусы были приспущены до колен. Синяя джинсовая куртка распахнута. Воротник рубашки порван.

Мои собственные проблемы моментально исчезли, сменившись ужасом. Я буквально окаменела. Это была совсем не та ситуация, когда двое, не в силах противостоять одержимости друг другом, уединяются, чтобы удовлетворить взаимное вожделение.

В том, что я увидела, ничего подобного не было даже близко.

Лана крепко зажмурила глаза, а мужчина, издавая животные звуки, входил и выходил из нее. Его свободная рука сжимала ей бедро. В его жесте не было никакой любви: он просто не давал ей вырваться.

Я словно отделилась от собственного тела. Я видела, как я застыла на месте. Что мне делать? ДВИГАЙСЯ! Одна нога перед другой. Разве это так сложно? Но я не могла. Я словно застряла в зыбучих песках и медленно тонула, наблюдая за происходящим. Мне всегда казалось, что в момент паники я смогу действовать быстро и рационально. Что я задействую мозг. Отключу эмоции и на адреналине, который заструится по моим жилам, пройду через что угодно.

Как же я ошибалась!

Я в панике обернулась и посмотрела на дом. Мне нужно взять телефон, подумала я. Нет. Мне нужно бежать к задней двери и звать на помощь. Я не знала, что мне делать.

Я закрыла глаза. По моему лицу текли слезы. Я зажала уши, пытаюсь перекрыть все звуки, но они уже прекратились. Тишина казалась оглушительной. Я боялась открыть глаза. Когда же я, наконец, их открыла, мужчина повернулся ко мне лицом. Он не смотрел в мою сторону. Его рубашка свободно болталась. Из расстегнутых брюк торчал обвисший член. От этого зрелища меня передернуло. Черт, как жаль, что я не умею стрелять. Я бы прицелилась ему прямо между ног.

Лана обессиленно привалилась к деревянной балке. Ее джинсы все еще были спущены до лодыжек. Он тяжело дышал. Лана не поднимала глаз. Он наклонился, и его колени хрустнули. Я многое видела сегодня вечером, но этот хруст заставил меня вздрогнуть. Он рассмеялся, и его смех был полон ненависти и гнева.

– Ты ведь знаешь, что я единственный, кто по-настоящему тебя любит, верно я говорю? – сказал он.

Лана молчала. Он с силой дернул ее за волосы, заставляя посмотреть ему в глаза. Она смотрела на него, словно каменная статуя. Ее глаза казались пустыми, и в тот момент я поняла: ей явно было не привыкать.

Он продолжал смотреть на нее сверху вниз.

– Я прав? – снова рывкнул он и дернул ее за волосы. Ее голова ударилась о деревянную балку.

– Ты прав, – прохрипела Лана и, прочистив горло, повторила еще несколько раз: – Ты прав. Ты прав. Я знаю. Я буду послушной, – прошептала она, словно маленькая девочка.

Он кивнул, застегнул брюки и направился к открытой двери.

Меня охватила паника. Страх заставил меня повернуться и пойти прочь на дрожащих ногах. От ужаса сердце было готово выскочить из груди. Казалось, я вот-вот задохнусь. Забежав за угол сарая, я прислонилась к деревянной стене и положила руки на согнутые колени. Еще пару секунд, и мой ужин попросится наружу.

Рядом громко хрустнул гравий. Я затаила дыхание, пытаюсь понять, что происходит. Наконец я услышала, как дверь закрылась. Дождавшись, когда он уйдет, я бросилась обратно в сарай. Лана все еще сидела там, но теперь ее джинсы были застегнуты. Уткнувшись лбом в колени, она одной рукой сжимала полы куртки. Ее тело била дрожь. Затем она наклонилась в сторону, и ее вырвало. От этих звуков я даже поежилась. Когда в желудке у нее ничего не осталось, она села и вытерла рот тыльной стороной ладони.

Я вошла.

– Лан?

Она вскинула голову. Уличный фонарь отбрасывал в сарай полосу света. Его хватило, чтобы я смогла рассмотреть влажные полосы на ее щеках.

Я шагнула ближе. Она встала, хотя ноги ее дрожали, и обвела глазами пустую конюшню.

– С тобой все в порядке? – прошептала я.

Одного взгляда на ее лицо и ссутулившиеся плечи хватило, чтобы мне захотелось броситься к ней и как можно крепче прижать ее к себе.

Она вытерла щеки и слабо улыбнулась мне.

– Да. Со мной все в порядке.

Но я застыла, словно манекен, тупо глядя на нее. Неужели мы и дальше будем делать вид, будто все в порядке? Я снова посмотрела на дом, чтобы убедиться, что на нас никто не смотрит, и опустилась рядом с ней на колени.

– Лана, я все видела, – прошептала я.

Вместо ответа она лишь громко икнула. Я повторила свои слова. На этот раз громче и четче.

Из ее горла вырвался сдавленный стон. Казалось, прошли годы, прежде чем она медленно кивнула. Это было ее единственное признание.

– Нам нужно поехать в больницу, – сказала я.

– Нет! – испуганно выкрикнула она.

– Что ты имеешь в виду?

Она упрямо покачала головой.

– Ни за что на свете.

– Почему нет?

– Это ничего не изменит.

– Еще как изменит! Такое больше не повторится.

– Повторится, и не раз, – сказала она еле слышно и, наконец, посмотрела на меня.

Я увидела ее страх, поняла, как она унижена.

Я хотела задать ей массу вопросов. Как давно это продолжается? Твоя мать знает? Почему ты ничего не сказала мне?

Но я была вынуждена оставить их все при себе. Лана едва могла дышать, не говоря уже о разговорах.

Я встала. В отчаянии провела пальцами по волосам, какое-то время ходила взад-вперед. Думать о том, что я видела, было все равно что глотать битое стекло. Это причиняло боль. Жуткую боль.

Я обернулась. Слова вырвались из моей груди, словно пуля из дула ружья.

– Он твой отец, – хрипло прошептала я.

Мои колени подкосились. Я села рядом с Ланой. Мое плечо касалось ее плеча. Я чувствовала ее боль, как свою собственную. Эта боль была такой тяжелой, такой невыносимой, что из моего горла вырвалось рыдание. Лана плакала, зарывшись лицом в ладони. Я чувствовала себя бесполезной, ненужной, я не могла сделать ничего, чтобы облегчить ее муки.

Она продолжала плакать. Я повернула голову и посмотрела на красивый дом ее семьи. Я стиснула зубы и прищурилась. Неужели и впрямь ничего? «Борись за нее, – прошептала логика. – Борись, ведь никто другой этого не сделает».

7. Закрой глаза

Сессия с доктором Ратледж аукнулась мне. Но это моя собственная вина. Я рассказала ей лишь крошечный кусочек истории. Она может в любой день ее забыть, мне же с этим жить каждый день.

Я сижу на кровати. Мои лопатки касаются стены. Мои пальцы обвивают лодыжки. Мои ноги запутались в простынях. Я раскачиваюсь взад-вперед, стараясь дышать спокойно, но получается судорожно.

Мне нужно поспать, но я не могу. Свет выключили несколько часов назад. Луна только-только вошла, но ее тусклого свечения достаточно, чтобы моя палата приобрела фиолетовый оттенок. Через весь пол пролегли тени голых веток.

Они качаются в небе туда-сюда. Я вижу ту замерзшую каплю. Она все еще там. Все еще держится. И я пытаюсь напомнить себе, что тоже могу держаться.

Но решимость изменяет мне. Мой взгляд устремлен в угол комнаты. Я вижу там человека. Он сидит и смотрит на меня холодными немигающими глазами. Это отец Ланы. Похоже, он хочет разорвать меня в клочья.

Я слышу его голос. Он скрипучий. Резкий. Неприятный. От него моя кровь стынет в жилах.

– Ты боишься меня? – спрашивает он.

На моей верхней губе выступают бисеринки пота. Я смотрю на свои ноги.

«*Не говори с ним. Не смей*», – приказываю я себе.

Я поднимаю глаза.

Он присаживается рядом. Я слышу, как хрустят его суставы. Этот хруст похож на гром. Он рикошетом отдается в моей голове, пока я не сжимаю виски, лишь бы не слышать его.

Это он говорит со мной. Это он меня пугает. Он – мой самый главный кошмар.

– Ты ничто. Ты и сама это знаешь, верно? Эта сука докторша видит твою ложь насквозь. Когда она откажется от тебя, кто останется с тобой после этого? – Его голос становится громче. – Никто! Никто, кроме меня!

Его слова едкие, как кислота. Они обжигают мою душу. Растворяют мою надежду. Бередят старые раны и заставляют их кровоточить. Я издаю мучительный крик. Я кричу во всю мощь легких, лишь бы не слышать его голос. Но он принимает мой вызов и тоже кричит.

В кожу моей головы впиваются ногти. Я чувствую металлический запах крови, но продолжаю давить, все сильнее и сильнее.

В палату вбегает Мэри. Я продолжаю кричать, но исподтишка наблюдаю за ней. Она смотрит на меня и поворачивается кругом, оглядывая комнату. Она его не увидит. Это я предвидела: он не даст ей увидеть себя.

Он умолкает. Я тоже умолкаю. Его губы кривятся в усмешке. Он подносит палец к губам и качает головой.

Я опускаю голову к коленям и начинаю хныкать.

– Наоми, – одергивает меня Мэри и отрывает мои руки от ушей. – Что не так?

Она наклоняется ко мне. В ее глазах застыл вопрос. Я моргаю. Раз. Другой. Третий.

– Мне нужно что-то, чтобы уснуть, – заикаясь, лепечу я.

Мэри отпускает мои запястья, словно они источают яд.

– Я уже дала тебе твои лекарства.

Она пытается уложить меня, но я не поддаюсь.

– Они не действуют, – с нетерпением говорю я. – Мне нужно еще.

– Я не могу дать тебе еще.

Она осторожно пытается уложить меня обратно на кровать, но я сопротивляюсь.

– Почему нет? Мне это нужно. – Я в упор смотрю на Мэри, пока мои глазные яблоки не начинают покалывать от боли. Я резким движением хватаю ее за локоть. – Мне нужно поспать. Мне нужно...

Мне нужно забыть. Хотя бы всего на одну минуту в день, лишь бы не чувствовать оцепяющего ужаса.

Она вырывает руку и идет назад к двери.

– Наоми, я не могу прыгнуть выше головы доктора Ратледж. Это она прописывает тебе лекарства и дозировку.

– Это гребаная шутка! – кричу я.

– Поговори об этом завтра с доктором Ратледж.

– Я не могу ждать до завтра! – Мэри отводит взгляд, и я умоляю: – Пожалуйста, Мэри.

На секунду я вижу в ее глазах проблеск сочувствия. Только на секунду.

– Постарайся уснуть, – говорит она и идет к двери. Та со щелчком закрывается за ней.

Мэри думает, что, закрыв дверь, она делает мне лучше, что усталость возьмет верх и я усну. Но она просто заперла меня в комнате с дьяволом.

Я в аду.

Я в аду.

После того как Мэри уходит, я превращаюсь в ненормальную, какой она меня считает. Я колочу в дверь. Пинаю ее ногой. Кричу. Я иду к своему столу, поднимаю стул и швыряю его в дверь.

И все время он наблюдает за мной, сидя в углу со злорадной улыбкой. Он чувствует мой страх. Это его и привлекает. Я даю ему все, что он хочет: контроль и власть. Каждый раз, когда я хнычу или отступаю в испуге, он питается моим страхом. Его тело становится сильнее, голос – громче, и эту власть, которую он имеет надо мной, невозможно терпеть. Она выкручивает мне кишки, я готова рухнуть на пол и корчиться от боли.

Будь у меня больше сил, я бы попыталась дать ему отпор. Велела бы ему держаться от меня подальше. Сказала бы, что я его не боюсь.

Я знаю, что этого никогда не произойдет.

Мои пальцы хватаются за края стола. Дверь распахивается. Я поднимаю глаза и вижу в окне отражение Мэри. Она включает свет. Я моментально щурюсь. Мой взгляд скользит к фигуре в углу. Он все еще наблюдает за мной. Вслед за Мэри в комнату входят еще две медсестры. Они пытаются удержать меня. Каждая мышца в моем теле напряжена и упирается, пытаюсь сбросить руки, прижимающие меня к кровати. Я извиваюсь и корчусь под невыносимыми углами. Я кусаю руку медсестры за то, что она придавила мои плечи к матрацу. Я пинаю вторую, держащую мои ноги. Я не хочу, чтобы они касались меня.

Затем приходит дежурный врач. В его руке шприц. Я тотчас расслабляюсь. Наконец-то. Мое спасение. Мои легкие расширяются, и я всасываю весь воздух, какой только могу. Скоро все будет хорошо. Я смогу уснуть и больше не видеть его.

– Наоми, Наоми, – вздыхает в углу отец Ланы. – Это только временная мера. Я всегда буду ждать здесь.

Я игнорирую его и смотрю на шприц. Мой рукав закатан выше локтя. Я чувствую, как доктор ищет вену, и стараюсь не дергаться. Наконец он ее находит, и острый болезненный укол того стоит. Я на пути к облегчению. Еще несколько минут – и я буду там.

– *Только не открывай глаз. Если ты его не видишь, его нет,* – говорит голос в моей голове.

– Я продолжу следить за тобой отсюда, – говорит он. В его холодном голосе слышатся садистские нотки.

Никто из тех, что сейчас суетятся вокруг меня, не реагирует на его

голос. Только я. Но и мне постепенно становится все равно. Лекарство начинает действовать. Правда, очень-очень медленно. Но я подозреваю, что это делается специально. Чтобы вы – и только вы – могли запомнить это чувство.

Я смотрю на свет на потолке. Он превращается в калейдоскоп белых фрагментов. Те превращаются в сферы, которые отделяются и распадаются на миллион кусочков. Я смотрю, как они множатся. Это прекрасное зрелище. И все же я отрываю от него взгляд и смотрю на лица вокруг себя. Медсестра, которая держала мои ноги, теперь стоит рядом со мной. Ее лицо расплывается и исчезает. Она гладит меня по волосам и говорит нежным голосом:

– Просто расслабься.

Я киваю. Или пытаюсь кивнуть.

«Просто расслабься, просто расслабься», – повторяю я себе.

Доктор и медсестры уходят, в комнате остается лишь звук моего дыхания. Я кладу руку на бешено стучащее сердце и переворачиваюсь на бок. Лекарство разносится по всему моему телу. Мои мышцы расслабляются. Мои кости становятся невесомыми.

Я легкая как перышко.

Я покидаю свое тело.

Я – привидение.

Моя кожа полупрозрачна. Я чувствую себя чистой. Мой разум спокоен. Я встаю с кровати и обвожу глазами маленькую комнату. Я словно стою на сцене. Я свысока смотрю на окружающие меня предметы, а потом – на безобразную правду, мое сломленное «я».

Я отказываюсь поверить, что это я. Тусклые волосы. Бледная кожа. Сажу, поджав ноги к груди. Обхватив руками колени.

Мое тело начинает болеть. Боль начинается медленно, но постепенно распространяется повсюду. Я смотрю на свою полупрозрачную кожу. Некое тело начинает обретать форму. Я начинаю ощущать его тяжесть. Я в панике.

Я отхожу от кровати. Я продолжаю двигаться, пока не схожу со сцены. Пока не приближаюсь к противоположной стене комнаты, надеясь, что смогу побыть в этом укрытии чуть дольше.

Увы, слишком поздно.

Когда я открываю глаза, я вижу белую стену. Я вернулась в свое тело. В надломленное, слабое тело.

Меня обволакивает чувство безопасности. И тогда я чувствую запах сосны. Через несколько секунд на мой живот ложится рука. Лахлан.

– Закрой глаза, – шепчет он мне в ухо. – Так ты сможешь контролировать свои мысли.

Сердце бьется резким стаккато, но затем замедляется. Лах-лан. Лах-лан, стучит оно. Его рука напрягается, словно он слышит этот ритм.

– Я расскажу тебе сказку. – Он протягивает руку и убирает мои волосы в сторону. – Хочешь, чтобы я рассказал тебе сказку, малышка? – спрашивает он.

Я ни разу не обернулась. Я не хочу смотреть через плечо и видеть смятые простыни. Я не хочу, чтобы все это было в моей голове. Поэтому я киваю и слушаю глубокий тембр его голоса. Такой уверенный. Такой спокойный. Каждое слово похоже на ласку – нежное заверение, что со мной все в порядке.

Прежде чем тьма окончательно затягивает меня, я слышу, как он шепчет:

– Десять лет назад ты была храброй. Десять лет назад ты брала то, что хотела. Десять лет назад мы с тобой...

8. Личность

Десять лет назад

Сегодня мой отец ругался из-за фейерверка.

Когда мы ужинали, он стукнул рукой по столу и рявкнул:

– Этот чертов мальчишка Холстед пускал ракеты, бенгальские огни, фейерверки, и бог знает что еще, до четырех утра! Эх, зря я не вызвал полицию!

Эти огни были прекрасны. Но я бы никогда не сказала это вслух. Я целый час тихо сидела и смотрела, как мой отец кипит, и лишь потом набралась смелости и попросила разрешения выйти из-за стола.

Я пошла в свою комнату, выключила свет и устроилась в окне. Я пыталась лучше рассмотреть дом наших соседей. Которых по идее должна была ненавидеть.

Холстеды переехали в дом по соседству четыре года назад. И в течение последних четырех лет мой отец разглагольствовал о них при первом удобном случае.

– Чертова семейка эти Холстеды. А ведь я мог купить землю, на которой стоит их дом...

И так далее в том же духе. Это всегда начиналось как ворчание, но с каждой минутой голос отца становился все громче, все сильнее. Глаза метали громы и молнии.

Я пугалась, не понимая его ненависти. Лично мне соседи казались нормальными. Я лишь раз видела мистера Холстеда, и то, спрятавшись за няню, когда та разговаривала с ним и их садовником. Мистер Холстед был крупный мужчина, ростом едва ли не до неба. Он носил шляпу, которая закрывала его голову, но я видела его глаза.

Они были добрыми. Он улыбнулся мне. Сказал, что я могу называть его Джереми. Я слишком нервничала, чтобы ответить.

Тогда же я впервые увидела Лахлана. Прямо за отцовской спиной он играл с друзьями в домике на дереве. Они дурачились. Лазили по ветвям, качались на них. Я со смесью зависти и страха наблюдала за тем, как Лахлан идет по крепкому суку.

Я знала, что должна следовать правилам. Знала, что не должна любить Холстедов, потому что их не любил мой отец. Но у меня это плохо получалось.

В прошлом году, четвертого июля, Холстеды устроили фейерверк. Его

треск разбудил меня. Напугал. Но когда я подбежала к окну и увидела красивые краски и яркие огни, я не смогла стереть с лица улыбку. Хотя наши дома разделяло большое поле, клянусь, я слышала веселые крики, доносившиеся из дома соседей.

На следующий день я рассказала маме, что видела фейерверк. Она кивнула мне и перевернула страницу журнала.

– Я рада, Наоми.

– Вот если бы мой день рожденья был четвертого июля, – вздохнула я. – Тогда этот фейерверк был бы и для меня. Это был бы День Наоми. Национальный праздник.

Моя честность удостоилась ее косога взгляда. Мать поджала накрашенные губы.

– Не говори глупостей. Твой день рожденья – это твой день рожденья.

Я поняла: она была права. Мой день рождения 19 июля.

Никакой не национальный праздник. Не День Наоми.

Просто мой день рождения. Мой девятый день рождения обошелся без фейерверков.

Но десять лет – это уже что-то! Вместо подарков и праздничного торта со свечами единственное, чего мне хотелось, – это ярких огоньков в темном небе. Хотелось увидеть, как они озаряют его, как все вокруг становится ярким и сверкающим. Хотелось услышать больше веселых криков, сделать вид, будто все они предназначаются мне.

Сегодня вечером мне хотелось быть такой же яркой и шумной, как те фейерверки. Быть живой. Сделать что-то такое, о чем я думала последние несколько месяцев.

Я ждала, когда родители лягут спать, чтобы улизнуть из моей комнаты. Ожидание казалось пыткой. Я не ложилась спать и каждые пять минут смотрела на часы. Когда, наконец, нужный момент настал, я тихо открыла дверь и на цыпочках спустилась вниз. По моим венам струился адреналин. А также испуг. Но волнение перевесило страхи. Мои руки дрожали от предвкушения.

Закрыв за собой дверь патио, я побежала по гравийной дорожке к сараю и быстро вывела из стойла свою лошадь. Румор был красивым, уравновешенным арабским скакуном с блестящей каштановой шерсткой. Мы с ним прекрасно понимали друг друга.

Я погладила его шею и поболтала с ним.

– Сегодня вечером нас ждет приключение, – сказала я. Конь наострил уши. Я улыбнулась. – Это недалеко. Хочу съездить до того домика на дереве, которым никто больше не пользуется. Ведь кто-то должен

пользоваться им, верно? – спросила я.

Мы остановились рядом со сломанным пнем. Встав на него, как на подножку, я быстро вскочила в седло.

Я окинула взглядом ночной пейзаж и вздохнула. Казалось, кроме меня, на всем свете никого нет. Мир принадлежал мне, и только мне. Я могла поехать куда угодно. Темное небо с россыпью звезд было моей картой.

Я чувствовала себя искательницей приключений.

Искательницей острых ощущений.

На секунду забыв о волнении, я сосредоточилась на том, чтобы как можно тише отъехать от нашего дома. И лишь удалившись на приличное расстояние, поддала пятками в бока скакуна. В следующий миг мы уже летели.

Это было нечто! Волосы выбились из моей косы и застилали мне глаза, но я только смеялась. Копыта Румора стучали на холодной земле. Ба-да-бум. Ба-да-бум. Ба-да-бум. Их стук ласкал мне слух.

Свобода!

В считанные мгновения я оказалась на участке Холстедов. Их дом выглядел точь-в-точь как наш. Огромный до невозможности. В него можно было вместить целую деревню.

Я едва взглянула на дом.

Я легко перепрыгнула через забор, но, вместо того чтобы поскакать напрямую через безупречно убранный двор, выбрала окольный путь. И все время мои глаза были прикованы к домику на дереве. Когда до дерева оставалось несколько шагов, я остановила лошадь и, выскользнув из седла на землю, намотала поводья на крепкий сук. Прежде чем пойти дальше, я огляделась, хотела убедиться, что путь свободен. Огни в доме были выключены, кроме телевизора в комнате на втором этаже. Я ненадолго замешкалась, но потом поняла, что меня никто не заметил.

Торопливо пройдя по влажной траве, я остановилась перед большим дубом и посмотрела на деревянные доски, прибитые к стволу дерева. Ничто не могло отнять счастья, которое я испытывала в тот момент. Я здесь. Я на самом деле здесь, стою перед домиком на дереве.

– Что ты здесь делаешь?

С моих губ сорвалось нечто среднее между сдавленным вздохом и сипением. Я обернулась и прижалась спиной к дереву. Сердце грохотало в груди. Я увидела Лахлана.

Он был выше, чем мне казалось. Его грязные каштановые волосы нуждались в стрижке. А глаз я не могла рассмотреть. Я смогла различить лишь линию носа и контур плотно сжатых губ. Он сурово смотрел на меня.

Я испугалась до умопомрачения. Вся моя решимость пошла прахом. Меня застучали. Видно, мне никогда не залезть на это дерево.

А вот Лахлан был спокоен, потому что... я понятия не имела почему. Но с каждой секундой, пока он молчал, меня охватывал все больший страх.

Наконец я прочистила горло.

– Ты ведь им больше не пользуешься? – пробормотала я.

Нахмутив брови, он посмотрел на домик на дереве, затем снова на меня.

– Вообще-то нет. – Он шагнул вперед, и я впилась пальцами в кору дерева. В нескольких шагах он остановился, с любопытством посмотрел на меня и... протянул руку.

– Я Лахлан Холстед. А кто ты?

Он мог сказать моим родителям, что я вторглась на их участок. Из-за него я могла угодить в большие неприятности. Этого было достаточно, чтобы броситься обратно к верному Румору. Но мои ноги словно приросли к месту. Я забыла, что у меня есть голос и имя. Я пару секунд изо всех сил пыталась дышать и просто таращилась на Лахлана.

Наконец я заставила себя пошевелить языком и, протянув свою дрожащую руку, пожала руку мальчика.

– Н-Н-Наоми Кэррадайн. Я твоя соседка, – пискнула я.

Лахлан оглянулся в сторону моего дома.

«Только не выдавай меня. Только не выдавай меня», – повторяла я про себя.

– Так что ты здесь делаешь?

– Просто хотела посмотреть на домик на дереве.

– Среди ночи?

– Пожалуйста, только не говори моим родителям! – взмолилась я. – Я просто хотела в него залезть. И все. Честное слово!

Лахлан рассмеялся.

– Успокойся, малышка. Я тебя не выдам. – Он сунул руки в карман толстовки и посмотрел на дерево. – А почему ты хочешь туда залезть? Им никто не пользовался уже много лет. Странно, что он еще не рухнул.

Я потопталась на месте, глядя себе под ноги.

– Раз ты им не пользуешься, я подумала... я подумала, что могу в него залезть, – пробормотала я.

Он пристально посмотрел на дерево и кивнул.

– Разумно. – Хлопнув по стволу дерева, он выжидающе посмотрел на меня. – Ну, так полезешь наверх?

Именно за этим я и пришла сюда. Но теперь, когда Лахлан стоял

рядом, я нервничала и все еще боялась, что он настучит на меня.

Я отвернулась от Лахлана и, откинув голову назад до упора, медленно кивнула.

– Полезу.

Дрожащими руками я схватилась за деревянные перекладины. А когда заглянула в проем, то улыбнулась и подтянулась на деревянную платформу. Лахлан – следом за мной. Он сразу же со скучающим видом отошел в угол. Но только не я. Я находилась всего в нескольких футах от земли, но чувствовала себя словно в облаках.

– Ну как тебе? – спросил Лахлан.

– Классно, – выдохнула я.

– Я нечасто вижу, как ты гуляешь, – пробормотал он.

Мои плечи напряглись.

– Я тоже.

– Шутка.

Он обошел домик. Дерево скрипело под его ногами. Наконец он положил локти на карниз рядом со мной и уставился в небо.

– То есть ты хотела прийти и посидеть здесь?

– Да.

Он ничего не сказал.

– Я была права, – наконец сказала я. – Здесь красиво.

Мы сидели молча, но меня это не напрягало.

– Если это все, что ты хочешь, можешь приходить сюда в любое время, – сказал он.

Я вытаращила глаза и испуганно повернулась к нему.

– Ты серьезно?

Лахлан пожал плечами.

– Конечно. Но я не уверен, что восьмилетнему ребенку стоит тайком приходить сюда среди ночи.

– Мне уже десять. – Я гордо вскинула подбородок.

Похоже, это его не впечатлило.

– Ты тоже не дома, – сказала я. – И ты не намного старше меня. Тебе ведь тринадцать?

Лахлан прищурился.

– Пятнадцать.

Я тотчас вычеркнула его как потенциального друга, и все равно это было самое веселое событие в моей жизни за последнее время.

– Ладно, желаю тебе хорошо провести время, – сказал он. – А я иду домой. Спать. Как все нормальные люди.

– Эй, погоди! – окликнула я его. Лахлан остановился и вопросительно посмотрел на меня. – Что ты делал, когда приходил сюда?

– Играл в разные бессмысленные игры.

– Например?

Он громко вздохнул и сел.

– Всякие дурацкие игры. Я стрелял из невидимого оружия, а затем спускался вниз и бежал домой за новыми патронами. Иногда это был мой космический корабль. Иногда – штаб-квартира секретного агентства. Но чаще всего – мое тайное укрытие. Или необитаемый остров.

Я отлично видела все игры, которые он назвал. Мое воображение било фонтаном, выискивая и хватая жадными руками все, что он говорил. Стоило повернуть голову влево, как я видела горы, поросшие зеленой травой, среди которой пестрели цветы. Прямо передо мной росли пальмы и чистые голубые воды касались золотого песка. Справа – руины замка, который когда-то стоял в Германии. Я видела все это как наяву.

– Вот почему я всегда приходил сюда, – объяснил он. – В этом домике я мог мечтать о чем угодно.

Я кивнула и попыталась скрыть улыбку, расплывшуюся по моему лицу.

– Мечтать о чем угодно, – зачарованно повторила я. – Я тоже этого хочу.

– А разве ты этим не занимаешься? Тебе ведь десять! Все десятилетние дети любят мечтать.

Не все.

Некоторые границы я никогда не переступала. Я играла в настольные игры, возилась с куклой Барби и каталась верхом. Я редко давала волю воображению. И уж точно никогда так, как это делал Лахлан.

– Нет. – Я пристыженно посмотрела на деревянный пол.

– Ни разу? – уточнил он.

Я отрицательно покачала головой. Но он был настойчив.

– Не ври.

Я откашлялась и посмотрела на небо.

– Хорошо, я придумаю для тебя историю. Но ее продолжение ты должна придумать сама. – Он вытянул ноги и скрестил их в лодыжках. Я не могла сказать, остался он со мной лишь потому, что не хотел бросать странную десятилетнюю соседку в одиночестве, или потому, что ему было интересно со мной. Меня устраивал любой вариант.

– Ладно. Мир захвачен инопланетянами. И теперь ЦРУ рассчитывает только на тебя. Только ты можешь защитить человечество. – Он продолжил

рассказ, рисуя для меня идеальную картину.

Я смотрела на него с восхищением.

– Кстати, как тебя зовут? – спросил он.

Я нахмурила брови.

– Наоми.

– Нет. Как тебя будут звать? – серьезно повторил он. – Просто придумай любое имя. Ты можешь быть кем угодно.

Я улыбнулась. До меня дошло. Выбор был безграничным.

– Клэр... нет, лучше Джулия. Ой! Нет! – Я взволнованно присела на колени. Я не могла угнаться за собственным воображением. Это было так здорово. – Я хочу поменять мое имя на Эллиот Кид! Так будет классно!

– Отлично, – сказал он и улыбнулся.

Его улыбка казалась искренней и честной. В ней не сквозило ни капли притворства. Я заслужила эту улыбку, и я была готова на все, чтобы заслужить еще одну такую же от Лахлана Холстеда.

Он говорил со мной долгие часы. Пока не взошло солнце. Пока мои глаза не стали закрываться сами собой. И я поняла, что мне пора домой. Той ночью Лахлан Холстед пробудил меня, втянул мой разум в совершенно новый мир. Я была слишком мала, чтобы понять: в возрасте десяти лет я по собственной воле отдала свое сердце Лахлану Холстеду.

9. Комната № 62

– Ты поспала?

Я смотрю на Мэри.

– Да, немного.

Она стоит, наклонив голову, на ее лице появляется сочувствие, и я могу сказать, что она знает, что я лгу.

Мы уже рядом с дверью доктора Ратледж, когда перед Мэри останавливается какая-то медсестра и отводит ее в сторону. Я уже видела эту медсестру. Она того же возраста, что и Мэри, но у нее постоянно хмурый взгляд, и она носит темную одежду в тон ее строгому, мрачному облику. Прищурившись, я наблюдаю за быстрым движением ее губ. Я могу только разобрать лишь обрывочные фразы, но вижу, как она произносит слова «предлагает» и «групповая терапия».

Внезапно мне становится трудно дышать.

Групповая терапия.

Только не это. Никогда и ни за что. Я, скорее, предпочту лоботомию, чем стану сидеть в кругу посторонних людей и говорить о своих проблемах.

Мэри оглядывается на меня через плечо. Я знаю: не жди ничего хорошего, когда ваша медсестра, которая в своем уме, выглядит не слишком радостно. Мне хочется бежать от одного только этого взгляда. Строгая медсестра уходит, оставляя меня и Мэри в неловком молчании.

– Смена планов, – объявляет Мэри.

– Что вы имеете в виду?

Она мягко берет меня за локти, и мы разворачиваемся назад.

– Доктор Ратледж хочет, чтобы ты попробовала групповую терапию.

Я останавливаюсь и смотрю ей в лицо.

– Я не хочу этого делать.

Она дергает меня за руку.

– Почему нет?

– Я просто... просто не хочу.

– Групповая терапия очень эффективна, – говорит она.

– Может быть, для кого-то другого, но не для меня.

Мэри не отвечает.

– Я видела, как вы посмотрели на меня, когда медсестра сказала вам!
Вам эта идея тоже не нравится!

– А ты попробуй. Тебе ведь нечего терять.

Перевожу: у тебя практически не осталось вариантов. Если твое состояние не начнет улучшаться, тебе больше ничего не остается.

Я ставлю одну ногу перед другой. Ощущение такое, будто я иду навстречу собственной кончине.

– Как долго это длится? – спрашиваю я.

– Всего час.

Мы приходим в комнату номер 62. Это просторное помещение, где проводится большинство сеансов групповой терапии. Синие пластиковые стулья в центре комнаты. Они стоят уютным кружком, словно мы в детском саду готовимся слушать сказку.

Я стою в дверях и наблюдаю. Одна девушка уставилась в ковер и что-то шепчет себе под нос. Рядом с ней женщина средних лет. Я видела ее несколько раз за обедом или в комнате отдыха. Я называю ее Притворной Мамашей. Она почти каждый день одета в красную шелковую пижаму, поверх которой накинута шуба. Она всегда покрашена и благоухает сиренью. На руках она качает пластикового гольша, взад-вперед, взад-вперед. Она перестает качать ребенка и поет ему колыбельную, как будто тот плачет.

Она точно сумасшедшая.

И, очевидно, я на всех парах лечу в том же направлении, потому что ее присутствие меня утешает. В моих глазах она просто заботливая мать. Если закрыть глаза и забыть, что я в психушке. И тогда Притворная Мамаша – настоящая мать, у которой есть настоящий ребенок.

По другую сторону от нее худенькая девушка по имени Эмбер. Наша местная анорексичка. Сидит и с обидой смотрит на всех остальных.

Я уже готова повернуться и уйти прочь. Но Мэри хватает меня за плечи и тихим голосом говорит:

– Все будет хорошо.

– Мне бы вашу уверенность, – слабо говорю я.

Она ободряюще сжимает мне плечи.

– Все будет хорошо. Я заберу тебя через час.

Мэри явно не собирается уходить, пока я не сяду. Я вхожу в комнату. Такое ощущение, что все пялятся на меня. Тут у каждого проблем выше крыши, но, клянусь, они перешептываются между собой:

– Ты ее видишь? Сразу видно, что у нее крыша в пути. Сидеть ей здесь до конца ее дней.

Я выбираю стул ближе к двери. Если все пойдет наперекосяк, я всегда могу дать деру. Но этот стул рядом с Эмбер. Ее губы кривятся от

отвращения.

Ты лучше посмотри на себя, тощая сука.

Я скрещиваю на груди руки. Мои ноги дергаются вверх-вниз. Я жду, когда мои кишки успокоятся, но чем дольше я сижу, тем нервозность сильнее.

В комнату входят другие пациенты клиники. Вскоре все стулья заняты.

Затем входят мужчина-врач и две медсестры. Они тихо переговариваются возле двери. Я внимательно смотрю на них, и меня так и подмывает крикнуть: *«Давайте поскорее покончим с этим делом!»*

Я прикусываю губу.

Врач прочищает горло, и в комнате становится тихо. Представившись (его зовут доктор Купер), он моментально погружается в этот спектакль групповой терапии и его преимущества.

Он говорит, что это безопасное место. Оно дает нам возможность открыться и выпустить пар. Я с сомнением смотрю на него. Он продолжает говорить, и тогда я начинаю слышать другой голос.

Сначала он далекий, но постепенно звучит все ближе и ближе, пока не раздастся рядом со мной.

– Ты мерзкая сука, – слышу я.

Кожа тотчас покрывается мурашками. Пальцы впиваются в синий пластиковый стул, на котором я сижу. Глаза испуганно обводят комнату. Неужели они слышали отца Ланы? Увидели его позади меня?

Но все со скукой смотрят на доктора Купера. Поэтому я стараюсь следовать их примеру, в надежде на то, что сумею отвлечься. Мой взгляд прикован к губам доктора. Он говорит о когнитивном поведении... по крайней мере, мне так кажется.

– Я очень хочу, чтобы вы все сосредоточились на положительных чертах, которыми обладаете. – Он смотрит в мою сторону. – Эмбер. Будь добра, скажи нам, какие у тебя позитивные качества.

Она перестает рассматривать посеченные кончики своих волос и со злостью смотрит на него.

– Никаких. У меня нет положительных качеств.

Нервно барабаня пальцами, я продолжаю осматривать комнату. Доктор откашливается.

– Это неправда. Я уверен, – нет, вы видите? – что они у тебя есть.

Я оглядываюсь. Наклоняю голову и смотрю на стулья, сложенные в углу. Он мог спрятаться там.

Эмбер смотрит на меня.

– В чем, на фиг, твоя проблема? – огрызается она.

– Тише, Эмбер, – говорит доктор Купер.

Он встает, подходит к нам и, прежде чем открыть рот, опускается на колени, чтобы посмотреть Эмбер в глаза. Его суставы громко хрустят.

Этот хруст эхом отдается в моих ушах.

Я знаю, что доктор Купер что-то говорит. Вижу, как двигаются его губы. Но не слышу слов.

Радиомолчание.

Мои барабанные перепонки начинают болеть.

Тишина становится все невыносимее. Я потираю уши, пытаюсь ослабить давление. Такое ощущение, что моя голова вот-вот взорвется.

И тогда я вижу его.

Отец Ланы выглядывает из-за доктора Купера. Он стоит в той же позе, что и доктор, поставив локти на согнутые в коленях ноги.

И улыбается мне садистской улыбочкой. Он всегда улыбается так, перед тем как напасть. Дыхание застревает в горле.

Я реагирую мгновенно.

Я откидываюсь на спинку стула. Тот опрокидывается. Я падаю на пол. Я ползу прочь от него. Я не останавливаюсь, пока моя спина не упирается в стену. Он встает и медленно направляется ко мне. На нем темно-синий костюм, белая рубашка и темно-синий галстук в полоску. Он выглядел бы вполне безобидно, если бы не его холодные глаза.

В них никогда не бывает эмоций. Сразу видно, что у него нет сердца. Нет и никогда не было.

– Ты маленькая сучка, – говорит он.

Я издаю сдавленный стон. Зажмуриваю глаза и пытаюсь ровно дышать. Он все ближе. Я чувствую, как пол подо мной вибрирует от его шагов.

– Уходи. Уходи. – Мой голос звучит громче. – Уходи!

Он хватается меня за лодыжку, но я пинаю его. Я ладонями сдавливаю виски.

– Оставь меня в покое! – кричу я.

Он повторяет мое имя и хватается меня за лодыжки. Я отбиваюсь, но мои мышцы болят. Я чувствую, что ослабеваю, но это придает ему сил. Он еще крепче сжимает мои ноги.

Издали я слышу женский голос.

Это доктор Ратледж.

– Что случилось? – строго спрашивает она.

Кто-то отвечает, но я не могу разобрать слов. Голоса приглушены.

– Наоми.

Я открываю глаза. Ее лицо расплывается. Мне виден лишь ее силуэт. Но рядом с ней я вижу отца Ланы.

Я откидываю голову назад. И больно врезаюсь затылком в стену.

– Вы меня слышите? – спрашивает доктор Ратледж.

Ему все равно, что рядом со мной доктор Ратледж. Он продолжает лапать меня. Он с силой сжимает мой подбородок. Кажется, что тот вот-вот треснет пополам.

– Ты все испортила! – кричит он. – Твоя гребаная жизнь – моя!

На этот раз доктор Ратледж громко произносит мое имя.

– Дыши, – приказывает она. – Тебе нужно дышать.

Я сосредотачиваюсь на ее словах. Давление на мою челюсть ослабевает, затем его руки полностью исчезают.

Я открываю глаза. Передо мной всего лишь доктор Ратледж. Позади нее с испуганным лицом стоит Мэри.

– Сделай глубокий вдох, – говорит доктор Ратледж.

Все остальные в комнате таращатся на меня, словно я сошла с ума. Я не могу их винить.

– Уведите меня отсюда, – задыхаюсь я. – Уведите меня отсюда!

Она протягивает руку, и я хватаюсь за нее, как за спасательный круг.

– Не заставляйте меня возвращаться сюда! – умоляю я.

Доктор Ратледж обнимает меня за плечо, осторожно держа мою руку. Мэри встает с другой стороны, и мы выходим из комнаты. Меня качает. Мои ноги онемели. Я аккуратно передвигаю их, словно иду по канату.

– Я сделаю что угодно, но только не заставляйте меня возвращаться сюда, – умоляю я. У меня в ушах до сих пор стоит хруст его суставов. При мысли об этом меня передергивает. Я продолжаю говорить: – Я пытаюсь поправиться. Честное слово, но я все равно вижу его. Он везде, куда бы я ни посмотрела!

– Наоми, успокойся, – говорит доктор Ратледж и торопливо ведет меня по коридору. – Просто дыши глубже, и все.

Когда мы входим в ее кабинет, я все еще задыхаюсь. Мэри закрывает за нами дверь, оставляя нас наедине.

В кои веки тишина не пугает меня. Его здесь нет. Я в безопасности. Я могу дышать. Все еще дрожа, я сажусь. Моя кожа липкая от пота. Последствия его нападения даже хуже, чем само оно. Я все еще ощущаю на своих ногах его пальцы, они все сильнее и сильнее сжимают мою ногу, пока я не понимаю, что мои кости вот-вот сломаются.

– Наоми, – говорит доктор Ратледж, – продолжай глубоко дышать.

Я слушаю ее и заставляю себя делать медленные вдохи и выдохи.

Вдох, выдох.

Вдох, выдох.

Я втягиваю весь воздух, какой только могу, и боль постепенно отпускает меня.

Я смотрю на доктора Ратледж. Она кивком указывает на стол. Там стоит стакан с водой. Я хватаю его и залпом выпиваю всю воду. Затем сжимаю в ладонях пустой стакан. Доктор Ратледж наклоняется ко мне, и ее кресло скрипит под ней.

«Только не делайте хуже, чем оно есть», – думаю я про себя.

– Ты можешь сказать мне, что случилось на сеансе групповой терапии?

– Нет.

Я сжимаю стакан еще крепче.

– Не можешь или не хочешь?

– Не хочу, – твердо говорю я.

Впервые с момента нашего знакомства доктор Ратледж не говорит ни слова. Просто терпеливо сидит и крутит лежащую на столе скрепку.

– Я видела отца Ланы, – наконец признаюсь я. Его лицо мелькает в моей голове.

– Он что-нибудь сказал?

Я киваю.

– Он кричал на меня. Все время обзывал меня сукой. Заявил, что моя жизнь принадлежит ему...

Мой голос прерывается.

– Ты здесь в безопасности. Ты ведь это знаешь, верно? И Лана тоже в безопасности. Ее отец больше не причинит ей боли.

Услышав имя Ланы, я сажусь прямо и снова начинаю дрожать.

– Откуда вы это знаете?

Доктор Ратледж ерзает на стуле.

– Я говорила с ней, – признается она.

– Когда? – Мой голос звучит громче. – Где она?

Она пропускает мой вопрос мимо ушей, словно даже не слышала меня.

– То, что случилось с тобой сегодня, это просто...

– Где она? – перебиваю я.

– Она в безопасном месте. Это все, что я могу тебе сказать.

– Почему вы мне не скажете?

– Потому что тебе нужно выздороветь. Ты не можешь ей помочь, Наоми, если ты сама надломлена.

Ее слова бьют в больное место. Мне положено быть для Ланы опорой, а без этого кто я такая на самом деле?

Я готова расплакаться, но кое-как сдерживаюсь. На сегодня довольно одного срыва.

– Все, что ты видела во время групповой терапии, это лишь игра твоего воображения.

– Он был здесь. – Мой голос звенит убежденностью. – Я видела его. Я почувствовала, как он схватил меня.

– Его там не было, – она тщательно произносит каждое слово.

Я делаю то же самое.

– Нет, был.

Я знаю: мы с ней можем спорить до бесконечности. Но все сводится к тому, что из нас двоих в здравом уме она.

А не я. Я – пациентка психушки.

Это мое слово против ее слов, и я знаю, что поверят ей.

– Может, тебе лучше лечь, как ты думаешь? – медленно предлагает она. – Увидимся завтра утром и продолжим наш разговор.

Я едва могу думать о том, что происходит, не говоря уже о завтрашнем дне.

Поэтому я киваю и встаю.

– Ладно.

Доктор Ратледж открывает дверь. Мэри выходит вперед и провожает меня до моей комнаты.

Остаток вечера я провожу в полном оцепенении.

10. Не мечтай

– Пора идти, Наоми.

Я отворачиваюсь от окна и смотрю на Мэри. Она стоит в дверях, нетерпеливо постукивая ногой. Но я ни за какие коврижки не вернусь к доктору Ратледж.

Я с вызовом скрещиваю руки и пристально смотрю на нее.

– Нет.

Мэри наклоняет голову и сурово смотрит на меня. Весь ее вид говорит: «Не хочешь идти по-хорошему, пойдешь по-плохому».

За прошедшую неделю это стало привычным. Мэри говорит, что мне нужно пойти к доктору Ратледж. Я отвечаю отказом. Тогда она зовет на помощь, и другая медсестра помогает ей тащить меня по коридору. Я упираюсь, пытаюсь вырваться от них, но в конечном итоге неизменно оказываюсь напротив доктора Ратледж. После групповой терапии я возвела вокруг себя стену, опасаясь, что любые другие методы, которые имела в виду доктор Ратледж, уничтожат меня. Поэтому она сидит за столом и задает типичные вопросы:

– Как ты?

– Ты хорошо спала прошлой ночью?

– О чем ты сейчас думаешь?

Я никогда не отвечаю. Смотрю, как часы отсчитывают время. Наша встреча превращается в противостояние. Я упрямо молчу, отказываясь отступить, а доктор Ратледж настойчиво говорит, пытаюсь заставить меня раскрыться. В конце концов я беру над ней верх, и она отпускает меня. Но я никогда не покидаю ее кабинет, ощущая себя победительницей, потому что правда состоит в том, что мои ночные кошмары стали еще хуже. Куда бы я ни пошла, я всюду вижу его. Доктор Ратледж увеличила мне дозу амбиена. Некоторым он помогает, но недостаточно.

Боюсь, что лекарство вскоре перестанет быть моим убежищем. И тогда Майкл найдет меня и разорвет на куски.

Я хожу в полном оцепении. Граница между разумом и безумием начинает размываться. Все начинает сбивать меня с толку. И страшнее всего то, что я постепенно превращаюсь в одного из тех пациентов, что часами сидят в комнате отдыха, безучастно глядя в телевизор.

Я вздыхаю и отхожу от окна. Сегодня я слишком устала, чтобы бороться. Мэри одобрительно кивает мне. Я вижу, как ее распирает от

гордости. Она считает, что я делаю шаг в верном направлении.

Мы неспешно идем по коридору, словно прогуливаемся по парку. Если задуматься, этот застоявшийся воздух и стерильные стены действительно и есть мой парк.

Прежде чем открыть дверь кабинета доктора, Мэри разок стучит в дверь. Затем смотрит на меня и кивком приглашает войти. С неохотой я переступаю порог. Ратледж поднимает голову и улыбается. Она сидит в кресле, чопорная и собранная, словно у нее есть решения для всех моих проблем.

Я с вызовом смотрю на нее.

Она показывает на стул перед столом.

– Может, все-таки сядешь?

Я скрещиваю на груди руки.

Доктор Ратледж вздыхает. Просто вздыхает. Этот тихий вздох странным образом расслабляет меня. Я тоже хочу сидеть, откинувшись на спинку кресла, вздыхать и делать вид, что на меня не давят никакие проблемы.

– Продолжаешь играть в молчанку?

– Я не играю с вами в молчанку.

Она с сомнением смотрит на меня.

– А вот тут ты не права. Ты по-прежнему сердита на групповую терапию, и игнорирование меня – твой единственный способ справиться с ситуацией.

Я вздрагиваю, словно она бросила в меня нож и промахнулась всего на несколько дюймов.

– Вы ставите это мне в упрек? – говорю я.

– Разумеется, нет. Я уже признала, что групповая терапия была ошибочным выбором. – Она выдерживает паузу и ласково добавляет: – Но я не против тебя, Наоми. Когда я задаю вопросы, для этого имеется причина.

Я делаю шаг вперед. Я все время внимательно наблюдаю за ней.

– И что это за причина?

– Тебе так и не поставили диагноз, – объясняет она. – А я хочу, чтобы это сделали. Ты здесь почти два месяца, я бы сказала, это на два месяца больше, чем нужно.

Я медленно сажусь. Кажется, у нас, наконец, появилось нечто такое, с чем мы согласны. Но я не собираюсь открываться мгновенно. С какой стати мне облегчать ей жизнь?

– Как прошел твой день?

– Нормально, – неохотно говорю я.

– Чем ты обычно занимаешься в течение дня?

– Провожу какое-то время в своей комнате. Затем иду в комнату отдыха... – Я умолкаю. Она вопросительно поднимает бровь. – Я заперта в психушке. Чего еще вы ожидаете?

– То есть ты ничего не делаешь?

– Ничего, – подтверждаю я.

– Ты любишь читать? – тотчас спрашивает она.

– Нет, – мгновенно отвечаю я.

– Как насчет фильмов?

– Тоже нет.

Очередная ложь.

Она продолжает задавать вопросы. Я отвечаю, мои ответы вылетают как из пулемета. Я жду, когда она сдастся, но этого не происходит.

– У тебя есть здесь друзья? – спрашивает она, сверля меня взглядом.

– Несколько.

И снова ложь.

– Какой у тебя аппетит?

Я хмурю брови. Что за тупой вопрос. Это так бессмысленно и глупо, что я отвечаю честно.

– Хороший.

– А сон?

– Я не сплю, – выпаливаю я.

Доктор Ратледж удовлетворенно откидывается на спинку стула. Я попала в ее ловушку. Рано или поздно кто-то из нас двоих должен был облажаться. Это лишь вопрос времени. Я отворачиваюсь. Я зла на себя. С другой стороны, оно даже лучше, что правда вылезла наружу.

Секунды идут, но ни она, ни я не сказали ни слова. Я снимаю с рукава нитку и все время чувствую на себе ее взгляд.

Она прерывает молчание первой:

– Почему ты не можешь спать?

Я стискиваю зубы и ничего не говорю. Минуты тикают дальше.

– Ты чем-то расстроена, – говорит она. – О чем ты думаешь?

Я неловко ерзаю в кресле.

– О Лане.

– А что с Ланой?

Я наклоняю голову.

– Вы только что спросили «А что с Ланой?», – подражаю я ее голосу. – Моя подруга нуждается во мне. Я же торчу в психушке и не знаю, когда

меня выпустят. Конечно, я буду думать о ней.

– А как ты себя чувствуешь, когда думаешь о ней?

– Я только что сказала вам, – огрызаюсь я.

– Нет, ты сказала мне, что думаешь о ней. Что ты ей нужна. И что ты застряла в психушке. Я же спросила, как ты себя чувствуешь.

Ее слова причиняют мне боль.

– Виноватой, – медленно отвечаю я. – Я чувствую себя виноватой.

Я сжимаю пальцы вокруг локтей. Что-то зловещее ложится мне на плечи. Мои мышцы мгновенно напрягаются.

– Почему? – спрашивает она.

Я начинаю отвечать, но умолкаю. Воцаряется минута блаженной тишины. Я не слышу голосов в коридоре. Никакого щебетания птиц за окном, никакого завывания ветра.

И вдруг в моих ушах раздается хлопок. Внезапно я слышу эхо голосов. Они медленно приближаются ко мне и вдруг все разом проникают мне в голову. Теперь в ней настоящий гвалт. Искаженные голоса, и все звучат одновременно.

Мою голову наполняют вопли, крики, визг, смех, плач, стоны. Из-за них мои мысли путаются. Меня выживают из собственной головы.

Мои руки дрожат.

Я действительно теряю контроль над собой, но это вина доктора Ратледж. Да, и до наших сеансов и групповой терапии все было неидеально, но не так ужасно, как сейчас.

Внутри меня начинает нарастать напряжение. Я как будто медленно растворяюсь, исчезаю из собственного тела. Страшно потерять контроль над собой. Хотя я сижу, я чувствую, что теряю равновесие. Мое тело наклоняется вперед.

На меня накатывает волна паники. Я вскакиваю со стула, спотыкаюсь и отлетаю к стене.

– Я знаю, что вы делаете! – кричу я. Мой голос дрожит. Доктор Ратледж с тревогой смотрит на меня. – Вы говорите, что хотите помочь мне выйти отсюда, но это неправда. Вы как все здешние доктора. Вы задаете вопросы, чтобы просмотреть список симптомов. И, если у меня есть какие-то из них, значит, у меня то или это расстройство! Но мне не нужна ваша помощь! – Я перекрикиваю голоса. – Я единственный нормальный человек в этом гребаном заведении, но из-за вас я превращаюсь в очередного психа!

Доктор Ратледж сидит прямо.

– Успокойся, Наоми, – мягко говорит она.

– Нет! – Я тычу в нее пальцем. – Пусть ваша семья упечет вас в

психушку. Пусть все, кто вам нужен, кого вы любите, бросят вас, когда вы нуждаетесь в них больше всего!

Я сжимаю руки в кулаки и бью себя по голове. Если ударить посильнее, я, возможно, выбью все эти голоса.

– Стоп. – Доктор Ратледж вскакивает со стула. Видно, что она напугана и не знает, что делать. – Перестань! – кричит она.

Я закрываю глаза и продолжаю размахивать кулаками.

– Наоми! Прекрати!

Ее голос ближе. Поняв это, голоса в моей голове начинают паниковать. Они начинают вопить громче. Они срываются на визг, в моих ушах стоит звон. Это так больно, что по моему лицу текут слезы.

В следующий миг она хватается меня за руки. Я застываю на месте. Это как воздушный шарик, который только что лопнул.

Я поднимаю глаза. Я даже не пытаюсь скрыть свои страх и боль. Пусть доктор Ратледж увидит.

Я вижу, как расширяются ее зрачки, когда она видит все это.

Мою тьму.

Мое бессилие.

Мою боль.

Мое унижение.

Она отпускает мои руки. Они падают тяжело, словно гири. Она обходит стол, кладет на него ладони, сгорбившись застывает на месте и на миг закрывает глаза.

Мы обе молчим. Я качаюсь взад-вперед у стены, она беспомощно смотрит в свой стол. Но затем поднимает голову и смотрит на меня. Передо мной больше не врач. Передо мной просто человек. Со своими недостатками. Со шрамами.

– Знаешь, почему я стала психиатром?

Я тупо смотрю на нее и вытираю щеки тыльной стороной ладоней.

– Почему? – неохотно спрашиваю я.

– Меня всегда зачаровывал человеческий разум. То, как мы воспринимаем вещи. Как мы себя чувствуем. Как выражаем эмоции, – признается она.

Пока что она меня не впечатлила.

– В ординатуре я поняла, что, возможно, за моим решением посвятить себя психиатрии стоит нечто большее.

Я не понимаю, куда она клонит. Но точно знаю, что таких разговоров между врачом и пациентом никогда не бывает. Врачи задают вопросы и ожидают ответов на них. Они никогда не раскрываются, не рассказывают о

себе ничего личного.

Я медленно встаю.

– Что вы имеете в виду?

– У меня есть родственники, которые боролись с психическими заболеваниями. Мое увлечение психиатрией идет оттуда. Я хотела выяснить, откуда взялась их боль. Почему они не могут стряхнуть постоянно окружающую их тьму?

Доктор Ратледж вздыхает.

Вряд ли теперь работа дается ей легко, как раньше. За ее словами я вижу боль и печаль. Значит, и в ее прошлом есть темнота.

Я опускаю глаза и рассматриваю вены на тыльной стороне ладони.

– Вы нашли ответ?

– Иногда я думаю, что да, – осторожно говорит она. – Но потом читаю что-то новое или начинаю беседовать с новым пациентом и понимаю, что пытаюсь решить невозможное. У нас никогда не будет надежного ответа. Все по-разному чувствуют, думают, любят и выражают себя. Полагаю, именно поэтому мир все еще вращается.

Я думаю о Лане. Она в ванной, смотрит на свое отражение в зеркале. Она сдалась. Она устала от всей этой боли. Я стою в дверях, прошу ее не сдаваться, но она не желает меня слушать.

По моей коже ползут мурашки. Я изо всех сил стараюсь прогнать эту картинку.

Доктор Ратледж переплетает пальцы и глубоко вздыхает. Я понимаю: время исповеди прошло, и она вернулась к своей обычной роли.

– Я не доктор Вудс. Когда ты говоришь, я тебя слушаю. Я тебе верю. Но мне нужно, чтобы и ты доверяла и открылась мне. Хорошо?

Я знаю, почему она снова ведет себя как врач, но уже скучаю по другой стороне доктора Ратледж. Когда она говорила со мной, мое унижение ослабевало. Я не чувствовала себя неудачницей, которая не в состоянии контролировать собственные мозги. Где-то во время нашего разговора проклюнулось крошечное зерно доверия. Едва заметное, но, по крайней мере, это уже что-то.

– Хорошо, – говорю я.

– Я знаю, что это нелегко для тебя. Просто помни: даже в самых чистых душах поселяется тьма. Ее подчас трудно заметить. Возможно, они овладели искусством скрывать ее от мира. Или же она прячется в самом темном закоулке их сознания. Но она там. Никто в этом мире не свободен от шрамов.

Мои плечи расслабляются. Я киваю. Что уже неплохо.

– Я лишь хочу, чтобы ты рассказала мне свою историю так, как сочтешь нужным. Так, как, по-твоему, это будет лучше всего.

Я делаю глубокий очищающий вдох. Сказать, что я только-только начала рассказывать мою историю, – значит ничего не сказать. Я еще даже не поцарапала ее поверхность.

– Я сказала Лане, что нам лучше пожить в моем доме. Что там она будет в безопасности...

11. Легкого выхода нет

– Мы должны вытащить тебя отсюда, – прошептала я.

Хотя в сарае мы были только вдвоем, я по-прежнему чувствовала страх. Боялась, что ее отец услышит меня и вернется. Я хотела использовать время, которое у нас еще оставалось, чтобы как можно скорее уйти отсюда.

Но Лана даже не пошелохнулась. Безучастно уставившись в землю, она потирала красные пятна на шее. Сомневаюсь, что она понимала, что делает.

Я осторожно положила руку ей на плечо и кивнула в сторону открытых дверей.

– Ты меня слышала? Нам нужно идти.

Лана отпрянула от меня.

– Нет.

Я разинула рот.

– Ты серьезно?

Она встала на дрожащих ногах и отрянула с ног землю и сено.

– Я не могу, – пробормотала она.

Я хотела схватить ее за плечи, хотела заставить меня выслушать, но она вела себя как раненое животное. Готовая убежать от меня в любую секунду.

Тогда я сменила тактику и сделала крошечный шаг вперед.

– Я знаю, что тебе страшно, но ты должна выбраться отсюда. Я помогу тебе. Куда ты хочешь пойти? Ты можешь пойти куда угодно.

– Я хочу пойти в свою комнату. И лечь спать.

– Ты не можешь пойти туда.

Она шагнула мимо меня и, к моему удивлению, взялась за уборку. Веревки, до этого висевшие на стене, в беспорядке валялись на земле. Одна была готова сползти со стены и, словно маятник, качалась взад-вперед. Седло упало в большое ведро воды. Стоявшие вдоль стены ведра были опрокинуты, лошадиный корм рассыпан по полу.

Лана принялась за работу. Быстро и уверенно она двигалась от одной стороны сарая к другой. Когда она наклонилась к стоящим справа ведрам, я бросилась к ней.

– Стоп. – Я вырвала у нее ручку ведра. – Лана, что ты делаешь?

Она выпрямилась, отпустила ручку и перешла к следующему ведру.

– Я не могу лечь спать, зная, что в сарае все вверх дном.

Не стала ли я соучастницей преступления, позволив ей навести здесь порядок? Лично мне так казалось. С другой стороны, откуда мне было знать, как следует поступать в подобной ситуации. Мне словно глаза завязали. Я двигалась вперед, но крайне медленно, надеясь, что делаю каждый шаг в правильном направлении. Самым худшим мне казалось то, что чем дольше она убиралась, тем больше румянца возвращалось к ее щекам. Ее дыхание успокоилось, слезы высохли.

Мой желудок словно стянуло узлом. Со смесью отвращения и страха я поняла: это помогает ей почувствовать себя хорошо. Уничтожение улики она считала обычным занятием.

Лана не остановилась, пока каждая вещь не вернулась на свое законное место. После чего она отряхнула руки и оглядела конюшню.

– Я устала, – объявила она.

Неужели я прямо сейчас сплю? Не иначе. Потому что такое не может быть явью. Я заморгала. Ресницы коснулись моей кожи, но Лана все еще стояла передо мной. С тем же пустым выражением лица.

– Не ходи туда, – прошептала я.

Она пристально посмотрела на меня.

– Ты ведь все равно останешься здесь, не так ли? – спросила она.

Я тряхнула головой.

– Разве у меня есть выбор?

– У тебя тысяча вариантов.

– И ни один из них не предполагает оставить тебя здесь, – ответила я. – Как я могу делать вид, будто ничего не видела?

Она вышла из сарая, но в самый последний миг я услышала:

– Так будет лучше ради тебя самой.

Я окаменела. Я была слишком потрясена, чтобы двигаться. Дышать. Говорить.

Теоретически я должна была оставаться там до конца лета. Но как я могла вернуться в этот дом, зная, чему стала свидетельницей? И как могла не остаться там, зная, что моя подруга нуждается во мне? Я на секунду закрыла глаза и поплелась следом за Ланой. Наконец, я догнала ее, и мы вместе подошли к задней двери дома. Она открыла дверь, петли скрипнули. Клянусь, их скрип словно предупреждал меня не входить туда.

Меня терзали сомнения. В течение многих лет я считала этот дом родным. Я с радостью входила в его двери и выходила из них. Но сегодня все стало иначе.

Я шагнула внутрь, готовая к тому, что отец Ланы набросится на нас,

но, как и в большинстве домов в ночное время, все было тихо. Вот только тишина эта показалась мне зловещей, жуткой. В кухне гудел холодильник, кондиционер гнал в вентиляционные отверстия холодный воздух. От страха я была готова выпрыгнуть из собственной кожи.

Ни я, ни она не проронили ни слова, пока шли по коридору к лестнице. Рядом с лестницей находилась парадная гостиная, освещенная единственной включенной лампой. Комната была отделана в цвете слоновой кости. На камине выстроились рамки с семейными фотографиями. На одной из них была Лана в одиннадцать лет. С робкой улыбкой она посмотрела прямо в объектив. Эту робкую улыбку я видела на ее лице не раз. И всегда относилась к ней на счет застенчивости подруги. Но теперь я поняла: эта улыбка была такой не потому, что она стеснялась, а потому, что была осторожна. Напугана.

Я как можно тише попыталась подняться по ступеням, но как я ни старалась, те предательски скрипели подо мной. Чего не сказать про Лану. Она двигалась так тихо, словно скользила по воздуху.

Спальня ее родителей располагалась в самом конце коридора. Дверь закрыта. Ее отец был всего в нескольких шагах от нас. Я заставила себя не смотреть на ту дверь. Потому что, задержись мой взгляд на ее гладкой поверхности секундой дольше, дверь превратилась бы в экран, на котором я увидела бы то, что какое-то время назад делал ее отец. Поэтому я крепко зажмурилась и вошла в комнату Ланы.

Я закрыла за собой дверь. Мне с трудом верилось, что я решила остаться здесь.

Лана включила на прикроватной тумбочке лампу. Сложив на груди руки, я критическим взглядом обвела комнату, пытаясь найти хоть что-нибудь, что привлекло бы мое внимание.

Что-то, что было бы не так.

Но все выглядело как обычно. Как всегда.

В углу стоял комод. Рядом с платяным шкафом зеркало в полный рост в светлой раме. Ее кровать застелена светло-серым покрывалом.

И вот теперь, глядя на ее комнату свежим взглядом, я поняла: это не спальня. Это декорация спальни. Задуманная таким образом, чтобы каждый, кто приходил в этот дом и видел ее комнату, думал, что Лана жуткая аккуратистка и зациклена на порядке.

Она могла схватить свою зубную щетку и сумочку и уйти, и никто бы не догадался, что когда-то она жила здесь.

Интересно, сколько раз она убирала в своей комнате, как в том сарае? При этой мысли я вздрогнула.

Лана обошла комнату, открывая и закрывая ящики. Прижав к груди сложенную пижаму, она тихо прошла в смежную со спальней ванную и закрыла за собой дверь. Через несколько секунд зашумел душ.

Я закрыла глаза и прислонилась головой к двери. Мои пальцы машинально попытались нащупать дверной замок. Но не нашли его.

Я наклонилась и осмотрела дверную ручку. Замка не было.

– Сукин сын, – прошептала я.

Я выпрямилась и прижала ладони к животу. Мне было муторно. Я должна была бежать отсюда, но я не могла бросить Лану. Вскоре Лана вышла из ванной, вслед за ней тянулся шлейф пара. На ее пижамных штанах были розовые овечки. Сверху – просторная белая футболка, размера на три больше. Для того, что с ней произошло, она выглядела такой маленькой, такой хрупкой. Как только она не сломалась?

Я прикусила щеку изнутри, чтобы не расплакаться.

Лана сняла с кровати декоративные подушки и швырнула их в угол. Я отошла от двери. Мои пальцы скользнули по ее компьютерному столу.

Она легла в кровать и потянулась к лампе. Но прежде чем выключить ее, посмотрела на меня.

– Спокойной ночи, – сказала она мне и выключила свет.

Я слышала, как шуршат простыни, пока она устраивалась поудобнее.

– Спокойной ночи, – прошептала я в ответ.

Вот так она собиралась закончить вечер.

Без слез.

Без эмоций.

Без чего бы то ни было.

Я лежала на спине. Каждая мышца в моем теле напряглась до предела. Я боялась расслабиться. Боялась пошевелиться. Или даже дышать. Поэтому я наблюдала, как надо мной медленно вращаются лопасти потолочного вентилятора. Я пыталась сосредоточиться на приятных вещах. Хороших вещах. Вентилятор напомнил мне колесо обозрения. Я представила ярмарку нашего штата. Обычно из всех трех летних месяцев ярмарка всегда начиналась в самый жаркий день. Я представила себе жирную пищу, веселый визг и смех, гул разговоров.

Я прищурилась и сделала все, чтобы эта картинка продолжилась. Но, как назло, в моей голове всплыли воспоминания о Лане и мне, когда нам было по тринадцать. Мы стояли в очереди на колесо обозрения. Она огромными глазами смотрела на аттракцион. Очередь начала двигаться. Я подтолкнула ее вперед. Она повернулась и испуганно посмотрела на меня.

– Я не пойду.

Она вышла из очереди и встала в сторонке. Я села в кабинку одна. Когда я достигла самого верха, я посмотрела на нее сверху вниз. Она все еще стояла там, все с тем же отстраненным выражением лица.

– Ну как? – спросила она, когда я сошла на землю.

Никак. Я была слишком занята тем, что следила за Ланой, чтобы с ней ничего не случилось. Я пожала плечами и сказала ей, что все было классно. Я выбросила из головы ее отказ прокатиться, и мы направились к другому аттракциону. Но теперь я поняла: Лане не нужно контролировать свою жизнь. Ей просто нужно быть готовой ко всему, что с ней может случиться. Мне не спалось. Я слышала, как в ванной капает вода, как поскрипывает дом. Я изо всех сил старалась не обращать внимания на эти звуки. Мои глаза невольно скользнули к двери. Но я тотчас отвела взгляд, сжав сильнее простыни.

Дыхание Ланы сделалось ровнее. Я повернулась и посмотрела на ее затылок. Знала ли я ту, кого называла своей лучшей подругой?

Раньше я думала, что да.

Я знала, что она не умеет танцевать. Что она любила фильмы, потому что в них через пару часов обычно гарантирован счастливый конец. Небесно-голубой был ее любимым цветом, она любила просыпаться рано, чтобы полюбоваться восходом, и ненавидела дождливые дни.

Я думала, что все это – часть ее истории. Но я ошибалась. Все эти вещи были лишь знаком препинания – началом того, кем она была на самом деле.

– Лан? – прошептала я.

Я не надеялась услышать ее ответ. Я просто должна была чем-то занять свои мысли.

Несколько минут царило молчание. Но затем простыни зашуршали, и ее хриловатый голос ответил:

– Да?

Я знала: ей не хочется говорить об этом. Но в моей груди пульсировала такая глубокая, такая сильная боль. Она не оставит меня, пока я не поговорю с ней.

– Как давно это продолжается? – прошептала я.

Я слышала, как она сглотнула.

– С тех пор, как мне исполнилось десять лет.

Ее слова эхом отозвались по комнате, забирая с собой воздух вокруг меня. Я почувствовала, что задыхаюсь.

– Кто-нибудь знает?

– Только моя мать. – Она сказала это так небрежно, словно мы с ней

болтали о том, что ели на ужин.

– И она ничего не сделала? – прошептала я.

– Это стало бы позором для семьи, – прошептала Лана в ответ. – Поэтому она замечает все под ковер и делает вид, будто ничего не произошло.

Я потеряла дар речи. Когда вы смотрите на мать Ланы, вы видите высокие каблукы, жемчуг и губную помаду. Она всегда идеально причесана и ухожена. Как будто перенеслась сюда из эпохи Домохозяйки Сьюзи.

Очень быстро я поняла, что этот образ – наваждение, трюк фокусника. Как только туман начал рассеиваться, моим глазам предстала правда.

У меня не было слов. По крайней мере, способных стереть то, что случилось.

– Мне очень жаль, – сказала я в полном отчаянии.

Всего три простых слова. Но сказанные правильно, с искренностью и состраданием, они способны исцелить душу.

С кровати Ланы донесся сдавленный стон. Наверно, так стонет умирающее животное. Слышать его оказалось выше моих сил. К глазам мгновенно подкатились слезы, все вокруг поплыло.

Я не стала обнимать ее и больше не донимала вопросами. Я просто лежала с ней рядом и не мешала ей выплакаться. Через несколько минут ее рыдания сменились икотой, а затем шмыганьем. Она повернулась на спину и вместе со мной посмотрела на потолок.

– Я не вернусь в колледж, – объявила она.

Я печально посмотрела на нее. Я хотела ужаснуться и спросить почему, но не смогла. Мое сердце застряло в горле.

– Это не мое, – продолжила она. – Это была суцая пытка. Я пыталась найти друзей, но не знала как. Не знала, как сделать так, чтобы все эти пустячные разговоры переросли в дружбу. Я пыталась учиться, но не могла сосредоточиться. Во время занятий у меня случались приступы паники, и скоро я вообще перестала ходить на занятия.

Тыльной стороной ладони Лана смахнула слезы.

– Я осталась в колледже, пыталась убедить себя, что постепенно все наладится. Я заперлась в своей квартире и... – ее голос дрогнул. – Мне казалось, что я схожу с ума. Что у меня просто нет других вариантов. Я всю свою жизнь планировала убежать из этого дома. Поступить в колледж, начать собственную жизнь. Но знать, что этого никогда не произойдет, что у меня это никогда не получится... это убивало меня больше всего на свете.

Мой мозг трещал по швам от того, что она рассказывала.

– Я думала, колледж пойдет тебе на пользу. Я... я разговаривала с

тобой каждый день, и на первый взгляд у тебя все было нормально.

– Я хотела, чтобы ты думала, что у меня все нормально, – ответила Лана.

Я покачала головой, мои волосы прошуршали по подушке. Я не знала, что сказать. Впервые в жизни я была в полной растерянности.

* * *

В конце концов Лана уснула.

Прежде чем сделать то, что сделала, я дождалась раннего утра. Наверно, я могла бы поспать и подольше, но птицы уже начали чирикать за окном. Как глупо это бы ни звучало, но их щебетание успокаивало. Было приятно знать, что какое-то другое существо уже встало.

А потом я почувствовала, как на мое лицо упал ослепительный свет.

Я приоткрыла один глаз и тотчас поморщилась. Слепящим светом было дурацкое солнце, нагло лившееся в окно.

Я же была не в том настроении, чтобы радоваться ясному небу и всему, что принято называть «счастливыми летними деньками». Я хотела пойти домой, опустить в своей комнате жалюзи и впасть в спячку, пока это воспоминание не превратится в смутную, далекую мысль.

Я мечтала выбрать легкий выход.

Я села и вытянула шею. Я посмотрела на свое тело. Похоже, ночью я переделалась в пижаму. Мои волосы спутались, глаза все еще были тяжелыми от сна. Мне не нужно было зеркало, чтобы знать, что я выгляжу как кусок дерьма.

Впрочем, меня меньше всего беспокоило то, как я выгляжу.

Я посмотрела на Лану.

Она сидела на подоконнике. Яркий свет, казалось, ничуть ей не мешал. Я так и видела, как она думает про себя, что если она впитает достаточно света, то, может быть – может быть, – вся тьма в ее жизни исчезнет.

Я прочистила горло.

Она резко обернулась в мою сторону и улыбнулась робкой улыбкой.

– Доброе утро.

Я лишь проворчала ответное приветствие.

– Который час? – спросила я.

– Восемь.

Я потерла глаза. Понятия не имею, как я вообще что-то соображала.

– Я не хотела тебя будить.

– Ничего, все в порядке. Пора вставать.

Она скрестила руки и опустила ноги на ковер.

– Хочешь позавтракать? – предложила она.

Я пристально посмотрела на нее.

– Нет, я не голодна.

– Ты уверена? Потому что я чувствую запах яичницы и бекона и знаю, что ты большая любительница жареных яиц. Или мы могли бы приготовить что-то еще, – пробормотала она. – Как насчет французских тостов? Ты любишь французские тосты?

Она сошла с ума, если надеется, что я пойду вниз, чтобы позавтракать, рискуя при этом наткнуться на ее родителей.

– Лан.

– Да? – бодро отозвалась она.

Прежде чем уснуть, я все спланировала. Я собиралась поговорить с ней о том, что ей следует уйти от отца, как бы она ни боялась. Но, увидев ее несчастное лицо, передумала.

Я сглотнула и, нацепив на лицо фальшивую улыбку, сказала:

– Пойдем, поваляемся у бассейна.

– А это идея, – сказала она, вздохнув с видимым облегчением.

Я была согласна притворяться несколько часов. Даже целый день.

Потому что это было ради нее.

12. Эффект ряби

Через час я устала притворяться.

Стараясь не столкнуться с ее родителями, я на цыпочках прошла через весь дом. Ее отец уже уехал на работу, и когда я спустилась вниз, ее мать уже выходила за дверь.

Меня никто не видел... пока. Но вряд ли я смогу избегать их в течение всего лета. Если я намерена остаться здесь, я должна научиться сдерживать свой гнев. Я должна решить, как мне вести себя с отцом Ланы. Увы, я просто не знала, насколько это возможно.

Бассейн был в нескольких шагах от нас, вода в нем – чистая и прозрачная, как небо. В воздухе витал запах свежескошенной травы. Радио мурлыкало какую-то песню, и Лана в такт ей постукивала ногой по стулу.

Мы лежали там, на солнцепеке. Моя шея начинала блестеть капельками пота. Я была почти уверена, что если протянуть перед собой руку, то она задрожит от зноя, а потом начнет медленно таять.

Вскоре меня начало охватывать беспокойство. Молчание между нами затягивалось, а в моей голове роилось слишком много мыслей.

– Мы должны что-то придумать, – сказала я.

– Мы уже что-то придумали. Мы лежим у бассейна, – устало возразила Лана.

– Нет. Я имею в виду что-то веселое, например путешествие.

Я знала, что Ланой управляет страх, но, если превратить ее уход из дома в веселый отпуск, вдруг она согласится? Это был выстрел наугад, но единственное решение, что в данный момент пришло мне в голову.

Она подставила солнцу щеку и посмотрела на меня.

– Что?

– Да! – весело воскликнула я. – Мы могли бы поехать в Калифорнию. Вместо того чтобы лежать у бассейна... у нас был бы океан и песок под ногами!

Чем больше я думала об этом, тем сильнее проникалась своей идеей. Но Лана в мгновение ока остудила мой пыл.

– Почему нет? Сейчас лето. В нашем возрасте молодежь поступает так сплошь и рядом.

Она в упор посмотрела на меня, но не сказала ни слова. Мы с ней были одногодками. Это должно быть видно по нашим глазам. Но по ее глазам могло показаться, что она прожила целую жизнь, наполненную

тьмой, а не светом; слезами, а не улыбками; жестокостью, а не радостью.

– Ты обещала не говорить об этом.

Я напрягла плечи.

– А я и не говорю.

Лана опустила на глаза солнцезащитные очки.

– Как давно мы знаем друг друга?

– Десять лет.

– Да. Десять лет. И все эти десять лет я держала это в секрете. Знаешь почему? – Она наклонилась, не давая мне возможности ответить. – Потому что я хотела защитить тебя.

Но в защите нуждалась сама Лана, а вовсе не я. Со мной все было в порядке. Я посмотрела на нее, не зная, что ей сказать.

– Наоми, – медленно сказала она. – Я знала, что для тебя это будет слишком. Ты вряд ли справишься с этим сейчас.

– А ты справишься?

Лана пожала плечами.

– Это все, что я знаю.

Она принимала свою боль яростно. Так, что это шло ей только во вред. Ее мысли, мечты и страхи были сотканы и созданы ее прошлым.

– И это все? – спрашиваю я. – Ты намерена жить с этой болью всю оставшуюся жизнь?

Лана поерзала.

– Может, прекратим этот разговор, пожалуйста?

Возьмись я настаивать дальше, она того гляди даст стрекача, и я испорчу все еще больше.

– Хорошо, – сказала я. – Давай пока прекратим.

Она улыбнулась мне и поправила полотенце. И прежде чем снова лечь, посмотрела на меня. Ее улыбки как не бывало.

– Ты ведь никому не скажешь, правда?

Я отвернулась.

– Наоми, – тихо произнесла она мое имя, – только не говори никому.

* * *

Позже в тот же день Лана уснула в своей комнате. Я оставила ее, а сама спустилась вниз. По идее устать должна была я, но в моих жилах бурлил адреналин. Рано или поздно я рухну без сил и вырублюсь, но не сейчас.

Я только что говорила по телефону с Максом. Он скоро приедет сюда. Я видела его всего несколько часов назад, но казалось, что наше свидание и поцелуи случились за несколько недель до этого. Я была настолько поглощена Ланой, что у меня не было возможности вспомнить о нем... или о нас.

Хотелось ли мне провести лето вместе с ним? Сказав «да», я не покривила бы душой. Даже сейчас мне этого хотелось бы. И все же ситуация с Ланой изменила все. Я не видела для себя возможности объединить их обоих в моей жизни. Лана была моей лучшей подругой – я бы даже сказала, сестрой. Макс... он был чем-то особенным. Всякий раз, стоило мне подумать о нем, как мое сердце напрягалось и делало сальто. И быть чем-то особенным означало, что рано или поздно он узнает про Лану. Потому что такое невозможно спрятать.

Я села за компьютерный стол. Прежде чем выйти из комнаты, я прихватила ее ноутбук. Кликнула на значок Интернета и стала ждать, когда загрузится Гугл-поиск. Пока страница загружалась, я нервно грызла ноготь. Стоило ей открыться, как мое сердце бешено забилося. Я испугалась и занервничала, спрашивая себя, зачем мне это.

Прежде чем успела отговорить себя от этой затеи, я вбила в поисковик слова «сенатор США от Виргинии». В поисковой строке мгновенно высветился отец Ланы, жирным черным шрифтом. Я нажала на «поиск» и дождалась загрузки страницы. Я знала, что могу быть спокойна. Здесь не было никого, кроме Ланы, но все равно я то и дело оглядывалась через плечо, не в силах побороть паранойю.

Появился целый десяток разных сайтов. Его личный сайт и страница в Википедии. Даже гребаная страничка в «Фейсбуке».

Но сайты я высокомерно оставила без внимания. Сначала я щелкнула мышкой по фотографии. В основном это были фотоснимки ее отца в разных ракурсах, когда он выступал перед толпой и перед ним стояли десятки микрофонов. На одном фото он шагал по улице Маклина вместе с каким-то человеком. Отец Ланы указывал на что-то вдали, а безымянный мужчина был этим явно впечатлен.

В общем, его имя оказалось ничем не запятнано. Его репутация была чиста до блеска.

Чего я действительно ожидала? Один быстрый поиск в Интернете, и у меня появится ответ на все мои проблемы? Ведь если честно, Нэнси Дрю из меня никакая. Никудышный из меня сыщик.

Я открыла новую вкладку и набрала слово «изнасилование». Мой живот тотчас скрутило узлом. Я не была дурочкой. Я знала, что стоит за

этим словом. Я просто не знала, как справиться с тем, что было потом. Я не знала, что мне думать, и всю вторую половину дня чувствовала себя подавленной и растерянной, как никогда. Я подперла подбородок ладонью. Барабанила пальцами по нижней губе, я быстро прокрутила страницу вниз.

– Что ты там смотришь?

Я резко повернулась и, едва не упав со стула, больно ударилась спиной о стол.

Позади меня стоял Макс. Руки сложены на груди, брови насуплены, взгляд устремлен на экран.

– Ты напугал меня до смерти! – ахнула я.

– Извини, – сказал Макс, помогая мне встать. Но он не извинялся. Его голос звучал твердо, без единой нотки раскаяния. – Почему ты на меня так смотришь?

– Как, черт возьми, ты попал сюда?

– Я постучал в дверь. Никто не ответил.

– И ты вошел?

– Я знал, что ты здесь, увидел на подъездной дорожке твою машину. – Макс нахмурился. – Я сказал тебе по телефону, что приеду сразу после встречи. Помнишь?

– Помню.

Если честно, я совсем забыла.

Макс испытующе посмотрел на меня.

– Я не думал, что помешаю тебе. – Он заглянул через мое плечо на экран. – Очевидно, я ошибался.

Я завела руку за спину и захлопнула ноутбук.

– Так, всякая ерунда.

– Ерунда?

– Да.

– То, что ты гуглила в Интернете, я бы не назвал словом «ерунда».

Я встала и прошла мимо него.

– Я не знаю, что тебе сказать.

– Наоми, – сказал Макс у меня за спиной. Его голос буквально прорезал воздух. Я тотчас напрягла плечи.

Я сглотнула и посмотрела на потолок. Я обещала Лане никому ничего не говорить. Макс стоял напротив и буквально сверлил меня глазами. Я знала: он не уйдет, пока не узнает правду.

– Как прошел день? – нарочито бодро спросила я. Макс не ответил, и я продолжила трепаться, словно этого не заметила. – На работе все нормально? У меня был замечательный день, – нервно сказала я. – Просто

сидела у бассейна, а теперь Ла...

– Наоми, – резко прервал он меня, – скажи мне, что происходит.

Я облизнула губы и выдохнула. Открыла было рот и снова закрыла. Нет, я ничего не скажу. Слова были уже готовы сорваться с кончика моего языка, но перед моим мысленным взором возникло лицо Ланы, когда она умоляла меня никому ничего не говорить. Я видела ее боль, ее унижение.

Макс скрестил на груди руки и задумчиво уставился на стол.

– Поскольку ты не хочешь ничего говорить, я сделаю предположение. Сам. Ты не против?

Я кивнула.

– Я видел, что ты искала. Оба раза. И возможно, я действительно вижу то, чего нет. Возможно, это ерунда. А может...

Поймав мой невеселый взгляд, он замолчал. Я хотела сказать ему, что он ошибается, но не смогла.

– Майкл? – Он открыл рот и снова закрыл его. Я ждала, что он скажет дальше, но он больше ничего не сказал.

Я кивнула. Это был мой единственный ответ на его вопрос.

Он закрыл глаза.

– Черт, – прошептал он.

Я посмотрела на него и ощутила в груди тупую боль.

Он шагнул вперед и протянул руки, чтобы обнять меня, но я отстранилась. Я не хотела, чтобы он меня обнимал. А все потому, что я была зла на себя за то, что проявила беспечность, и теперь он тоже это знает. Я предала Лану.

По лицу Макса промелькнуло обиженное выражение. Я хотела шагнуть к нему в объятия, просто чтобы загладить обиду.

Но он принялся расхаживать взад-вперед, упершись руками в бока и уставившись в пол. Он с такой силой стиснул зубы, что я испугалось, что он сломает себе челюсть. Я не проронила ни слова.

Чем дольше мы стояли, ничего не говоря, тем быстрее Макс менялся. Его брови сомкнулись над переносицей, взгляд стал холодным. Он явно начинал злиться. Я отлично его понимала. Чего я не ожидала, так это что он разозлится так сильно. Его ярость была столь велика, что исходила от него волнами, укутывая нас обоих.

Он положил руки на кухонную стойку и на секунду ссутулился. Затем вновь распрямился. И, крепко сжимая между пальцами пряди, обеими руками пригладил волосы.

– Твою мать!.. – взорвался он.

Я вздрогнула. Он резко повернулся в мою сторону и, слегка склонив

голову набок, несколько раз моргнул. Словно забыл, что я здесь.

Я ждала его вопросов. Потому что они у него были. Я поняла это по его взгляду. Но он не сказал ни слова. Лишь молча подошел ко мне. Он провел руками по моим волосам, и мое тело начала бить дрожь. Я бессильно опустила голову ему на грудь. Я слушала мерные удары его сердца, и по моим щекам текли слезы.

Мы стояли молча, оба погруженные в свои мысли. Он пытался переварить то, что я только что ему сказала. Я же тряслась от страха. Теперь, когда он все знает, как он поступит?

Макс осторожно отстранился от меня. На первый взгляд он был спокоен, но я видела столько злости в его глазах.

Ничего не говоря, он выхватил из кармана ключи от машины.

– Оставайся здесь, – сказал он очень тихо, затем повернулся и вышел.

Всего за несколько секунд дела пошли от просто плохих к самым худшим.

Я увязалась за ним.

– Ты куда? – спросила я с тревогой в голосе.

– Хочу кое-чем заняться.

Мое сердце словно провалилось куда-то в самый низ живота.

– Стой!

Макс уже взялся за дверную ручку. Дверь открылась. Я подбежала к нему сзади и захлопнула ее. В комнате слышалось лишь наше надрывное дыхание.

– Я просто пойду поговорю с ним. – Он постучал по двери.

Я почти не сомневалась: он с удовольствием колотил бы по твердому дубу, пока весь его гнев не испарился бы, оставив дверь свисать с петель. Если честно, я бы предпочла это, чем позволила ему уйти прямо сейчас.

– Нет, никуда ты не пойдешь.

Он закрыл глаза и усмехнулся, но его смех больше походил на стон.

– Почему ты не хочешь, чтобы я это сделал?

– Потому что лучше не надо.

– Кто-то ведь должен что-то сделать!

– Только не ты. Тебе лучше в это не ввязываться. – Макс удивленно уставился на меня. Я бросилась к нему. – Прощу тебя, подумай, – умоляла я. – Ты собираешься пойти и сделать что-то такое, о чем потом пожалеешь.

– Могу пообещать тебе, что ни о чем не пожалею.

– У тебя ничего не получится, и ты это прекрасно знаешь.

Макс отвел глаза. Он знал, что я права.

Я прислонилась к стене.

– Мне кажется, – медленно произнесла я, – что тебе стоит просто сделать глубокий вдох и хорошенько подумать.

– Ты боишься.

Он понятия не имел, как мне было страшно. Я посмотрела мимо Макса, куда-то далеко-далеко, и увидела, как Лана прижимает колени к груди и рыдает в сарае. Я кивнула.

– Да.

Он закрыл глаза, и, когда снова открыл, часть его гнева испарилась.

– Подойди сюда.

Я оттолкнулась от стены. Он заключил меня в объятия, крепко прижал к себе и поцеловал в макушку. Я закрыла глаза.

– Я не стану говорить с Майклом сегодня, – сказал он, уткнувшись носом мне в волосы. – Но я непременно поговорю с ним.

Именно этого я и боялась.

Я вздохнула и отстранилась. Часть его гнева испарилась, но его глаза все еще горели решимостью. Возможно, я остановила его сегодня, но завтра будет совсем другая история.

– Ты сможешь пойти со мной завтра вечером?

Макс растерянно уставился на меня, застигнутый врасплох моим вопросом.

– На вечеринку, – уточнила я. – Я хочу, чтобы ты пошел со мной. Я еще несколько месяцев назад сказала родителям, что пойду на нее.

– Я буду там, – пообещал Макс.

– Отлично, – сказала я с облегчением и пожевала нижнюю губу, зная, что должна сказать ему все остальное. – Но... там будет он.

В считанные секунды его глаза вновь вспыхнули гневом. Мы оба знали, кто этот «он».

– Он тоже там будет? – уточнил Макс.

– Да, – подтвердила я.

– И ты на нее тоже пойдешь? – мрачно спросил он.

Я кивнула.

– Могу я надеяться, что ты... не станешь ничего делать? – осторожно спросила я.

– Да, можешь, – резко ответил Макс. Его губы сжались в гримасу, словно слово «да», доставило ему физическую боль.

– Даже не знаю, могу ли я тебе верить.

Я знала, что не могу бесконечно избегать отца Ланы. Рано или поздно мы увидимся. Это было неизбежно. Одна часть меня хотела его увидеть. Я буквально умирала, не в силах дожидаться того мгновения, когда смогу

посмотреть ему прямо в глаза и сказать ему, что знаю все, что он делал. Другая же моя часть была в ужасе. Иное дело Макс.

– Ты заставляешь меня нервничать, – сказала я.

– Расслабься, – ответил Макс и улыбнулся. Правда, улыбка эта так и не дошла до его глаз. – Я буду гребаным бойскаутом. Я не стану ничего делать, – пообещал он и направился к двери.

На этот раз я не пыталась его остановить.

Он взялся за дверную ручку и через плечо посмотрел на меня. Наши взгляды встретились. Наверно, мои глаза выдали мою боль, мои тревоги и страх, потому что он вновь подошел ко мне и взял мое лицо в свои ладони. Я откинула голову назад, чтобы заглянуть ему в глаза.

– Все будет хорошо, – прошептал он.

Я кивнула. Что еще я могла сделать? Макс поцеловал меня в лоб и вышел за дверь.

Дверь со щелчком захлопнулась. Я устало привалилась к ней и закрыла глаза.

13. Лестница

Вокруг Макса собралась группа мужчин. Один из них был невообразимо пьяным, невероятно шумным. Он не закрывал рта и жутко раздражал всех.

– ...И знаешь, что я сказал? Я сказал: «Не смейся меня!» – Рука пьяного легла на плечо Макса. – Мой биржевой маклер не будет меня подставлять! У него острый глаз. Куй железо, пока горячо, пока рынок дает тебе заработать! У него чутье на такие вещи. И мой банковский счет благодарен ему за это!

Пьяный трепач рассмеялся, и в мою сторону поплыло воняющее алкоголем облако его смрадного дыхания.

Я все время улыбалась, но, улучив минутку, отвернулась и, соорудив гримасу, сделала глоток вина. Кстати, это был мой третий бокал за вечер. Все мои тревоги и страхи по поводу того, что я увижу отца Ланы, начали отступать. Мы провели здесь больше часа и еще не видели родителей Ланы.

Эта вечеринка стала полной противоположностью той, которую устраивал Макс, настоящий раут в бальном зале. Над нашими головами сияли хрустальные люстры, под ногами блестели отполированные гранитные полы. Мужчины – в смокингах и черных галстуках-бабочках. Женщины – в ярких платьях «от-кутюр». Впрочем, я решила не следовать общему тренду и пришла сюда в белом кашемировом топе с вырезом-каплей и узкой черной юбке до пола.

Смех пьяного стих. Макс плавно отделился от их компании.

– Извините, парни, но я должен вернуться к этому прекрасному созданию, – его рука обвилась вокруг моей талии, – пока кто-то не украл ее у меня.

Когда мы отошли в сторону, я наклонилась к нему и спросила:

– Ты настоящий?

Макс подмигнул мне.

– Настолько, насколько это возможно.

– Клянусь, в этом зале тебя все обожают.

– Они обожают деньги, которые я помогаю им сделать, – ответил он.

– Нет. Ты просто их всех околдовываешь. Я только и слышу хвалы в твой адрес. А женщины смотрят на меня, как на их личного врага номер один, которого следует немедленно казнить.

Макс недоверчиво поднял брови.

– Не веришь мне? Тогда давай я тебе покажу, каким был бы твой вечер, не будь меня здесь, – сказал я.

Я отошла прочь и вновь зашагала в его сторону. Он с улыбкой смотрел на меня, а я коварно улыбалась ему в ответ. Наоми? Кто такая эта Наоми? Я вошла в роль. Я была решительной хищницей на охоте. Я шла вперед – шла уверенным шагом – и наткнулась на его плечо.

Я прикрыла рот и взяла его за руку.

– Ради бога, извините. – Я посмотрела на него телячьими глазами. – Ой! Я знаю, кто вы. Я так много слышала о вас!

Он тут же начал мне подыгрывать. Губы его изогнулись в плотоядной улыбке. Кровь взревела в моих венах.

– И что же вы слышали? – тихо спросил Макс соблазнительным шепотом.

Я понизила голос и ткнула в него пальцем.

– Я слышала, что вы лучшее, что когда-либо было в Маклине. – Еще одна коварная улыбка. – Я слышала, что вы способны потрясти мой мир.

Его глаза полезли на лоб. Он явно смутился.

– У тебя все?

Я повела бровью.

– О, нет, я только начала.

Мы улыбнулись друг другу, и улыбка эта потянула за невидимый, обвившийся вокруг нас шнур, притягивая нас ближе. По моей коже пробежала приятная щекотка.

Макс оглянулся через плечо. Его глаза буквально вылезли из орбит. С губ сорвалось ругательство. Когда такая реакция сулила что-то хорошее?

И хотя мне не хотелось этого делать, я обернулась. Моей улыбки как не бывало. Я увидела родителей Ланы.

– Может, уйдем? – шепнул мне на ухо Макс.

Я испуганно прижалась к нему.

– Нет... нет, давай останемся.

– Ты уверена, что тебе этого хочется?

– Не волнуйся, со мной все будет нормально, – заверила я его.

Макс посмотрел мне в глаза. Он не верил мне. Я и сама себе не поверила. Я буквально окаменела, увидев, как отец Ланы уверенно входит в зал. Он даже перехватил мой взгляд, словно знал, что я гляжу на него, и смотрел на меня на секунду дольше, чем позволяли приличия. По моей коже тотчас побежали мурашки. Я застыла, в ужасе глядя, как он как ни в чем не бывало идет под руку со своей женой.

– Не было печали, – пробормотал Макс.

Родители Ланы стояли перед нами. Мы все застыли, словно шахматные фигуры, ожидая, кто первым сделает следующий ход.

Отец Ланы улыбнулся и протянул Максу руку.

– Рад тебя видеть.

Затем ее отец посмотрел в мою сторону.

– Наоми.

Я заставила себя поздороваться. Он не в курсе, что я знаю. Я напомнила себе, что сейчас все должно оставаться именно так. И я продолжила играть роль гостыи, прекрасно проводящей время. Улыбнулась этому, кивнула тому. Такое поведение давалось мне вовсе не легко. Я так крепко стиснула пальцы у себя за спиной, что в них почти не поступала кровь.

Я представила себе параллельную вселенную, где я могла без усилий покинуть свое тело. Я бы двигалась по толпе, и никто меня не замечал. Встав на безопасном расстоянии от отца Ланы, я бы наблюдала, как он изображает идеального мужа. И в этой параллельной вселенной я бы подняла руку. Указательный палец направлен вперед, большой палец торчит вверх. Это был мой пистолет.

Я бы прицелилась прямо в его каменное сердце. Нажала бы на курок.

Ба-бах!

Как было бы прекрасно, если бы все в нашем воображении становилось реальностью! Отец Ланы в два счета исчез бы с лица Земли. Ее боль прошла бы, и ей открылось бы новое начало. Мы все жили бы долго и счастливо.

Я продолжила рисовать в воображении свою параллельную вселенную. Пока Макс не посмотрел на меня сверху вниз.

Вжик! Бумс!

Я вернулась в реальность.

– Потанцуй со мной, – сказал Макс и, прежде чем я успела ответить, положил мне на плечо руки и заботливо проводил до танцпола.

– Я знаю, что ты делаешь, – сказала я, почти не разжимая губ.

– Тогда просто следуй за мной.

Он обнял меня за талию, привлекая меня поближе к себе, пока мы не оказались на расстоянии волоска друг от друга. Я двигалась в нужном ритме, улыбалась людям вокруг нас, но мое сердце было далеко. Я чувствовала, как холодные глаза отца Ланы следуют за нами по залу. Макс сжал мое бедро. Я подняла глаза.

– Не давай ему испортить тебе вечер, – сказал он.

– Это трудно сделать.

– Где та Наоми, которую я знал раньше? Та, что с искоркой в глазах?

– Прячется, – пробормотала я. – Как любой здравомыслящий человек.

Макс наклонился и шепнул мне на ухо:

– Да на фиг его. Притворись, что его здесь нет.

Это было невозможно. Тем более что в тот момент я услышала его смех. Мои плечи мгновенно напряглись. Во мне закипела ярость. Песня закончилась. Рядом с Максом вновь возник тот пьяный говорун и снова заговорил о чем-то. Рука Макса обвилась вокруг моей талии. Пока они разговаривали, я посмотрела через плечо. Мой взгляд мгновенно выхватил из толпы отца Ланы. Стоя с бокалом в руке, он понемногу отпивал из него и слушал своего собеседника. Но затем тот похлопал его по плечу и ушел. Отец Ланы остался один.

Это был мой шанс. Макс отвлекся, и я могла легко улизнуть от него.

– Пойду возьму бокал вина и тут же вернусь.

Макс кивнул. Я отошла к бару, а затем направилась к отцу Ланы. Его жена стояла ко мне спиной, разговаривая с группой женщин. Размахивая руками, она что-то с жаром рассказывала им.

Я прошла мимо нее, ближе к отцу Ланы. Глаза мне застилала ярость. Мой гнев подмял под себя здравый смысл. Я была готова настичь свою жертву.

Я остановилась с ним рядом. Он повернулся, словно в замедленной съемке. Его губы изогнулись в улыбке, и чем дольше я стояла перед ним, глядя ему в глаза, тем сильнее меня душила злость. Мне было что сказать ему. Во мне накопилось столько ярости, что я не знала с чего начать.

Чем дольше я стояла там, продолжая молчать, тем быстрее гасла его улыбка. Я открыла рот и, сделав глубокий вдох, приготовилась высказать ему все, что думаю о нем. Я хотела, чтобы он знал, что я знаю. Что я все видела и никогда не позволю этому повториться.

– Наоми, – Макс положил руку мне на плечо, лишив меня единственного шанса отчитать отца Ланы. – Уже поздно. Нам пора.

Мое горло сжалось. Легкие тоже. Макс потянул меня за руку. Я хотела оттолкнуть его. Хотела многое ему сказать, но не сказала. Казалось, еще пара секунд, и я грохнусь в обморок. Как будто моя злость на отца Ланы стала столь огромной и всепоглощающей, что мое тело уже не в силах с ней справиться.

Макс плавно провел нас сквозь толпу, то и дело прощаясь с кем-нибудь из гостей. Я все время молчала. У двери я обернулась.

Отец Ланы провожал нас холодным, расчетливым взглядом. В его

извращенном сознании что-то зрело, какой-то план. И я бы солгала, сказав, что не почувствовала страха.

Еще как почувствовала!

Когда мы вышли из зала, я выдернула свою ладонь из руки Макса. Он шумно дышал через нос и даже не пытался снова обнять меня. Мы молчали. Сев в машину, я громко хлопнула дверью.

Макс включил зажигание. В салоне тотчас заорало радио. Передавали какую-то бодрую песенку, которую мне меньше всего хотелось слышать. Словно угадав мои мысли, Макс мгновенно выключил звук. Я смотрела в окно, на многочисленные силуэты, мелькавшие в окнах бального зала. Я была так близко!

Макс повернулся ко мне. Я знала, что он смотрит на меня, ожидая, что я заговорю первой. Пусть даже не надеется. Если нужно, я готова играть с ним в молчанку весь этот гребаный вечер. Наконец он сдался и вырулил с парковки.

В нас обоих клокотал гнев. Он кружился вокруг нас. Из-за него даже воздух сделался густым и тяжелым. Мы должны были что-то сказать... что угодно, лишь бы выпустить его наружу. Но я не могла. В моей голове вертелось слишком много мыслей. И мой разум оказался бессилён удержать хотя бы одну.

Макс сосредоточился на дороге. Убрав руку с руля, он нетерпеливым рывком ослабил галстук. Вдоль улицы тянулись уличные фонари, отбрасывая тускло-желтый свет на лицо Макса. Я хорошо видела, насколько он мрачен. Он вновь стиснул руль обеими руками, а потом первым нарушил молчание.

– Увидев его, честное слово, я был готов его придушить, – признался он и посмотрел на меня. – Вот уж не думал, что мне придется беспокоиться о тебе.

Я смотрела прямо перед собой. Дорога, казалось, тянулась вечно. В течение миллисекунды фары встречных машин высвечивали наши лица, после чего нас вновь поглощала темнота. Я посмотрела в окно и не увидела ничего, кроме черного пейзажа.

Никто из нас до конца поездки не проронил ни слова.

Макс свернул к своему дому и выключил зажигание. Остывающий двигатель медленно тикал, словно часы.

– Как я понимаю, наш сегодняшний вечер окончен? – спросил он.

Мне совсем не хотелось, чтобы вечер закончился именно так. В этом время люди обычно отдыхали, готовились ко сну. Но только не мы. Мы были слишком возбуждены. Заведены до предела. Этакое ходячие бомбы

замедленного действия, готовые вот-вот взорваться. Я вышла из машины.

Я схватила дверную ручку, пристально посмотрела на Макса и захлопнула дверь. Мои каблукки зацокали по земле. Не прошло и секунды, как другая дверь захлопнулась, и я услышала позади себя шаги. Я взбежала по ступенькам крыльца.

Макс схватил меня за руку.

– Подожди.

Я застыла как вкопанная. Он отпустил мою руку.

Слушая треск цикад, я шагами мерила длину крыльца. Наконец я остановилась и положила ладони на перила.

– Я не могу, – сказала я. – Не могу находиться рядом с ним.

– Тогда не нужно.

– Тебе легко говорить! – Я резко повернулась к нему. Наконец мой гнев вырвался на волю. Макс недоуменно посмотрел на меня. В глубине его глаз затаилась обида. – Скажи мне, как с этим бороться, – тихо сказала я.

Скрестив руки, я зябко потерла плечи. Макс молчал. Несколько секунд он задумчиво смотрел на меня, а затем поднялся по ступенькам.

– Я разговаривал с ним, – сказал он.

Я медленно выпрямилась. К этому моменту сердце почти успокоилось. Но теперь вновь начало набирать обороты, готовое выскочить из груди.

– Что? – спросила я.

Он прислонился к перилам, скрестил на груди руки и посмотрел в пол.

– Сегодня он пришел ко мне в офис, и я сказал ему, что знаю все.

– Что? – я могла произнести только это единственное слово.

– Я пообещал тебе вчера, что не стану ничего предпринимать, – напомнил он. – И не сдержал свое обещание.

Я уставилась на него, не веря собственным ушам. Кончики пальцев больно впились мне в кожу.

– Меня тошнит от одной только мысли, что я это знаю и ничего не могу поделать. Поэтому я сорвался, – пояснил Макс. – Сегодня утром у нас с ним была деловая встреча. Он говорил об акциях и деньгах, и все это время я представлял, как протягиваю через стол руку и душу его к чертовой матери.

Я сглотнула, ведь я думала точно так же. Даже более жестко, чем готова была признать.

– Что он сказал? – наконец спросила я.

Макс поджал губы.

– Он все отрицал.

– Он лжет! – крикнула я.

– Думаешь, я не знаю?

– Он сказал что-нибудь еще?

Макс посмотрел на меня. Его лицо казалось каменным.

– Я должна знать, – медленно сказала я.

– Он сказал, что ничего не было. Сказал, что никогда бы не дотронулся до собственной дочери. – Глаза Макса потемнели. – А затем улыбнулся и заявил, что очень надеется, что эти обвинения не повлияют на наши деловые отношения.

От его слов я впала в уныние.

– Почему ты не сказал мне это раньше?

Он прочистил горло и отвернулся. Когда же он вновь посмотрел на меня, его взгляд смягчился.

– Не хотел портить сегодняшний вечер.

– Думаешь, он с тобой что-нибудь сделает? – спросила я.

– Нет, – уверенно сказал Макс. – Не думаю. И не хочу, чтобы ты переживала из-за него.

– А разве такое возможно?

Макс оттолкнулся от перил и встал посреди крыльца.

– Я не хочу, чтобы он испортил нам вечер, – сказал он и вошел. Я шагнула к нему. – Прощу тебя, не обращай на него внимания.

Я вздохнула и послушно кивнула.

– Ведь до их приезда нам было весело, верно? – он словно пытался убедить меня.

Низкий вкрадчивый тембр его голоса и пристальный взгляд сделали свое дело. Моя злость испарилась, на смену ей пришел голод. Кровь ревела под моей кожей. Руки дрожали от рвущегося наружу желания.

Макс вопросительно поднял бровь и подошел ближе. Почувствовав его рядом, я напряглась. По всему телу пробежали мурашки, дыхание сделалось прерывистым.

Последним словом, сорвавшимся с моих губ, стало «да».

И тогда он шагнул ко мне, взял мое лицо в ладони и поцеловал.

Это не было нежным соприкосновением губ. Его поцелуй лишил меня дыхания. И в считанные секунды решил мою судьбу.

Все вокруг расплылось, стало туманным. Посторонние звуки смолкли. Мы были заперты в нашем собственном мире. В мире, из которого мне было не убежать. Впрочем, я и не хотела.

Приподнявшись на носки, я обхватила его руками за шею. Мои пальцы ерошили ему волосы. Мы качнулись назад. Он вжал меня в дверь. Его руки ласкали мое тело, впиваясь в плоть. Затем его пальцы скользнули вверх.

Макс сжал мою шею, удерживая меня на месте. Наши губы и руки работали синхронно.

Я наклонила голову, раскрыла губы и почувствовала, как его язык коснулся моего.

Я сняла с него пиджак. Тот упал к его ногам. Он задрал на мне юбку, и теперь она была обернута вокруг моей талии. Он поднял меня, и мои ноги сами обвили его поясицу.

Я уже расстегивала пуговицы его рубашки, когда он открыл входную дверь и подтолкнул нас внутрь. Я крепко вцепилась в Макса, стараясь, чтобы мои ноги не касались пола.

Дверь захлопнулась.

Я на миг подняла голову. В кабинете, излучая мягкое, теплое сияние, горела лампа. Мы оба тяжело дышали. Я дернула галстук Макса и, стащив через голову, бросила на пол.

Моя ладонь легла ему на подбородок, пальцы скользнули к нижней губе. Макс посмотрел на меня. Я хотела его так, как торчок хочет очередную дозу. Это желание было сильнее меня. Оно отняло у меня власть над собой, которой, как мне казалось, я обладала, и вместо меня контролировало каждое мое действие. Не убирая рук от его лица, я впиалась губами в приоткрытый рот Макса. Он явно был застигнут врасплох, и мне это понравилось. Проведя языком по мягкой коже его губ, я впиалась зубами в нижнюю.

Он простонал в ответ и пошел вперед. Я стянула с него рубашку. Мои руки словно сошли с ума. Они трогали его плечи. Скользили по спине. Мы врезались в стол. Я слышала, как разбилась ваза. Но нас это не остановило.

Лаская друг друга везде, куда только могли дотянуться наши руки, мы поднялись по лестнице. Эта всепоглощающая похоть восхищала меня. Никаких оговорок. Никаких границ. Ничто не мешало нам заняться любовью прямо на лестнице.

Мои пальцы потянулись к пряжке его ремня. Один рывок – и я выдернула ремень из брюк. Тот, звякнув, упал на пол, а моя рука потянулась к молнии. Расстегнув ее, я скользнула рукой ему в «боксеры» и коснулась его члена. И посреди лестницы Макс рухнул на колени.

Я сидела ступенькой выше, что не помешало мне проникнуть в брюки глубже и легкими прикосновениями погладить его член. А потом мои пальцы сомкнулись вокруг него. Макс тяжело задышал. Я усилила хватку. Мягкая кожа была теплой и шелковистой. Я сжала пальцы еще сильнее и переместила руку от основания к кончику. Глаза Макса тотчас подернулись пеленой.

Макс просунул руку мне под спину и обхватил мои ягодицы, прижимая меня ближе. Другая рука скользнула под платье. Его ладони коснулись моих бедер. Кончики пальцев скользили все выше и выше. Дыхание срывалось с моих губ отрывистыми всхлипами. Он посмотрел на меня. Воздух вокруг нас казался наэлектризованным. Пристально глядя мне в глаза, Макс медленно стянул с меня трусики. Я чувствовала, как тонкая ткань скользит вниз по бедрам. Добралась до моих колен. Поползла по икрам, зацепилась за каблук.

Моей кожи коснулся прохладный воздух. Мне следовало чем-то накрыться, но я не стала этого делать. Потому что передо мной был тот, кто смотрел на меня так, словно ради меня готов на все.

Я ощущала себя королевой и не хотела, чтобы это чувство покидало меня.

– Я хочу потрогать тебя вот здесь. – Его палец коснулся моего клитора. Мои ноги дернулись.

Он выхватил из бумажника презерватив и быстро натянул его.

– Но еще больше я хочу быть в тебе. – Его руки опустились на ступеньку выше меня, и внезапно наши глаза оказались на одном уровне. По моим бедрам пробежала дрожь.

– И я буду трахать тебя. И наблюдать за твоим лицом, когда ты будешь выкрикивать мое имя. – Его голос был таким ровным и глубоким, что я могла кончить уже прямо тогда.

Пауза. Пристальный взгляд прямо мне в глаза. Я поняла, что должна подготовиться. Я сжала пальцами перила лестницы.

Он наклонился ближе и сказал, касаясь губами моих губ:

– И ты будешь кричать, любовь моя.

Затем одним быстрым толчком он полностью наполнил меня. Я закрыла глаза и не увидела ничего, кроме ослепительных белых вспышек. Секс с Максом был таким же, как и его поцелуи, быстрым и всепоглощающим. Сделай или умри. Сейчас или никогда.

Мы нашли общий ритм. Он заставил меня закрыть глаза и застонать. Но мне хотелось большего. И я послушно приподнимала бедра навстречу его толчкам. Я впилась каблуками ему в ягодицы, прижимая его к себе с такой силой, что мои глаза были готовы вылезти из орбит. Я видела, как Макс закрыл глаза. Его рот был приоткрыт. Но он не издал ни звука.

Его рука накрыла мою, лежавшую на перилах. С каждой новой волной он сжимал меня все сильнее и крепче.

Теперь он двигался быстрее. Каждый толчок становился сильнее и мощнее предыдущего. Пальцы моих ног сжались. Я сбросила туфли, и те

со стуком полетели с лестницы.

В следующий миг меня накрыла волна оргазма. Он буквально бурлил в моем теле. Моя спина изогнулась дугой, бедра приподнялись. Я взлетала все выше и выше, пока не почувствовала, что парю в небесах. Я была невесома. В моем теле не осталось ни единой косточки. Ничто не удерживало меня на земле.

Это был мир и покой. Неописуемый. Увы, уже в следующий миг я падала обратно на Землю.

Я тяжело уронила руки. Сердце было готово вырваться из моей груди.

Макс кончил сразу после меня. Я коснулась его спины. Его тело на миг напряглось. Грудь вздымалась. Кончики пальцев впились мне в кожу. Мышцы вздыбились. По его телу пробежала судорога. Из горла вырвался сдавленный стон.

Затем его движения замедлились, и он, тяжело дыша, упал на меня.

Мгновение спустя он поднял голову. Никто из нас не проронил ни слова.

14. Выйти за пределы

Я умолкаю.

Воспоминание тускнеет. Я стою, не шелохнувшись, но оно медленно ускользает от меня. Все дальше, дальше, дальше. В конце концов оно превращается в крошечное пятнышко в моей голове, а потом исчезает совсем.

Я судорожно вздыхаю и смотрю в глаза доктору Ратледж. Каждый раз, рассказывая ей свою историю, я переживаю эти моменты. Возвращаться к реальности больно. Мне хочется остаться в моем прошлом, где меня ждал Макс, где рядом со мной была Лана.

Доктор Ратледж с пониманием смотрит на меня, а потом бросает взгляд на часы.

– Уже пять часов вечера. Продолжим завтра.

Боже мой, я больше не могу. Я должна уйти из ее кабинета, оставив в нем все мои воспоминания о Лахлане, Максе и Лане. Я представляю себе, как запираю дверь, бросаю за спину ключ и убегаю далеко-далеко.

Я встаю и иду к двери.

– Наоми?

Я морщусь и поворачиваю голову. Только не говорите мне, что это еще не все.

– Ты хорошо справилась сегодня, – говорит доктор Ратледж, говорит мягко, с оттенком гордости.

Наверно, я это зря, но ее слова мне приятны. Она слушает меня. Она дает мне шанс, и это показывает мне, что, возможно, не каждый доктор в Фэйрфаксе полная тупица.

Мэри ждет меня в коридоре. Мы идем в столовую на ужин. Мы не произносим ни слова. Я пытаюсь оставить Макса и Лану в кабинете докторе Ратледж, но это невозможно. Они следуют за мной повсюду. От них просто нет спасения.

Мы останавливаемся у двери столовой.

– Я заберу тебя через сорок пять минут, – говорит Мэри и уходит.

Мне двадцать, но я как малое дитя. Черт побери, здесь все такие. Все, что я здесь делаю, требует надзора. В первое время это раздражало, но теперь я привыкла.

Ирония этой комнаты в ее планировке. Она похожа на стильный ресторан. Белые колонны между двумя французскими окнами, камин.

Темно-синий ковер. Бледно-желтые стены. Интерьер комнаты завершают две огромные картины с изображением цветов. Во время еды я обязательно смотрю на них хотя бы раз. Это что-то вроде сеанса арт-терапии.

Я беру свою еду. Она состоит из водянистых макарон и сыра, щедрой ложки зеленой фасоли и кусочка сухого шоколадного торта. Пластиковая посуда и вода.

По всей комнате расставлены столы. Некоторые люди сидят вместе и разговаривают. Некоторые нет. Некоторые похожи на меня и ни с кем не сидят. Моя единственная привычка – сидеть рядом с Притворной Мамашей. Она за своим обычным столом, с ребенком на руках.

Я медленно жую, а люди смотрят. За столом позади Притворной Мамаши сидит Эмбер. Она ковыряется в тарелке, перебирая макароны, пока не находит ту, что соответствует ее требованиям. Наконец она ее находит и слизывает с нее сыр. Затем делает вид, будто вытирает лицо, но я вижу, как она втихаря выплевывает макаронину в салфетку.

Она повторяет это действие. Медсестра видит то же самое, что и я. Она подходит к Эмбер и что-то шепчет ей на ухо.

Эмбер скрипит зубами, подносит ко рту еще одну макаронину, смотрит на нее несколько секунд. И срывается.

– Я хочу вернуться в свою гребаную комнату! – Она поднимает свой поднос и швыряет его о стену.

Тотчас воцаряется хаос. Кто-то визжит. Кто-то хихикает. Кто-то с плачем прячется под стол. Притворная Мамаша прижимает ребенка к груди и поет ему колыбельную.

За соседним столом сидит какой-то парень. Он невозмутим. Он откинулся на спинку стула и улыбается. Возможно, он здесь пожизненно. Если да, мне понятна его радость при виде всего этого хаоса. Я же просто наблюдаю. Есть вещи, к которым я никогда не привыкну. Я оставляю еду и иду к медсестре, которая разговаривает с Эмбер.

– Могу я выйти на улицу? – спрашиваю я, перекрывая гвалт.

Она раздраженно смотрит на меня. Я вижу, что она сейчас ответит отказом.

– Я никуда не убегу и не сойду с ума, – быстро говорю я. – Я просто хочу пару минут тишины.

Она придирчиво оглядывает меня с головы до ног. И, похоже, остается довольна. Или просто устала от хаоса, или ей наплевать, что я делаю. В любом случае она бодро говорит «да» и возвращается к Эмбер.

Я толкаю дверь. Холодный воздух набрасывается на меня с такой силой, что я едва не задыхаюсь. Но дверь захлопывается за мной, и, как

только шум за моей спиной стихает, я понимаю, что готова каждый день вдыхать этот ледяной воздух, лишь бы не сидеть в мерзкой столовой.

Я иду по снегу к перилам. Передо мной открытая площадка. Трава на ней усыпана снегом. Голые деревья храбро застыли в морозном воздухе. Если я захочу, я легко смогу убежать. У меня будет полчаса, самое большее час, прежде чем меня хватятся. Но как ни заманчива эта мысль, она повергает меня в ужас. Я то и дело оглядываюсь. Вдруг кто-то наблюдает за мной изнутри или даже читает мои мысли?

Спрятав руки в рукава толстовки, я иду к лестнице. И сажусь на верхней ступеньке. Это максимум моей свободы. Позади меня скрипят балконные двери. Я не оборачиваюсь. Но двери закрываются.

– Наоми.

При звуке этого голоса я покрываюсь гусиной кожей. *Лахлан.*

Он садится рядом со мной и глубоко вздыхает. От его дыхания в воздухе появляется облачко пара. Я пытаюсь схватить его, пока оно не исчезло, но, увы, слишком поздно.

– Я искал тебя, – говорит он.

Я смотрю перед собой.

– Кто сказал тебе, что я здесь?

Его плечо касается моего, и он даже не пытается отодвинуться. Я закрываю глаза и просто впитываю его. Его тепло, его близость. Мои руки лежат на моих ногах. Мой взгляд по-прежнему устремлен на деревья.

– Никто, – говорит он. – Когда я вошел в столовую, ты выходила на улицу и... вот ты где.

– И вот я где, – повторяю я его слова, пытаюсь проникнуть в их смысл.

Неужели я правда здесь? В физическом смысле да, но это ничего не значит. Моя душа, самая суть меня, кажется расколотой. И Макс, Лахлан и Лана каждый носит в себе ее кусочек.

Наконец, я смотрю на Лахлана. Я хочу проникнуть в него и выхватить ту часть меня, которую он украл.

Я смотрю на него, и мое сердце застревает в горле. Я так сильно люблю его! Я люблю его нездоровой любовью. Я отдаю себе в этом отчет. И все же люблю Макса почти так же сильно. Неужели я такая ужасная? Люблю двух мужчин одновременно?

Если бы мне предложили выбрать между ними прямо здесь, прямо сейчас, я бы не смогла. Я не знаю, как жить без них обоих.

Лахлан немного изменился. Я знаю, это невозможно. Я видела его не так давно. Его волосы выглядят длиннее. Обычно он всегда чисто выбрит, но сегодня на его лице щетина. Глаза – усталые и печальные. Я хочу

спросить, что не дает ему уснуть по ночам, но уверена, что уже знаю ответ.

– Ты сказал мне, что не вернешься, – говорю я, чувствуя, как меня переполняют эмоции. К глазам подкатываются слезы. Эмоции должны как-то выходить наружу. – Ты не можешь просто то возникать, то исчезать из моей жизни. Это убьет меня, – дрожащим голосом говорю я.

Он расчесывает пальцами свои густые волосы.

– Не знаю даже, должен ли я в данный момент быть здесь, – признается он. – Просто я страшно скучаю по тебе.

Смысл его слов доходит до меня. Я мгновенно чувствую прилив энергии, какого не испытывала с тех пор, как видела его в последний раз.

– Я тоже скучаю по тебе, – шепчу я.

Карие глаза Лахлана буквально сверлят меня напряженным взглядом.

– Здесь можно по специальному пропуску возвращаться домой на выходные или что-то в этом роде. Ты ведь знаешь, верно?

Вообще-то впервые слышу.

– Откуда ты знаешь?

– Я спросил. Если у тебя получится уехать отсюда на выходные... хочешь, я тебя заберу?

Мне это нужней, чем сделать следующий вдох. Я вновь обретаю голос и шепчу.

– Я была бы только рада.

– Отлично. И это произойдет, – уверенно заявляет он.

Оптимизма Лахлана хватило бы для нас обоих.

Я же не верю, что меня когда-нибудь отпустят домой на выходные. Я начинаю верить, что никогда не уйду отсюда.

Я не смотрю на него.

– Я всегда была чокнутой? – рассеянно спрашиваю я.

– Не говори о себе так.

Я кивком указываю на здание.

– Они считают, что я чокнутая. Все пытаются диагностировать меня. – Я тереблю ткань своих спортивных штанов. – Даже мой новый доктор... она не может понять меня.

– Она тебе нравится?

– Она лучше, чем старый доктор. Не знаю почему, но я ей доверяю. – Я неловко пожимаю плечами.

– Уже хорошо, – говорит Лахлан.

Я смотрю на него.

– Я видела тебя несколько ночей назад.

Лахлан хмурится.

– Ты лежал со мной, – продолжаю я.

Он резко втягивает воздух и, сцепив руки на затылке, закрывает глаза, словно ему больно.

– Это ведь безумие, верно? Тебя там не было, но ты был. Клянусь, был. И даже говорил со мной. Ты рассказывал мне историю, чтобы помочь мне уснуть. Даже сейчас я не могу сказать, сидишь ли ты рядом или мне это только кажется.

Внезапно он встает и опускается на колени на ступеньку ниже меня. Его колени утопают в холодном снегу, но ему все равно.

– Я сейчас здесь.

Его руки обвивают мои колени. Его пальцы нежно гладят мою кожу. Я сижу совершенно неподвижно и наблюдаю за тем, как его рука движется от моих колен по бедрам и до талии. Он крепко сжимает меня, как будто я сбегу в любую секунду.

– Однажды ты уйдешь отсюда, – он произносит последние слова медленно. – И все будет хорошо.

Я верю его словам лишь потому, что они – все, что у меня есть. Наклонившись поближе, я обнимаю его и утыкаюсь лицом ему в шею. Я вдыхаю его так, словно это последнее, что мне осталось в жизни.

– Скажи мне, за что ты борешься, и я буду бороться вместе с тобой, – шепчет он, касаясь губами моих волос.

Я обнимаю Лахлана за шею, удерживая его на месте. С моих губ срывается мучительный стон. Сумей я найти внутри себя слова, я бы сказала Лахлану, что скучаю по нему каждый день. Это каждый день, проведенный в разлуке с ним, истощает меня, медленно выпивает мои силы. Но мне не нужно ничего говорить. Лахлан слышит правду, даже если я молчу.

– Я знаю, – шепчет он.

Он придвигается ближе. Наши лица разделяют всего нескольких дюймов, наше дыхание смешивается.

– Я собираюсь вытащить тебя отсюда.

Надежда почти покинула меня. Но сейчас я снова чувствую ее. И крепко за нее держусь. Кто знает, как долго продлится это чувство.

Лахлан неохотно отстраняется от меня. Его пальцы касаются моих щек, описывая медленные круги.

– Мне пора.

– Не уходи, – вскрикиваю я. Мои руки еще крепче обнимают его шею. – Останься.

– Я не расписался на стойке регистрации. Мэри меня застучает. Сама

знаешь, она не постесняется выставить меня отсюда.

– Останься, – шепчу я, касаясь губами его губ.

– Я... – Он начинает что-то говорить, но его слова растворяются в воздухе.

Его губы прижимаются к моим. Сначала медленно. Но затем поцелуй набирает обороты, и мы оба почти впадаем в отчаяние. Мои пальцы ерошат ему волосы. Он громко дышит носом. Затем прислоняется ко мне, и под его весом по моему телу распространяет тепло.

Внезапно Лахлан отстраняется. Мы оба тяжело дышим. Его руки сжимают перила.

– Мне пора. – Не знаю, говорит ли он это себе или мне. – Но обещаю, я скоро вернусь, хорошо? Я люблю тебя, – со всей страстью говорит он.

– Я тоже тебя люблю.

Он встает и идет по лестнице. Под его ногами хрустит снег. Я зарываюсь лицом в ладони. Я перебираю годы и погружаюсь в воспоминания, пока не нахожу одно, способное смягчить уход Лахлана.

Я нахожу воспоминание, от которого на моих губах играет улыбка. То, которое делает меня невосприимчивой к холоду и чувству одиночества.

15. День Наоми

Восемь лет назад

– Не могу поверить, что я позволяю ребенку зажечь спичку.

Я сосредоточилась на ракете.

– Мне двенадцать лет, Лахлан. Я не ребенок.

Он пренебрежительно фыркнул.

– Поторопись, пока ты ничего не подожгла.

В следующий момент я задула спичку в руке и расплылась в довольной улыбке.

– Не делай этого. – Он сунул руку в карман и выудил еще одну спичку. – У меня осталось всего несколько штук.

Сегодня 19 июля. Мой день рождения. Я ждала этого два года, но наконец-то собираюсь устроить фейерверк. От волнения мне не сиделось на месте. Я протянула руку и в восьмой раз попыталась поймать светлячка. И вновь потерпела неудачу. Лахлан вздохнул и через пару секунд поймал мне его. Осторожно взяв его в ладони, он вручил его мне, вложив в протянутую руку. Совсем как старший брат.

– Держи, – сказал он. – Я сделал это для тебя, чтобы ты перестала пытаться. И откуда только в тебе столько энергии? – спросил он.

– Просто мне не терпится увидеть эти яркие огоньки! – улыбнулась я и добавила: – По-моему, это лучший подарок на день рождения.

– Как отпраздновала твоя семья?

– У нас был торт и подарки.

– Это все? – нахмурился Лахлан. – И никакой вечеринки? Никто не остался у тебя ночевать? Разве у девчонок нет такой дурацкой привычки?

– Не у всех девчонок есть такая дурацкая привычка, – заявила я и поспешила сменить тему: – Уже можно запускать фейерверки?

– Наберись терпения, – поддразнил он и протянул мне спичку.

Спичку я зажгла лишь с третьего раза. Дрожащими пальцами я поднесла пламя к запальнику. Через пару секунд от шнура с шипением полетели искры. Мы отбежали прочь, но тотчас повернулись и задрали головы, любуясь нашим фейерверком.

В течение следующих пятнадцати минут мы выпустили столько фейерверков, сколько смогли. Разинув от изумления рот, я смотрела, как небо расцветивается яркими огнями.

Я хотела запустить больше фейерверков, но Лахлан сказал «нет».

– На сегодня хватит, пока ничего не случилось. – Он сунул спички обратно в карман. – С днем рождения, малышка, – сказал он, затем повернулся и зашагал прочь.

– Эй, вернись! – крикнула я.

– Малы-ы-ышка, – протянул он. Однако повернулся ко мне. – Что тебе?

– Ты не можешь уйти.

Он посмотрел на часы.

– У меня через пятнадцать минут свидание.

Год назад Лахлан получил водительские права. Родители подарили ему черный блестящий автомобиль. Теперь он ждал его на подъездной дорожке. У Лахлана была свобода. Он мог приезжать и уезжать когда угодно. Я это ненавидела.

И вот он снова куда-то собрался. Меня душила злость.

– С кем? – спросила я.

– С одной старшекласницей.

Я скрестила руки.

– С кем?

– С Лорой Клайн. Ты знаешь ее? Да навряд ли.

Я не знала, кто такая Лора Клайн, но она мне уже не нравилась.

– Ну, ты не можешь уйти, – заявила я.

Он нахмурился, но в его глазах все еще был озорной блеск.

– Я хочу услышать причину почему. Почему я не могу уйти?

– Потому что мне больше не с кем праздновать мой день рождения! – воскликнула я. Казалось, я вот-вот разревусь.

– А как же Лана?

Лана была моей лучшей подругой. Наши отцы работали вместе. Однажды, через неделю после моего десятого дня рождения, она пришла вместе со своим отцом. Она не стала заходить в дом, а села на ступеньки крыльца и уставилась в землю. Я села с ней рядом и радостно представилась. Она посмотрела на меня со смесью ужаса и любопытства. Я принялась грузить ее разговорами, а она все это время сидела и слушала. К концу дня она медленно начала оттаивать. Я увидела ее доброту и поняла, что она станет моей подругой. Это произошло два года назад. С тех пор мы с ней неразлучны.

– Ее здесь нет, – сказала я.

– Понятно... разве у тебя нет других подружек?

– Нет.

Он нахмурился.

– Совсем никого?

Я отвела глаза.

– Только ты.

– Тебе нужен кто-то еще, а не только я, малышка.

– Или у меня могли быть ты и Лана. Это куда лучше, чем иметь много друзей. Такая простая арифметика.

– Это как понимать?

– Моя бабушка всегда говорила мне, что лучше иметь друзей на четыре четвертака, чем на сотню пенни.

– Тебе все равно не хватает двух четвертаков.

– Не-а. С меня хватит двух.

– Да, разве с этим поспоришь? – усмехнулся Лахлан.

Он снова посмотрел на часы, затем на свою машину на подъездной дороге и сокрушенно вздохнул:

– У нас осталась последняя ракета. Хочешь еще разок осветить небо?

Я сделала большие глаза и взволнованно кивнула.

Мы снова опустились на колени на землю. Я почесала комариный укус на ноге, а Лахлан приготовил последнюю ракету и поднес к ней спичку. Ракета взлетела в небо, и я вытянула шею, глядя на россыпь цветных огней. Лахлан стоял со мной рядом. Он ни разу не достал свой телефон, чтобы проверить время. Мы оба любовались фейерверком как зачарованные. Он был не больше и не ярче тех, что мы запустили до этого. Но показался нам самым грандиозным.

– С днем рождения, – сказал Лахлан. – Загадай желание.

И я загадала, чтобы каждый день 19 июля проходил именно так. С яркими огнями, улыбками и смехом. И чтобы Лахлан был со мной всю оставшуюся жизнь.

16. Черная дыра

Кто-то касается моего плеча.

Я испуганно вскрикиваю и оборачиваюсь. Рядом стоит Мэри.

Я вернулась в Фэйрфакс. Я все еще сижу на улице. Снежинки цепляются за мои волосы, мои руки превратились в сосульки. Остатки воспоминания все еще рядом. Если закрыть глаза и хорошенько сосредоточиться, то я услышу отдаленное эхо фейерверков и восторженные возгласы двенадцатилетней девочки.

– Не хочешь вернуться? – спрашивает Мэри.

Я встаю на неверных ногах.

– Сколько я просидела на улице?

– Около часа. Как будто о чем-то задумалась.

Она понятия не имеет.

Мы идем в столовую. Все убрано. Лишь несколько пациентов, и все спокойно едят. Как будто Эмбер даже не закатывала истерику.

Мы возвращаемся в мою комнату. Я все еще пребываю в оцепенении. Флуоресцентные лампы над нами придают моей коже нездоровый желтый оттенок. Я вхожу в свою комнату. Свет уже включен. Я застываю на месте и оглядываюсь по сторонам.

Я только что вернулась из воспоминания – такого невинного, такого прекрасного. Моя жизнь в Фэйрфаксе – полная противоположность. Я не хочу быть здесь.

Я выполняю свой рутинный вечерний ритуал: иду в ванную. Вымыть лицо. Переодеться. Когда я готова, Мэри уже в моей комнате с лекарством в одной руке и стаканчиком воды в другой. Правда, сегодня вечером я выполняю все эти действия тупо, на автомате. Мысли по-прежнему заняты Лахланом и двенадцатилетней Наоми.

– Постарайся уснуть, – настаивает Мэри. Она выключает свет и закрывает за собой дверь.

В следующую секунду я вижу в углу отца Ланы. Он кипит от ярости. Он присел, готовый в любой момент наброситься на меня. Мое сердце замирает, но я не реагирую. Лекарство делает свое дело. Я спокойна как танк. А вот визит Лахлана заслонил собой все остальное.

И он, отец Ланы, это знает. Его голос становится громче. В иную ночь он бы меня напугал... но не сейчас. Сейчас он плывет мимо меня, и все его злобные слова начинают стихать, пока не превращаются в далекое эхо. Моя

голова словно тонет в подушке. Я погружаюсь все глубже. Вскоре я буквально вдавлена в матрас. Я как в свободном падении, проваливаюсь сквозь пол и замерзшую землю. Я продолжаю двигаться, наблюдая, как годы моей жизни проносятся передо мной.

Мне нужно еще одно воспоминание. Возможно, я жадная и прошу слишком многого, но мне хочется снова увидеть Лахлана.

Мое тело перестает двигаться. Я закрываю глаза и мечтаю.

17. Нет худа без добра

– Лахлан. Рада тебя видеть. У тебя уже летние каникулы?

– Нет, – простонала я и стукнула себя ладонью по лбу.

Такое сказала бы только круглая идиотка.

Я глубоко вздохнула и повторила попытку.

– Эй, привет, Лахлан. Как дела? Я совершенно забыла, что ты приедешь домой.

Я в течение всего предыдущего часа репетировала, что скажу Лахлану и какотреагирую на его слова. Я лежала в домике на дереве, глядя на ясное, темное небо. Здесь я могла свободно, без всякого стеснения говорить все что угодно.

Лана посоветовала мне попрактиковаться в том, что я скажу Лахлану. Вчера она сидела со мной в моей комнате. Она сказала, что поступает так всякий раз, когда нервничает перед встречей с кем-то новым. Поклялась, что этот прием работает. Может быть, но только не для меня. Я была ничуть не ближе к тому, чтобы держать в узде свой дрожащий голос, чем несколько часов назад.

Это снова был тот самый раз. Лето. Когда Лахлан вернется из колледжа и все в моей жизни возвратится на круги своя.

Он уехал учиться в колледж в прошлом году. Я помню вечер перед его отъездом. Я сидела в домике на дереве, зная, что теперь все изменится. Все будет не так. Он перерастет меня. Даже не приходится сомневаться. Какой восемнадцатилетний парень захочет продолжать общение с тринадцатилетней девочкой?

Я сказала ему, что хочу уехать вместе с ним. Лахлан лишь вздохнул, потянул меня за косу и сказал:

– Увы, это невозможно, малышка. Ты должна остаться здесь, повзрослеть, набраться ума.

– Мне тринадцать, – сказала я. – Я уже взрослая и набралась ума.

Он рассмеялся.

– Понятно. Но сначала ты должна окончить школу. Тогда сможешь уехать куда захочешь.

Я опустила голову и уставилась на свои туфли.

– Я хочу поехать туда, где будешь ты.

– Не говори так. Будь у тебя возможность уехать куда-нибудь... в любую точку мира, куда бы ты уехала?

Об этом я никогда не думала. Я мечтала о разных местах, но никогда не думала, что эти мечты сбудутся.

– Я... я не знаю.

– Не знаешь? Как это прикажешь понимать? – Он вытянул перед собой руки. – Где твой дух авантюризма? Когда ты доберешься туда, ты сможешь делать все, что захочешь!

Послушать Лахлана, уехать куда хочешь легко и просто. Лишь ставь одну ногу перед другой, и все.

– Хорошо, – пообещала я. – А ты расскажешь мне про колледж? Но чтобы это было все-все?

Он опустил руки и усмехнулся, словно я сморозила какую-то глупость. Я хотела спросить его, что смешного. Хотела наклониться вперед и спросить:

– Скажи, над чем ты смеешься. Хочу знать, в чем прикол.

Но я не спросила.

– Не все, но многое, – сказал он.

– Я буду скучать по тебе, – прошептала я.

Прежде чем встать и уйти, Лахлан улыбнулся мне.

– Я тоже буду по тебе скучать.

Я отвернулась.

– Не вешай носа. Увидимся летом. Договорились?

Он был моим счастьем. И мое счастье покидало меня, чтобы проехать две тысячи сто миль и найти там собственное счастье. Как тут не повесить нос?

На следующий день он уехал. Мне же пришлось решать, что делать с огромной зияющей дырой, которую он оставил в моей жизни. Он будет поддерживать связь короткими, дружескими электронными письмами. Всякий раз, когда в моей почте появлялось новое сообщение от него, мое сердце было готово выпрыгнуть из груди. Я тотчас щелкала мышкой, хотя и не ожидала ничего особенного. Лахлан был для меня источником жизни, и его короткие письма поддерживали меня.

Я перечитывала их, пока не запоминала наизусть. Я читала письма Лане, а она сидела на моей кровати, улыбаясь и качая головой, словно я сошла с ума. Она приходила ко мне домой все чаще и чаще. Между нами возникла связь, ставшая вскоре неразрывной. Мы даже начали с ней ссориться совсем как сестры, а буквально через несколько секунд уже говорили на другую тему, словно ничего не случилось.

Так я пережила первый год отсутствия Лахлана.

Но теперь был август. Лахлан приехал домой. Я не знала, как долго он

пробудет у родителей, имело значение лишь то, что он здесь.

Наконец.

Я глубоко вздохнула и попыталась сосредоточиться на своих словах. «Я буду очень занята этим летом, Лахлан. Я не смогу видеть тебя так часто».

– Нет, нет, нет, – сказала я и потеряла лицо. – Звучит неубедительно. Он поймет, что я лгу.

Громко скрипнула половица, и через несколько секунд я услышала:

– С кем ты там разговариваешь?

Я тотчас приняла сидячее положение и увидела, как в домик на дереве забирается Лахлан. При виде его мое смущение моментально испарилось, сменившись радостью.

За год он сильно вырос. Ему даже пришлось пригнуться, чтобы не зацепить ветки, когда он шагнул ко мне.

Каждый год я замечала в нем что-то новое. В десять я считала его симпатичным. Я писала его имя на страницах дневника. Снова и снова. Иногда наши имена бывали заключены в сердечки. Иногда я писала только его имя. В одиннадцать мне хотелось поцеловать его. Я не знала почему. Я просто мечтала прикоснуться губами к его голове. В двенадцать лет я думала про его волосы. Они всегда выглядели взъерошенными, и мне хотелось прикоснуться к ним, чтобы узнать, мягкие они или нет. В тринадцать я запомнила, как он улыбался. И вот в четырнадцать я заметила в нем все. Плечи. Руки. Ладони. Все.

Я тряхнула головой, прогоняя мысли.

– Я просто... разговаривала сама с собой.

– Это признак здоровья.

Мои щеки залила краска.

– Я уехал учиться, а ты сходишь с ума по мне? – поддразнил меня Лахлан.

– Ха, ха.

Он сел напротив меня и вздохнул.

– Даже не верится, что ты все еще приходишь сюда.

Я похлопала по деревянным половицам подо мной.

– Я же сказала тебе, что найду ему применение.

– Да. Ты не обманула.

Мы сидели в дружеском молчании. Он смотрел на небо, а я смотрела на него. Заметив, что он поворачивает голову, я поспешила отвести взгляд, прежде чем он застучает меня.

– Как прошло твое лето? – спросил он.

Я пожалала плечами и напредила себе, что должна отвечать небрежно.

– Нормально.

– Тусовалась с Ланой?

– Ага.

– Я когда-нибудь с ней познакомлюсь?

– Конечно. – Я поудобнее откинулась на перила. – Как только ей хватит храбрости прийти сюда со мной.

– И когда это будет? – Его вопрос повис в воздухе.

– Никогда, – честно сказала я.

– Она такая застенчивая?

– Да, она застенчивая, – подтвердила я.

– Ты говорила ей обо мне ужасные вещи? – внове поддразнил Лахлан.

– Самые худшие, – солгала я, не моргнув глазом. – Я рассказываю ей, как приходила сюда, чтобы тебя увидеть, а тебя здесь не было.

Я больше не могла сдерживать обиду. Лахлан с удивлением посмотрел на меня. Даже я была потрясена своей выходкой.

– Ты уверена, что с тобой все в порядке? – спросил он с тревогой.

– Да.

Лахлан прищурился и наклонил голову.

– Что-то явно не так.

– Все хорошо, – поклялась я.

Это его не убедило.

– Тебя не узнать. Обычно ты бывала такая веселая.

– Клянусь тебе, – медленно произнесла я, – у меня все нормально.

Лахлан громко выдохнул и огляделся по сторонам. Мы оба испытывали неловкость.

У меня ничего не было нормально, тем более хорошо или отлично. У меня все было... никак. Но как мне сказать это Лахлану? Я сама едва могла понять, что именно не так. Лана сказала, что это просто такой возраст. Мол, все подростки проходят через это. Я спросила ее, почему она сама не проходила через это. Но она только пожалала плечами и спросила, что я чувствую. Я сказала ей, что одну минуту я могу быть так счастлива, словно весь мир у моих ног, а затем, из ниоткуда, на меня накатывается тоска. У меня портится настроение, мне как будто что-то давит грудь, и я даже не могу дышать. Она недоуменно посмотрела на меня. Я спросила ее, бывало ли с ней что-то подобное. Она опустила глаза и сказала:

– Я знаю, что такое печаль, но не знаю, что такое радость.

– Итак... – протянул Лахлан. Я быстро покачала головой, стряхивая воспоминание. – Есть ли что-то новенькое? В твоём уме явно должно

созреть что-то особенное.

Я улыбнулась, радуясь тому, что он сменил тему. Новенькое случилось каждый день. Когда у меня разыгрывалось воображение, я садилась за стол и писала, пока у меня не начинала болеть рука.

– Я по-прежнему пишу. Хотя вряд ли это куда-то пойдет.

– Дашь мне почитать?

Я покраснела.

– Нет.

Я знала, чем были мои истории. Любовными письмами Лахлану. В каждой из них он становился музой для моего героя. Когда я писала, мое сердце истекало кровью.

– Почему нет? – спросил он.

Я пожалала плечами и смахнула в сторону мусор с пола.

– Это просто истории.

– Просто истории, – повторил он.

– Я бы рассказала тебе, – выпалила я. – Но ты уже, наверное, слишком стар для них.

– Я? Стар? Вернись на землю. Я никогда не перерасту твои истории.

Я мысленно еще раз прокрутила его слова, и мой пульс участился. Я очень надеялась, что он говорил серьезно.

– Ты уверен? – спросила я. – Потому что...

– Я совершенно серьезно. Я хочу услышать хотя бы одну.

Я расслабилась, посмотрела на бесконечное небо и закрыла глаза. Лахлан вновь втянул меня в замкнутый мир грез. Я могла бы жить там вечно. И кто смог бы винить меня? Воображение – лучшее место для жизни.

Я тряхнула плечами, снимая напряжение. Куда только подевалась моя нервная дрожь, когда я заговорила.

Я рассказала ему свою историю. Это был конец цивилизации, и на Земле осталось только пять человек. Но они были не одни. Была другая группа людей, называемая восьмерками.

Они выглядели людьми, но были монстрами, посланными, чтобы уничтожить человечество. Пятерым выжившим пришлось объединиться.

Я говорила до тех пор, пока не охрипла. Пока не рассказала Лахлану историю от начала и до конца. Мой пульс стал бешеным от возбуждения.

Лахлан тихонько присвистнул.

– Круто у тебя получилось.

Я взволнованно прильнула к нему.

– Ты правда так думаешь?

– Думаю, ты и сама знаешь.

Я расплылась в довольной улыбке – да так, что у меня заболели щеки. Я могла часами купаться в его похвале, но мне хотелось знать, чем занимался он.

– А как твои дела?

Лахлан прислонился спиной к деревянным перилам и скрестил руки. Я уставилась на его ладони. По сравнению с моими маленькими кистями его длинные пальцы казались просто огромными.

В моем животе затрепетали бабочки. Я вновь посмотрела на него.

– Сейчас летние каникулы, и мне не нужно часами учиться, поэтому у меня все замечательно.

Я нахмурила брови.

– Тебе не нравится в колледже?

– Отчего же? Нравится.

– По твоему голосу не скажешь.

– Нет, мне действительно нравится, – медленно начал он. – Просто есть вещи, которые мне нравятся намного больше.

Он одарил меня хитрой улыбкой.

Я была уже не маленькая и потому знала: он говорил о девушках. Я восприняла его слова как физический удар. Словно кто-то больно стукнул меня в грудь.

Закусив нижнюю губу, я уставилась на свои теннисные туфли. Был один вопрос, который меня так и подмывало ему задать. Волнуясь, я посмотрела на Лахлана.

– У тебя есть девушка?

Я была жутко горда собой. Мой голос не дрогнул, а щеки не покраснели... пока.

– Прямо сейчас? Нет. Но было несколько.

– Я помню... Лора Клайн. – Я скорчила гримасу и рыгнула, как будто меня тошнило.

Он улыбнулся.

– А почему тебе это интересно? Или у тебя на уме мальчики и прочее подростковое дерьмо?

Я наклонила голову.

– Подростковое дерьмо?

– Сама знаешь... – Он махнул в воздухе рукой. – Держаться за руки и все такое прочее.

– Не знаю... Но... наверно... да.

– И кто этот чувак?

Я смотрю на него, подумала я про себя.

– Один парень, – уклончиво сказала я.

– А-а-а... он парень. Не мальчик. Значит, постарше... лет пятнадцати? – поддразнил он.

Я прищурилась.

– Гораздо старше пятнадцати.

Лахлан нахмурился.

– Малышка, все, кто старше пятнадцати, слишком старые для тебя.

– Неправда.

– Еще какая правда, – настаивал он.

Я подняла валявшийся рядом лист и повертела в руках. Откуда ему знать, что для меня лучше всего. Никто этого не знает, кроме меня.

– Могу ли я дать тебе один совет?

Я подняла на него глаза и неохотно ответила:

– Наверно, да.

– Каждый парень твоего возраста – мудака. Не верь им.

– А как насчет твоего возраста?

Он улыбнулся мне так, что я едва не задохнулась.

– Мы тоже мудаки. В принципе лучше не доверять никому из нас. А все эти поцелуйчики? – Он покачал головой. – Я бы советовал тебе этого не делать.

Я прищурилась.

– А что мне можно делать?

– Пишите письма или пожимайте друг другу руки.

– Пожимать руки? – скептически уточнила я.

– Да. Это все, что тебе нужно.

Я нахмурилась и не сказала ни слова. Я сама не знала, чего мне хочется, но точно знала одну вещь: мне не хотелось пожимать ему руку. Я посмотрела на Лахлана и поймала на себе его взгляд. Его брови сошлись на переносице. Я не решалась спросить его, о чем он думает. Боялась получить от него очередную порцию «мальчишеских советов».

– Который час? – быстро спросила я.

Лахлан на секунду дольше задержал на мне взгляд и схватил телефон.

– Сейчас два пятнадцать.

– Ночи?

– Нет. Дня. Просто солнце решило сегодня не вставать.

Я легонько пнула его ногой. Затем встала и стряхнула с шортов налипшую грязь.

– Мне нужно домой.

Мне не хотелось уходить. Казалось, Лахлан поднялся по этой лестнице всего несколько секунд назад, как вдруг наше время истекло.

– И надолго ты домой? – спросила я.

– На неделю, а потом я должен вернуться в колледж.

Я уставилась на половицы. Неделя даже близко не соответствовала тому времени, которое я надеялась провести с ним. Но, как говорится, и на том спасибо.

Лахлан встал.

– Что не так?

– Ничего.

Лахлан шагнул ко мне и братским жестом потрепал меня по голове. Я лишь крепко стиснула зубы.

– Все, что я тут говорил о мальчишках... ты же знаешь, я просто присматриваю за тобой, верно?

– Знаю. Спасибо, – буркнула я, уворачиваясь из-под его руки.

Можно подумать, мне нужны его предупреждения. Кто я ему? Точно не младшая сестра. Если мне это понятно, то почему не понимает он?

– Я здесь на неделю, – крикнул он мне вслед. Я остановилась. – Я привез для тебя фейерверки. Я знаю, что пропустил твой день рождения, но подумал, что мы еще можем их запустить.

Это было мирное предложение.

Прежде чем спуститься по лестнице, я улыбнулась ему.

– Звучит неплохо.

– Ты уверена, что с тобой все в порядке? – спросил Лахлан.

Прежде чем вскочить в седло, я оглянулась на него. Он смотрел на меня, и в глазах его застыла тревога. Пару секунд я буквально купалась в ней.

Хотя он отсутствовал так долго, ничего не изменилось. Он по-прежнему был рядом, и я молила Бога, чтобы он всегда оставался со мной. Знала, что время, возраст и опыт никогда этого не изменят.

– У меня все нормально, – сказала я и поскакала домой.

Да, у меня все было нормально... пока.

* * *

Я просыпаюсь, задыхаясь.

Мои пальцы судорожно сжимают простыни. По позвоночнику стекает пот, сердце колотится. Мне требуется минута, чтобы понять, где я. Когда

это происходит, я зарываюсь лицом в ладони. Я хочу вернуться в воспоминания и жить в них, там, где все было так легко и просто.

Я делаю глубокий очищающий вдох, поднимаю голову и осматриваюсь по сторонам. Я ожидаю увидеть его в углу, где он сидит, скрючившись, смотрит на меня, хихикает, выкрикивает мне в лицо грязные ругательства. Но нет, здесь никто не смотрит на меня с ненавистью.

Здесь только я. И больше никого.

Я обнимаю себя за талию, поворачиваю голову и смотрю, как медленно восходит солнце. И все время думаю о Лахлане.

18. Грань

– Как дела, Наоми?

Я смотрю на доктора Ратледж и сажусь.

– Хорошо.

– Как спалось? Хорошо?

– Думаю, да.

– Отлично. – Она делает глоток кофе и берет ручку. – Может, тогда начнем? Ты можешь сказать мне?..

– Скучала по мне? – шепчет Макс.

Внезапно он оказывается рядом со мной. От неожиданности сердце делает в моей груди сальто.

Его присутствия достаточно, чтобы отключить реальность. Я по-прежнему смотрю перед собой, но скашиваю глаза на звук его голоса и буквально впиваю его черты. Разлет темных бровей. Светло-карие глаза. Изгиб губ. Мои пальцы впиваются в подлокотники. Я не могу протянуть руку, чтобы потрогать его. Как же мне его не хватает!

Его руки ложатся на подлокотники всего в нескольких дюймах от моих локтей. Через несколько секунд мне на плечо давит его грудь. Это мучительно. Он наклоняется ниже. Его волосы касаются моей щеки, запах его лосьона после бритья щекочет мне ноздри. Его губы касаются моего уха. Я вздрагиваю.

– Продолжай говорить с ней. Это твой единственный шанс выбраться отсюда.

Я тяжело сглатываю и смотрю на доктора Ратледж. Ее губы двигаются, но я ее не слышу. Я слышу только Макса.

Я знаю, он говорит правду. Доктор Ратледж – мой единственный билет, если я хочу выбраться отсюда. И когда я отсюда уйду, то смогу помочь Макс и Лане, и все станет лучше. Не идеально, но лучше.

– Я скучаю по тебе, – шепчет мне на ухо Макс. Его голос впивается мне в сердце словно острые когти. Каждое слово, что срывается с его губ, пронзает меня, и у меня перехватывает дыхание. Мой взгляд по-прежнему устремлен вперед, однако я вижу, как его губы изгибаются в соблазнительной улыбке.

– Я хочу, чтобы ты вернулась.

А в следующий миг его уже нет. Его запаха. Его голоса. Его самого. Ничего. Я опускаю голову, чтобы не закричать от боли и отчаяния.

Он был тут. Всего минуту Макс был со мной, но это даже хуже, чем не видеть его вообще.

Я смотрю на доктора Ратледж, она тоже недоуменно смотрит на меня. Она не знает, что я только что пережила самое главное событие моего дня. А может, и всей моей недели.

– Ты слышала меня? – спрашивает она.

Я качаю головой.

– Извините, что?

– Я спросила, можем ли мы начать там, где мы остановились во время прошлого сеанса.

Я киваю.

– Да... – медленно говорю я. – Да, было бы неплохо.

Слова начинают изливаться из моего рта, но все это время в моей голове эхом звучит голос Макса.

Продолжай говорить с ней. Это твой единственный шанс выбраться отсюда.

19. План

– Я отказался от него. Он больше не мой клиент.

Мое окно опущено. Теплый ветерок трепал мне волосы, застилая глаза. Я даже не пыталась убирать их с лица. Просто наслаждалась моментом свободы. Где не было никаких забот и тревог. Зато был Макс, и именно он вырвал меня из этого блаженства.

Я повернула голову и растерянно уставилась на него.

– Что?

Не сводя глаз с дороги, Макс переключил передачу. Сегодня он надел простые джинсы и темно-синюю футболку. Проникая в открытый люк, солнце ложилось ему на руки золотистыми полосами.

Стоял жаркий летний день. Такой, когда хочется откинуться на подголовник, закрыть глаза и ничего не делать, лишь грезить о чем-то приятном. Мы ехали по извилистой проселочной дороге. Вокруг нас не было ничего, кроме зеленой травы. Мы даже не знали, куда едем; просто куда-то подальше от Маклина.

Прошла неделя с того момента, как я узнала правду о Лане. Мне очень хотелось бы сказать, что все стало налаживаться, но, увы, ничего не изменилось.

Отец Ланы по-прежнему оставался на свободе. Лана по-прежнему жила в доме родителей. И я тоже. Я не уходила, пока она была там. Поэтому я умоляла ее уйти оттуда, но она не желала меня слушать. Она всегда говорила одно и то же: ничего не случилось. Конечно, пока он не трогал Лану, но как долго это продлится? Наверняка рано или поздно все повторится. Я не знала, когда именно, но я чувствовала, что эта неизбежность подбирается к нам обеим.

Избегать отца Ланы было невозможно. После вечеринки я ожидала, что он что-то скажет мне, но он промолчал. Лишь пристально посмотрел на меня. Иногда он улыбался, как будто знал, как сильно я хотела кому-то все рассказать, но не могла. Сталкиваясь с ним, я всегда реагировала одинаково. В моей груди что-то сжималось, меня охватывала паника, парализуя мое тело и ум. Лишь когда он выходил из комнаты или из дома, я снова могла дышать спокойно.

Иногда, чтобы я почувствовала это, ему даже не требовалось находиться рядом со мной. Я могла гулять с Ланой по улице, смеяться над ее словами или просто идти куда-то, но вдруг на меня внезапно накатывала

боль. Начинаясь она от бедер, постепенно распространяясь вверх по всему телу, словно по ветвям деревьев.

Иногда я просыпалась среди ночи и садилась в кровати, тяжело дыша и лихорадочно оглядывая комнату. Порой я даже не сразу понимала, где нахожусь, словно несколько часов провела без сознания. Но реальность всегда настигала меня, напоминая мне, что в моей жизни все не так, что она медленно разваливается у меня на глазах.

Мое поведение пугало меня до смерти. Я списывала все на панические атаки, но знала, что они должны скоро пройти. Я не знала, как долго смогу продержаться.

Когда я не была с Ланой, я была с Максом. Я серьезно отнеслась к его просьбе провести лето вместе. Я проводила с ним почти каждый день, но никогда не оставалась на ночь. Вскоре мы начали спорить по этому поводу.

Он просто отказывался понять, почему я по собственной воле живу у Ланы, зная, что ее отец обитает с нами под одной крышей.

Больше всего на свете мне хотелось переехать к нему. Чтобы по утрам просыпаться, обнимая его. Чтобы, открывая глаза, наклоняться к нему и целовать его. В ответ он бы перекатил меня на спину, вжал в матрас и крепко меня обнимал, пока все мои проблемы не исчезли.

– Я сообщил ему, что отказываюсь от него как от клиента, – повторил Макс.

Мои ресницы быстро затрепетали. Я села прямо.

– Когда?

– Со вчерашнего дня.

Я сглотнула, пытаюсь не обращать внимания на крадущийся по мне страх.

– Что он сделал?

Макс поерзал на сиденье и машинально сжал руль еще крепче.

– Мой секретарь стояла за дверью, поэтому он сделал то, что всегда делает на публике. Сохранил самообладание и просто ушел.

Я кивнула. Это меня не удивило. Отец Ланы был человеком умным. Он вряд ли станет устраивать сцену, чтобы дать выход своей злобе. Если он это и сделает, то за закрытыми дверями, пока будет обдумывать месть.

Я с тревогой посмотрела на Макса.

– Ты считаешь, что он ничего не сделает?

– Нет. – Макс посмотрел на меня. – А ты думаешь, что да?

Я побарабанила пальцами по подлокотнику.

– Я думаю, что мы все пытаемся стать победителями в проигранной игре.

– В том-то и дело, Наоми. Это не игра. Это разница между черным и белым. Добром и злом. Это не игра. Он испоганил чью-то жизнь, и ему это не сойдет с рук.

Каждое его слово клокотало яростью. Было видно, что он едва сдерживается.

– Я знаю, – мягко сказала я. – Но все не так просто. Будь это так, он бы уже давно сидел за решеткой.

– Обещаю, это ему так не пройдет, – с жаром сказал Макс.

Я отвернулась к окну. Я не хотела говорить об отце Ланы. Мы задумали поездку для того, чтобы снять стресс и ни о чем не думать.

– Я кое о чем думала, – осторожно сказала я.

– И что это?

– Уехать от всей этой... фигни. Куда-то не слишком далеко. – Чувствуя на себе его взгляд, я пожала плечами. – Может, в округ Колумбия?

Макс отпустил педаль газа и притормозил на обочине. Остановил машину, повернулся ко мне и посмотрел на меня. Я повернулась к нему. Моя голень коснулась его бедра. Я не стала отстраняться. Даже когда мы не занимались сексом, мое тело продолжало желать его. Он был моим утешением. Думаю, так оно останется на всю жизнь.

В общем, я поделилась с ним идеей убедить Лану переехать в округ Колумбия.

Несколько дней назад меня осенило: нам нужно найти компромисс. Ей тяжело учиться в колледже, она не может находиться вдали от привычной обстановки.

Но что, если я скажу ей, что она может уехать из дома, но все равно оставаться близко к своему родному городу? Что, если неподалеку будет место, которое она знала всю жизнь, но где она окажется в безопасности?

Мой план получился не без изъянов, но он обретал форму, становясь со временем все более логичным.

– Ты уверена, что это хорошая идея? – спросил Макс.

– Самая лучшая, – уверенно заявила я. – И единственная, которая имеет смысл.

Он кивнул и устремил взгляд на дорогу. Я знала, что он согласен с моим планом, но он обдумывал каждый вариант, пытаясь представить, что может пойти не так.

– И когда начнется поиск квартиры?

– Как можно скорее.

– И давно ты думаешь об этом?

– Не очень.

Я покосилась на него.

Он снял солнечные очки и буквально впился в меня взглядом.

– Я уже несколько дней обдумываю это со всех сторон, – призналась я.

Он поднял брови.

– И это все?

– Что еще, по-твоему, я должна сказать?

– Просто, если ты думала об этом, у тебя на примете уже должны быть квартиры, должен быть разработан целый план. Обдумай все неторопливо и тщательно, чтобы у тебя все получилось в конце концов.

– По-твоему, я еще ничего не обдумала и не взвесила? Да я только этим и занималась всю прошлую неделю. Осторожно ходила на цыпочках вокруг всех и вся... – Я отвела взгляд. – Другого варианта нет.

– Эй, – мягко сказал он и, приподняв мой подбородок, заставил посмотреть ему в глаза. – Ты ведь знаешь, что я, как никто другой, хочу, чтобы это случилось, верно?

– Да, – прошептала я.

Он посмотрел мне в глаза.

– Сделай это, и я тебе помогу, – сказал он ровным, уверенным голосом.

Это вселило в меня некоторую уверенность в собственных силах. Я благодарно улыбнулась и поцеловала Макса.

– Спасибо, – сказала я.

Он снова вырулил на дорогу.

Итак, одно препятствие преодолено. Теперь оставалось лишь убедить Лану.

20. На охоте

– Кстати, там есть веранда, с которой открывается потрясающий вид на город, – сказала риелтор.

Мне потребовалась целая неделя на то, чтобы уговорить Лану заняться поисками квартиры, прежде чем она согласилась. Не откладывая ничего в долгий ящик, я договорилась о показе сразу нескольких квартир. Но Лана тотчас отменила эту договоренность, придумав неубедительное оправдание.

На сей раз этот номер у нее не прошел. Потому что с нами был Макс. Он ушел с работы пораньше, чтобы отправиться вместе с нами на осмотр квартир. Он даже не заехал домой, чтобы переодеться, и был в черных классических брюках и рубашке. Лишь ослабил галстук и закатал до локтей рукава рубашки. Сурово сдвинув брови, он окинул квартиру критическим взглядом.

Мое сердце трепыхнулось и замерло, создавая некий новый ритм, пока я смотрела на него. И дело заключалось не в том, как он выглядел, а в том, что ему было не все равно. В его решимости оградить Лану от всех тревог и невзгод. От радости я была готова броситься ему на шею. Протянуть руку, схватить его за галстук и притянуть к себе.

Лана обвела пустую гостиную придирчивым взглядом. Ее глаза подмечали все. Я видела, что она представляла себе, как обставила бы ее, будь это ее квартира. И не видела никаких причин, почему эта квартира не могла стать ее жилищем.

Внутри было уютно. Всего две спальни, небольшая кухня с новой техникой и кухонным островком. Просторная гостиная. Стены оттенка слоновой кости, полы из твердых пород дерева.

Но для Ланы важнее всего был район.

Район, район, район. Ей требовались надежные стены, требовалось чувство безопасности. В этой квартире все это присутствовало.

– Что вы думаете? – спросила у Макса риелтор. Она быстро сообразила: решающее слово в этой сделке будет за ним. Макс не ответил. Он посмотрел на Лану, ожидая услышать ее ответ.

Она лишь провела по стене пальцем.

– Могу я пару минут подумать?

Я нахмурилась и отошла от стены. Она в своем уме? Мне тотчас захотелось ей что-то сказать, но я не успела. Риелтор вежливо улыбнулась

и, сказав «конечно», вышла из квартиры.

Макс посмотрел на Лану – его терпению явно подходил конец – и последовал за риелтором. Я хотела прийти подруге на выручку, сказать Макс, что сам по себе ее сегодняшний приезд сюда уже важен. Честно говоря, мне не верилось, что я сумела уговорить ее.

Когда я заговорила на эту тему, она ответила, чтобы я съездила и посмотрела сама, но я не уступила. Я сказала, что она должна увидеть квартиру своими глазами. Сделать это вместо нее я не могу. Она должна принять собственное решение. В ее глазах вспыхнул слабый оптимизм. Она явно пыталась представить себе, каково это – жить своей жизнью. Вдали от родителей, вдали от печального прошлого.

Я сказала ей, что непременно поеду с ней. Добавила, что Макс тоже будет там. Последнее поколебало ее решимость.

– Ты все еще с ним? – спросила она.

Я нахмурилась.

– Да. Почему ты спрашиваешь?

Она не ответила мне, но в ее глазах застыл оставшийся без ответа вопрос: Лахлан. Мы не говорили о нем уже несколько недель, но он по-прежнему всегда был где-то рядом, следуя за мной, куда бы я ни пошла. Я изо всех сил притворялась, что его там нет, но в последнее время игнорировать его становилось все труднее.

За сегодняшний день это была четвертая квартира, которую мы осмотрели. И всякий раз Лана находила, к чему придраться. У первой был ненадежный дверной замок. У второй – сомнительный запах на лестничной клетке. Третья находилась в беспокойном районе.

И вот теперь она пыталась придраться к этой. Я видела, как ее разум отчаянно пытается выискать какой-нибудь недостаток. Она вышла на балкон и обвела взглядом открывшийся вид. Я увязалась за ней. Нас окружали многоэтажные здания. Но через дорогу виднелся небольшой парк, придававший этой части города уютную, семейную атмосферу. Машин на улицах мы увидели немного. Район выглядел тихим и безопасным.

Иными словами, идеальное место для Ланы.

– Тебе действительно нравится? – спросила я.

– Да.

– Тогда этот вид твой! – Я развела руками. – Вот и оставайся при этом мнении!

Лана фыркнула.

– Да. Конечно. Они принимают в качестве оплаты фантики для игры в

«Монополию»? – устало спросила она.

– Арендная плата не слишком высока.

Лана молча посмотрела на меня.

– Ну ладно, – протянула я. – Это очень дорого. Но ведь Макс поможет.

– Нет. Только не это, – твердо сказала Лана. – Я не пойду к нему с протянутой рукой.

Я скрестила на груди руки и прислонилась к перилам. Я играла роль, которую знала наизусть: роль подруги, которая придет на выручку в любой ситуации.

– Ты ведь не пришла к нему с протянутой рукой, – сказал я. – Ты всегда можешь вернуть ему деньги позднее.

– А, по-моему, лучше взять кредит.

– Вот и возьми! – взволнованно воскликнула я. – Что угодно, лишь бы ты чувствовала себя комфортно. Это то, что тебе нужно делать. – Я умолкла и пристально посмотрела на нее. – Что подсказывает тебе внутренний голос?

Прикусив нижнюю губу, она посмотрела на улицу под нами.

– Что это идеальное место.

– Вот и послушай свой внутренний голос. Он совершенно прав! – улыбнулась я.

– Я даже не знаю, с чего начать и что делать.

– Ты можешь найти работу, – сказала я. – Я помогу тебе с ее поисками. Или можешь вернуться в колледж. Тебе некуда торопиться. Можно учиться медленно. Можно начать с одного-двух предметов, и если все пойдет хорошо, взять дополнительные курсы.

Ее глаза светились надеждой. Ей очень хотелось верить, что каждое сказанное мною слово правдиво.

Я посмотрела на детей на качелях. Их восторженный визг долетал даже сюда. Лана тоже смотрела на них с грустным, задумчивым выражением лица.

– Ты ведь знаешь, это может стать реальностью, – тихо сказала я.

– Знаю. Именно этого я и боюсь. Что, если я облажаюсь?

Я нахмурилась. Она громко выдохнула и отвернулась от меня.

– Хочу сказать, что сейчас я в порядке. Но что будет ночью, когда я буду совсем одна? У меня нет никакого жизненного опыта. – Она наклонилась ближе. – Я не знаю, что такое свобода.

Я порывисто сглотнула и посмотрела ей прямо в глаза.

– Я сделаю все, чтобы у тебя не было проблем, – поклялась я. – Лана, ты намного сильнее, чем думаешь.

Ее губы дрогнули.

– Ничто не может помешать тебе, – сказала я.

Она в упор посмотрела на меня. На ее лице читалось сомнение.

– Ничто, – медленно повторила я.

Входная дверь открылась. Мы с Ланой обернулись. Сунув руки в карманы, вошел Макс и, вопросительно выгнув брови, посмотрел на нас.

– Итак?

Я выразительно посмотрела на нее, безмолвно призывая сказать Максиму правду. Я знала, что она хочет сделать этот шаг вперед, просто ей страшно. Она оглянулась на парк, ее руки дрожали, но я видела, что она уже представляет себе, как станет жить здесь.

«Согласись, согласись, согласись!» – мысленно умоляла я ее.

Наконец она посмотрела на меня и кивнула, а затем повернулась к Максиму.

– Идеально.

Я с облегчением вздохнула.

Он расплылся в своей самой соблазнительной улыбке.

– В самом деле?

– В самом деле, – сказала она.

Риелтор как ни в чем не бывало вернулась в комнату и бодро улыбнулась. Ее наметанный глаз подсказал ей, что сделка на мази.

– А что думаете вы? – спросила она Макса.

Он постучал по стене и направил свою коронную улыбку на риелтора.

– Где нужно ставить подпись?

Риелтор покраснела и подошла к своему портфелю. Я же подумала, что, если он улыбнется еще раз, Лана может рассчитывать на несколько месяцев бесплатной аренды.

Пока они обсуждали подробности контракта и то, какой день самый удачный для его подписания, я подошла к Лане и, подняв обе руки в знак победы, одними губами произнесла слово «ура».

Надежда в ее глазах, ранее едва заметная, теперь сияла вовсю. Все мои тревоги и опасения тотчас были выброшены из головы и забыты. Пусть хотя бы сегодня они подождут. Потому что дела, похоже, пошли на лад.

21. Тик-так

Сегодня Лана переедет в свою квартиру.

Для меня это время стало волнующим. А вот страх Ланы оказался сильнее волнения. Она не сказала родителям, что переезжает. Слишком боялась, что они ее отговорят. А еще больше она боялась, что, если начнет собирать вещи, родители ее остановят. Мы поедем к ней вместе, и я соберу за нее все необходимое. У меня уже имелся свой план на сей счет. Я приеду к ней, пока ее отец будет на работе, а мать уедет в город, походить по магазинам или посплетничать за ланчем с подругами.

У меня в багажнике лежала куча коробок и мешки для мусора на случай, если коробок не хватит.

Я подъехала к дому ее родителей. Шесть окон на втором этаже. Четыре снизу. Каждое безупречно чистое и сверкает на солнце. На каждом черные ставни. Двойные передние двери – высокие и массивные. Цвета черного кофе, с отделкой из кованого железа и матовым стеклом. Вокруг дома росли аккуратно подстриженные кусты, вдоль пешеходной дорожки тянулись клумбы, пестревшие всеми оттенками красного, желтого и оранжевого.

Это была картинка идеального дома. Проезжая мимо такого ночью, вы видите желтый свет в его окнах и думаете: «Могу поспорить, что у этой семьи есть все».

Выйдя из машины, я отправилась открыть багажник, а Лана вышла и села на ступеньки крыльца. Точно так же она сидела, когда я впервые встретила ее. Всего десять лет назад мы с ней были двумя маленькими девочками, двумя совершенно разными личностями.

– Эй, – сказала я, беря стопку сложенных коробок. – Ты готова?

Она посмотрела на меня.

– Даже близко не готова.

Я зашагала к ней по тротуару и, наконец, заметила бледность ее кожи и капли пота на лбу.

– Просто посиди здесь, – сказала я с ободряющей улыбкой. – Я вернусь вниз, как только смогу.

– Давай, – безучастно ответила она.

Осторожно неся груду коробок, я открыла дверь и поспешила вверх по лестнице. В доме раздавалось лишь тихое тиканье напольных часов и мои такие же тихие шаги. Здесь были только я и предки Ланы. Их портреты в тяжелых рамах украшали собой стены. У них были хмурые лица, или же

это у меня уже начиналась паранойя, но клянусь, их глаза следовали за мной, пока я шла по коридору.

Стоило мне перешагнуть порог комнаты Ланы, как волоски на моих руках встали дыбом. Я быстро приступила к работе. Вытащила из шкафа всю ее одежду. Собрала ее книги, взяла ее дневник с тумбочки. Ее ноутбук лежал на столе, я прихватила и его. Вместе с зарядными устройствами для него и для телефона. Быстро прошлась по ящикам письменного стола, чтобы убедиться, что не забыла взять ничего важного. Не стала трогать лишь фотографии на стене и мебель. Я взяла только личные вещи, что вызвали бы у Ланы приятные воспоминания. Они поместились в три коробки.

Обернувшись на прощанье, я окинула взглядом комнату. Любой проходящий мимо двери не заметил бы, что Лана уехала. Но если кто-то войдет в комнату, то наверняка все поймет. Интересно, задумалась я, пока несла коробки вниз по лестнице, кто из родителей Ланы первым сообразит, что ее в доме больше нет.

– Готово, – объявила я.

Лана по-прежнему сидела на ступеньках. При звуке моего голоса она вздрогнула.

– Смотрю, ты быстро.

– Что я могу сказать? Упаковка вещей – мой конек.

Мы загрузили коробки. Я захлопнула багажник и посмотрела на нее.

Лана с подавленным видом обернулась на свой дом. Мне было трудно представить, о чем она думает, да я и не хотела знать. То, что произошло здесь, должно здесь и остаться, запертое на замок, чтобы никогда больше не повториться.

Я стояла, вращая цепочку для ключей.

– Готова?

– Пятая ступенька сверху плохо прибита.

Ключи больно ударили меня по костяшкам пальцев. Брови от боли сошлись в ниточку.

– Что?

– На лестнице. Она плохо прибита вот уже шесть лет, и я все еще иногда спотыкаюсь на ней, когда поднимаюсь наверх.

Лана зашагала по траве словно в трансе. Встав перед окном своей спальни, она указала на него пальцем и сказала:

– На подоконнике, в правом углу, я вырезала свои инициалы.

– Лана...

– Это все, что я знаю и оставляю все это позади.

Я подошла к ней и вместе с ней посмотрела на окно.

– Ты права. Ты оставляешь все это позади. – Я почувствовала на себе ее взгляд.

– Зато у тебя впереди что-то поистине удивительное. Жизнь, в которой ты сможешь принимать собственные решения. Нет ничего лучше этого.

Она продолжала смотреть на окно. Я хорошо видела нерешительность в ее глазах. Она боролась сама с собой.

– Ты уверена, что хочешь уехать отсюда?

– Да. – Она сделала два шага назад и твердо сказала: – Я уверена.

Мы отъехали от дома ее родителей через несколько минут. И чем дальше мы ехали, тем спокойнее она становилась. На ее лице даже появилась легкая улыбка.

– Что ты собираешься делать с мебелью?

Она пожала плечами:

– Не знаю. Может, куплю в комиссионке? Если честно, в данный момент у меня с деньгами негусто.

– Комиссионка звучит разумно, – с воодушевлением поддакнула я.

Она не ответила. Лишь смотрела, как мимо нас пролетает бесконечный ряд домов.

– Я, случайно, не сошла с ума, раз решилась на такое? – тихо сказала она.

Мои пальцы сжали руль.

– Не смей так думать.

– Иногда я боюсь, как бы все это не вышло мне боком, – призналась она.

– Этого не случится. Все, что ты сейчас делаешь, – это шаг в правильном направлении.

Эти слова уже успели превратиться в моих устах в расхожую фразу. За последнюю неделю я повторяла их так часто, что уже потеряла им счет.

– Я знаю, отец сделает все возможное, чтобы заставить меня вернуться домой.

– Лана... – Я умолкла, пытаюсь подобрать правильные слова.

Меня прервал ее телефон. Мы посмотрели на него одновременно.

Звонил ее отец.

Я знала только одну причину, по которой он звонил прямо сейчас. Похоже, он первым понял, что Лана ушла.

Я притихла, стараясь следить за дорогой, но продолжала коситься в сторону подруги. Палец Ланы на пару секунд завис над кнопкой ответа, но затем нажал на «игнорировать».

Возможно, большинству людей такой жест покажется несущественным, но для Ланы он означал огромный прогресс.

– Кто это был? – невинно спросила я.

Она бросила телефон в сумочку и нажала застежку. В машине раздался громкий щелчок.

– Никто.

Я хотела отпраздновать этот момент. И быстро свернула влево.

– Куда мы идем? – спросила она. – Квартира дальше по улице.

Я улыбнулась.

– Мы, моя дорогая, едем покупать тебе мебель.

22. Революция

– Останься, – произнес Макс хриплым шепотом.

Я вздрогнула. Мои глаза были закрыты. Моя голова все глубже погружалась в подушку, запах Макса окружал меня. Разве на такое ответишь отказом?

– Я не могу, – слабо возразила я. – Я должна...

Я должна была что-то сделать. Просто не знала, что именно. Все важное в моей жизни переставало иметь значение в объятиях Макса.

Он наклонился ко мне, его губы заскользили по моей шее. Его волосы щекотали мне кожу, заставляя невольно вздрагивать. В первую же минуту, едва мы вошли в его дом, нас обоих охватил этот безумный голод, безумная жажда друг друга.

– Мне и вправду пора, – простонала я с несчастным видом.

Губы Макс замерли. Он поднял глаза. Его влажные губы были слегка приоткрыты. В эти мгновения мне хотелось одного: остаться здесь, запустить пальцы ему в волосы, впиться в него поцелуем.

Он перевернулся на спину и уставился на потолок. Он тяжело дышал, и с каждым вдохом его пресс выделялся еще рельефнее.

Прежде чем передумать, повернуться и жадно наброситься на него, я выпрыгнула из кровати. Макс перевернулся на бок.

– Почему тебе нужно идти?

– Просто нужно, – сказала я рассеянно.

Я обошла комнату в поисках туфель. Мы раскидали одежду по всему полу. Максов пиджак. Мой кардиган в углу.

– Теперь все в порядке.

Лана переехала в новую квартиру неделю назад. И хотя она больше не жила под властью своего отца, что уже хорошо, я не могла не думать о ней. Я носила ее с собой, куда бы ни пошла.

Я осталась с ней. Я слышала, как она плакала, перед тем как уснуть, а иногда даже вскрикивала. Тогда я спрашивала у нее, все ли в порядке. Она никогда не отвечала мне, хотя я знала, что она меня слышит.

– Все в порядке. Верно?

Я нашла одну свою туфлю рядом с дверью.

– Да, но...

– Что «но»? – спросил Макс.

Я посмотрела на него. Другая туфля наполовину торчала из-под

кровати. Обувшись, я подошла к Максусу.

Он сел и передвинулся к краю кровати. Его руки лежали на матрасе, рубашка все еще была расстегнута. Он развел ноги. Я шагнула к нему, встала между его колен и посмотрела на него сверху вниз.

– Просто пока все было... сложно, – осторожно сказала я.

Макс пристально посмотрел на меня.

– В какой степени сложно?

– Довольно сложно.

Я была терпелива. Иногда мне казалось, что дела идут на лад. Но потом наступали дни, когда мне казалось, будто я в аду вместе с Ланой. Мне казалось, что мир рушится вокруг нас с ней. Это высасывает из вас желание жить. Истощает жизненные силы, крадет ваше счастье.

А на следующий день все бывало в порядке. Лане требовалось начинать все сначала, восстановить душевное равновесие. Я могла только терпеливо ждать.

Руки Макса обхватили мои бедра. Я застыла на месте.

– Останься, – прошептал Макс. – Останься со мной. Чтобы ни о чем не думать несколько часов.

Его веки отяжелели, правый уголок рта изогнулся в полуулыбке, по идее невинной. Но невинности в ней не было ни на грамм. От моей решимости не осталось камня на камне.

Он притянул меня к себе, и в следующий миг я уже лежала, крепко прижатая к его теплому телу. Его поцелуй был нарочито медленным. Похоже, он решил свести меня с ума. Соблазнить меня остаться с ним на ночь. Макс легонько касался меня языком, всякий раз заставляя меня стонать. Мой рот приоткрылся. Мое тело расслабилось, сливаясь с Максом в объятиях. Он пососал мою нижнюю губу и потянул меня чуть ближе. Я даже не заметила боли. Ведь теперь его руки двигались вверх и вниз по моим бедрам.

Не отрывая губ, я тихо ахнула.

Его пальцы нашли молнию моего платья и медленно потянули ее вниз.

Платье разошлось, и его руки скользнули внутрь. Его пальцы коснулись моего позвоночника. Я жадно впилась губами в его язык. Я была ненасытна. Я жаждала его прикосновений, жаждала видеть каждую часть его тела. Меня буквально трясло от этого ненасытного голода.

Его прикосновения всегда переносили меня куда-то далеко-далеко, где все мои тревоги и страхи спадали с меня, словно расстегнутая одежда.

Я оторвалась от него и сняла платье. Он буквально пожирал меня глазами.

– Ты великолепна, – прохрипел он.

И я тоже это почувствовала. Благодаря ему. Да, благодаря ему я почувствовала себя красивой, уверенной в себе, сильной.

Макс сбросил рубашку. Та упала рядом с моим платьем. Мои руки заскользили по его животу, лаская рельефные мышцы.

И, чем дольше я касалась его, тем больше пота выступало на его лбу. Наконец моя рука достигла его брюк. Я попыталась расстегнуть пуговицу пояса.

Его дыхание участилось.

Я медленно расстегнула молнию на его брюках, точно так же, как он на моем платье. Он тотчас машинально подался навстречу мне. Спустив его брюки и трусы до лодыжек, я посмотрела на него сверху вниз. А затем, дрожа от предвкушения, протянула руку и обхватила пальцами его член.

Мои прикосновения были разными: от легких, как перышко, до крепких и сильных. И каждое такое прикосновение наполняло меня восторгом. Нет ничего лучше, чем чувствовать себя свободной рядом с обнаженным мужчиной, который теряет контроль над собой и готов отдать тебе всего себя.

Он шумно втянул воздух. Его тело застыло, словно вырезанное из камня. Наклонившись к нему ближе, я продолжила свою изощренную пытку. Моя левая рука коснулась простыней. Он на миг открыл глаза и встретился со мной взглядом. Его зрачки расширились от желания, лицо перекосила гримаса сладкой муки. При мысли о том, что это я заставляю его корчиться от страсти, я моментально почувствовала влагу между ног. Я впиалась в Макса поцелуем. Шумно дыша через нос, он опустил голову на матрас.

С его губ сорвался смешок, полный наслаждения и муки.

– Ты пытаешься убить меня? – простонал он.

Я наклонилась еще ближе.

– Хочешь, чтобы я остановилась?

– Черт, нет, конечно.

Не отрывая от него губ, я улыбнулась и крепче сжала его член. Вскоре его дыхание превратилось в надрывные всхлипы, его сильное тело дернулось подо мной, и я отстранилась. Я встала, чтобы снять белье.

Макс поднял голову и уставился на меня. Его глаза горели вожделием, он пожирал глазами каждый дюйм моей кожи.

– Туфли оставь.

Я удивленно подняла бровь.

– Мои туфли? – переспросила я, глядя, как он быстро и умело надел

презерватив.

Он откинулся и раскрыл объятия. Поставив колени по обе стороны от его тела, я прижалась к нему. Кончик его члена терся об меня, и если я поднимусь чуть выше, он скользнет внутрь меня, и я не почувствую ничего, кроме него.

– Если ты собралась убить меня, сделай это правильно. Сядь на меня верхом.

Я застыла. Но только на миг. Миллисекунда, чтобы подготовиться к тому, что сейчас произойдет.

И я села на него.

Его руки оторвались от моей талии и легли мне на грудь. Его ладони коснулись моих сосков. С моих губ тотчас сорвался хриплый стон.

– Приподнимись на колени, – сказал он.

Я повиновалась.

– Направляй меня сама. Не торопись. Опускайся до самого упора, пока не сядешь на меня плотно, как перчатка. И не останавливайся, пока не закричишь мое имя.

В следующий миг меня пронзило током.

Я послушалась его и медленно опустилась. Мои глаза были закрыты, ноги дрожали. Последние несколько недель выпили у меня остатки моих сил. Но это... это изменило все.

Я медленно двигалась вверх и вниз. Уверена, что он тоже чувствовал щекотку, пробегающую под моей кожей.

– Трахай меня! – простонал Макс.

Всякий раз, когда я опускалась вниз, его бедра поднимались навстречу мне. Наш ритм становился все быстрее и быстрее. Мои мышцы уже горели, и в тот момент, когда щекотка в моем теле грозила прорваться наружу, он перевернул меня на спину.

Моей кожи коснулся холодный воздух. Без всякого предупреждения одним ловким движением Макс накрыл меня собой. Одна его рука лежала на простынях, другая обвилась вокруг моей талии. Мои волосы свисали через край кровати.

Он вошел в меня с такой силой, что наши губы буквально столкнулись в поцелуе. Его глаза горели диким огнем. Мне оставалось лишь крепко держаться за него.

У меня перед глазами все плыло.

– Я сейчас...

Я задыхалась. Но он вонзился в меня, и я не договорила.

– Что ты сделаешь сейчас? – хрипло спросил Макс, не отрывая глаз от

моего лица.

Кончить. Это все, что я хотела. И я была в считанных секундах от этого. Мои глаза слипались. Я была готова отключить внешний мир ради нескольких секунд чистого блаженства.

Но он крепко держал мой подбородок большим и указательным пальцами. Это не грубость, он просто просил меня держать глаза открытыми.

Изголовье кровати ходило ходуном. Я ощущала острый запах нашего пота. Кончики моих пальцев впились в кожу Макса, притягивая его как можно ближе. По моему телу уже пробежали судороги, но я не закрывала глаз.

Я разделю с ним эти мгновения.

Я не выкрикнула его имя. Я едва могла дышать, не говоря уже о том, чтобы говорить. Макс кончил через несколько секунд. Его рот приоткрылся, веки отяжелели, но он не закрыл глаза.

Самоконтроль и твердая почва подо мной куда-то ускользнули. Я падала, отчаянно цепляясь за что-нибудь, чтобы не разбиться. Потому что падение оказалось стремительным. И длилось всего несколько секунд.

Макс уткнулся лицом в мое плечо. Затем мои глаза, наконец, закрылись, и я поняла, что не просто люблю этого человека, я отдам ему все... и если этого будет недостаточно, я позволю ему взять все, что ему нужно, главное, чтобы он тоже любил меня.

Он слегка пошевелился. Его ресницы пощекотали мне кожу. Его губы были полуоткрыты и касались моей шеи. А те четыре слова, что сорвались с них, едва не убили меня.

– Боже, я люблю тебя!

23. Компонент

Я проснулась в пустой кровати.

Я оторвала голову от подушки. Мои волосы растрепались. Я посмотрела на пустую постель, где полагалось быть Макс.

Я не знала, который час. Мое тело все еще было разбито усталостью. Я села. Матрац лежал криво, смятые простыни почти полностью сползли с кровати, и все, о чем я могла думать, – это четыре удивительных слова.

«Боже, я люблю тебя!»

Я села и потеряла сонные глаза. Часы Макса лежали на тумбочке. Я подняла их. 2:00. Где же, черт возьми, он сам?

Я встала, и мои мышцы тотчас выразили протест. Но я не жалела ни о единой секунде, проведенной с Максом. Я прошла через комнату, вытащила из шкафа халат и вышла в коридор. Я не имела ничего против того, чтобы спать одной, но раз уж я у Макса, мне хочется чувствовать его рядом.

В доме было тихо. В коридоре горела только одна лампа. Я услышала его приглушенный голос, доносившийся снизу, из его кабинета.

Мы были знакомы не слишком давно, но я знала, что он очень много работает. Я улыбнулась. Но затем его голос, который несколько секунд назад был еле слышен, внезапно сделался резким и требовательным. Я вздрогнула и застыла на месте, ожидая, что за этим последует. По моей спине пробежал холодок страха. На моей памяти единственный раз Макс вышел из себя из-за отца Ланы.

Я крадучись спустилась вниз и, прижав ухо к двери, прислушалась.

– Вы мне угрожаете?

Долгое молчание.

– Не слишком умный шаг, – мрачно произнес Макс. – Просто помните, что до сих пор я не предпринял ничего, хотя одним простым действием мог бы разрушить вашу гребаную карьеру. И я не сделал этого исключительно ради вашей дочери.

Вновь молчание.

Затем скрипнул стул. Я представила себе, как Макс подался вперед и положил локти на стол.

– Я заканчиваю разговор. Никогда больше не звоните мне в это время. Кстати, Майкл. Просто чтобы вы знали: я хороший друг... но я еще лучший враг.

Через пару секунд телефон с силой стукнулся о стену, да так, что тяжелая дубовая дверь содрогнулась.

Я приоткрыла громко скрипнувшую дверь. Макс все еще сидел за столом. Он опустил лоб на сплетенные пальцы. Услышав мои шаги, он мгновенно поднял голову, а потом вскочил.

Я открыла дверь шире и вошла. Его телефон разбился вдребезги: экран треснул, батарея валялась на полу. Я посмотрела на Макса. Стиснув зубы, он посмотрел на меня.

– Тебя не было в постели.

Макс сложил руки на груди, упрямо не говоря ни слова.

– Я пошла искать тебя, – объяснила я.

Его плечи поникли, он положил ладони на стол.

– Мне не спалось, – наконец ответил он.

Я ждал, что он скажет дальше. Но он молчал.

– Все в порядке? – осторожно спросила я, делая еще один шаг в его сторону.

– Абсолютно. – Он отвернулся и принялся перебирать на столе бумаги. – Просто одна фигня по работе.

Я кивнула и постучала пальцами по столу.

– Разумно. Ведь, как известно, всякая фигня по работе случается именно в два часа ночи.

Его пальцы едва заметно сжали бумаги.

– Да, – сказал Макс.

– Не хочешь сказать, что на самом деле происходит?

Макс устало потер лицо.

– Нет, Наоми. Не хочу.

– Я слышала, как ты говорил с ним.

– Я так и понял.

Я подошла к нему и прислонилась к столу.

– Тогда зачем врать?

Он опустил в рабочее кресло – его пальцы впились в подлокотники – и посмотрел на меня.

– Как ты думаешь, почему?

Я спокойно посмотрела на него.

– Почему он позвонил?

Макс закрыл глаза и потер переносицу.

– Вот черт... – пробормотал он.

Резко встав, он шагнул к окну и, упершись ладонями в раму, выглянул на улицу. Его сильные плечи опустились. Спина ссутулилась. Его

тренированное тело могло дать отпор любому нападавшему, оно внушало страх даже самым большим задирам, но он был вынужден сидеть сложа руки и смотреть, как отец Ланы проскальзывал сквозь его пальцы. Я знала, что это давит на него, но не думала, что настолько сильно.

Я обняла его за талию и уткнулась лбом ему в спину. Мы с минуту стояли молча.

– Он в панике, – сказал Макс. – Он знает, что теряет контроль, поэтому, чтобы добиться своего, начинает наезжать на людей.

– Скажи мне правду.

Он поднял голову и посмотрел в окно на мое отражение.

– Я говорю тебе правду.

Но были и другие, еще не озвученные правды. Он и я, мы оба знали это.

– Ты в опасности?

Он открыл рот, но я перебила его:

– Не пытайся щадить меня, скрывая от меня правду. Просто будь честным.

Макс обернулся. Я продолжала обнимать его. Взяв мое лицо в ладони, он медленно произнес:

– Нет, я не в опасности. И мне наплевать на Майкла. Когда человек напуган, он совершает ошибки. Теряет осторожность.

Он поцеловал меня. То ли чтобы заставить меня замолчать, то ли чтобы снять возникшее напряжение, – не знаю. Он вложил в этот поцелуй все, и я это все приняла.

Мы вернулись в кровать и снова занялись любовью. Теперь мы не торопились, упивались каждым прикосновением, каждым поцелуем. Но как бы мы ни старались, чтобы наши тревоги исчезли, ничего не получалось.

Наши страхи маячили рядом с нами до конца ночи.

24. Правда и спокойствие

– Похоже, этот снег будет идти вечно, – говорю я.

Мои губы в нескольких дюймах от окна. От моего дыхания запотевают стекло.

Солнце наполовину скрыто тусклыми серыми облаками. И все же ему удается отражаться от снега, и он искрится.

Мне никто не отвечает. В комнате отдыха все погружены в собственные мысли, проблемы и боль. У каждого своя история. Я отвожу глаза от улицы и осматриваюсь.

Напротив меня сидит женщина. Та самая, что сидела рядом с Притворной Мамашей во время сеанса групповой терапии. Она смотрит на улицу. Она не открывала рта с тех пор, как села, а это было три часа назад.

Ни улыбки.

Ни слез.

Ничего.

Я хочу услышать ее историю. Хочу понять, что привело ее сюда. Я могу гадать весь день, но уверена, что никогда не узнаю правду.

Я выдыхаю и барабаню пальцами по столу. Здесь тихо, но это не очень хорошо. От подобной тишины болят уши. Время тянется мучительно медленно, отчего кажется, что в любую секунду можно сойти с ума.

– Нам отсюда никогда не уйти, – небрежно замечаю я. Женщина не говорит ни слова, но я продолжаю наш односторонний разговор: – Мы все здесь только теряем время. И никогда не сможем его вернуть.

Она моргает и называет меня сумасшедшей, но я думаю, это просто способ показать, что она слушает. Мне кажется, она согласна со мной.

– Что у вас там? – спрашиваю ее я.

Нет ответа.

– У вас есть семья? Вас ждут друзья?

Она медленно мигает. Я устала пытаться расшифровать ее моргания и поэтому сдаюсь.

Мы сидим молча.

– Бог предлагает каждому разуму выбор между истиной и покоем. Возьми то, что пожелаешь, – у вас никогда не будет и того и другого.

Я поворачиваю голову. Притворная Мамаша сидит за столом напротив меня и смотрит на своего гребаного пластикового пупса.

– Что?

– Это сказал Ральф Уолдо Эмерсон, – говорит она, лаская пластиковую щеку малыша. – И он прав. Мы не можем иметь и то и другое. Мы должны выбрать что-то одно.

Я поворачиваюсь на стуле. Моя спина касается стены. Я складываю руки на груди.

– И вы считаете, что нам всем хочется и того и другого?

– Как вам сказать... – медленно говорит она. – Мы все еще здесь, не так ли?

От ее слов мое сердцебиение замедляется. Я глотаю застрявший в горле комок.

– И давно вы здесь? – спрашиваю я.

Она смотрит на меня. Ее ярко-голубые глаза словно прожигают меня насквозь. Пусть она чокнутая, но я вижу знание, до которого далеко моему собственному. Знание, которое могут дать только опыт и боль.

– Три года, – говорит она.

Это место – эта тюрьма – ее дом.

– Большинство проводят здесь всего несколько месяцев. Они прекращают бороться со своими истинами. Они принимают их такими, какие они есть, и уходят отсюда.

Я поднимаю голову. Мне не нравится, куда идет разговор.

– А вы? – спрашиваю я. – Где ваша истина?

Она указывает на окно.

– Где-то там. Три года назад она была мне не нужна. Не нужна и сейчас.

Я сажусь на своем стуле прямо. В двух шагах от меня человек, которым я боюсь стать. Я не хочу быть запертой в Фэйрфаксе до конца моих дней. Я не дам этому случиться.

Притворная Мамаша многозначительно улыбается и наклоняется ближе ко мне. Я откидываюсь назад.

– Твоя правда тоже где-то там, не так ли? – говорит она.

Я встаю. Мой стул громко скрипит. Притворная Мамаша смотрит на своего ребенка. Но вместо того, чтобы спеть пластиковому пупсу нежную колыбельную, она поет старый гимн, от которого у меня по спине пробегает озноб.

Она окончательно чокнулась. Все вокруг меня чокнутые.

Я медленно выхожу из комнаты и, оказавшись в коридоре, ускоряю шаг.

Я не такая, как они.

Я это точно знаю.

Дверь со стуком захлопывается за мной. Я быстро оглядываю комнату. Отца Ланы сегодня здесь нет.

Я шагаю и представляю себе замерзшую сосульку, все еще свисающую с хилой голой ветки. Несмотря на мороз и сильный ветер, она отказывается падать.

Я падаю на кровать и смотрю в потолок.

– Ты не сумасшедшая, – громко говорю я. – Ты здесь не на всю жизнь.

Я судорожно втягиваю в себя воздух.

– Ты не одна из них.

Мне кажется, что я, наконец, начинаю понимать, сколько времени потеряла. Я знаю, что оно прошло мимо меня, но понимание в конце концов сокрушает и давит меня, словно товарный поезд.

Я могу мечтать. Могу представлять себе разные образы и надеяться, но это ничего не изменит. И самое страшное – то, что я знаю... *знаю*, что в этой истории есть что-то еще. Еще один поезд несется прямо на меня на бешеной скорости. Тем не менее я его не вижу. Лишь слышу, как слегка содрогается земля. Как рельсы дребезжат под моими ногами. Слышу его пронзительный свисток.

Но я не могу сдвинуться с места. А могу лишь надеяться, что умру в считанные секунды, когда он собьет меня.

– Я не сумасшедшая, – повторяю я. – Я не сумасшедшая. Я не сумасшедшая...

25. Отмотаем время назад

Той ночью мне не снится Лахлан. Или Макс.

Мне снится Лана.

Ей двенадцать. Ее длинные, до пояса, волосы заплетены во французскую косу. Она только что закончила есть и помыла свою тарелку. Ее учитель придет через десять минут. Каждый день в запасном кабинете наверху у них были уроки. Сначала общественные науки, затем Лана переходила к математике. Затем небольшой обеденный перерыв, а после него – час тихого чтения. И, наконец, последние два урока – английский и физкультура, но последнюю Лана воспринимала как дополнительное время, чтобы покататься на лошади.

Некоторым ее жизнь может показаться смехотворно скучной. Но она любила свой простой распорядок дня.

Она стряхнула тарелку, выключила воду и поставила тарелку на сушилку. И в этот момент почувствовала его. Он шел к ней.

Она тотчас окаменела. Ее мускулы напряглись, она могла только смотреть прямо перед собой. Она машинально считала кафельные плитки за мойкой. Отец стоял позади нее. Прижавшись к ней, он провел пальцами по ее косе.

«Сорок пять, сорок шесть...» – неслышно говорила она, скользя глазами по каждой гладкой плитке. Квадратные кусочки были совсем маленькими. Она могла считать их днями.

– Какие красивые волосики, – сказал он.

«Шестьдесят пять, шестьдесят шесть», – продолжали шептать ее губы. Ее руки дрожали, но она стояла неподвижно, ожидая, когда отец умолкнет и перестанет ее трогать.

Она ждала, но он по-прежнему стоял у нее за спиной.

– У тебя перемена в одиннадцать тридцать, ведь так? – спросил он.

Его дыхание коснулось ее кожи. Запах табака и кофе. Не очень приятная смесь.

«Семьдесят один, семьдесят два, семьдесят три...» Из-за этого запаха она тотчас сбилась со счета. Сердце было готово выскочить из груди. Легкие начали сжиматься, она начала задыхаться. Мысли путались в ее голове.

– Лана?

Она сглотнула.

– Да, в одиннадцать тридцать.

– Хорошо. – Он отступил назад. – Тогда увидимся.

Он ушел. Было слышно, как за ним закрылась задняя дверь. Лана тяжело привалилась к мойке, чувствуя облегчение от того, что он ушел, и в то же время страшась того момента, когда он вернется.

Я открыла глаза.

Двенадцатилетняя Лана наклонилась надо мной. Ее глаза покраснели от слез. Коса распущена, пряди волос болтаются вокруг лица. У нее розовая рубашка в цветочек. Джинсы, слегка подвернутые, с меловыми отпечатками пальцев.

Она – настоящий ребенок. За исключением глаз. Они на десять лет старше.

Мои пальцы сжимают край простыни. Она выдыхает, и в воздухе повисает легкий туман. Я ахаю и втягиваю в себя воздух, который она выдохнула.

– Ты все еще мне помогаешь? – шепчет она. Ее голос совсем детский и жутко испуганный.

– Конечно, – машинально отвечаю я.

Двенадцатилетняя Лана, похоже, мне не верит. Она смотрит на меня с сомнением.

– Помогу. Обещаю помочь!

Я сажусь и протягиваю к ней руки. Я хочу ее обнять. Хочу утешить. Заверить ее, что я сдержу свое обещание. Но мои руки хватают воздух.

Ее нет.

Я выпрыгиваю из кровати, словно она загорелась.

– Нет... – шепчу я. Я проверяю под кроватью. Ничего. Мои ноги подкашиваются. – Нет, нет, нет. Она была здесь. Она была здесь, – повторяю я.

В моей комнате ничего нет.

Ни Ланы.

Ни голосов.

Ни темных глаз в углу.

Я поворачиваюсь по кругу, вглядываясь в каждый дюйм комнаты. Все начинает вращаться. Меня охватывает нечто похожее на отчаяние. Я застываю на месте. Комната продолжает двигаться. Теперь здесь две кровати. И десяток стен. А вот Ланы нет.

Я провожу руками по волосам. С моих губ срывается стон.

– Прости, Лана, – шепчу я. – Я пытаюсь выбраться отсюда.

В комнате слышится только один звук. Это ветер стучит в окно. Я поворачиваю голову и смотрю на окно, словно оно – причина всех моих проблем.

Я злюсь. Злюсь на Фэйрфакс. На мою неспособность выбраться отсюда. На молчание Ланы.

– Я не сплю! – кричу я в моей маленькой комнате. – Я слушаю тебя! Почему ты не говоришь со мной?

Мои уши наполняет тишина.

– Приди и поговори со мной. Я слушаю! Пожалуйста, поговори...

Вспыхивает свет. Я оборачиваюсь. В дверях стоит Мэри и сердито смотрит на меня.

Недолго думая я бегу к ней.

– Здесь была Лана. – Дрожащим пальцем я указываю на кровать. – Она стояла надо мной и просила меня помочь.

Под взглядом Мэри мой голос дрожит. В ее глазах смешались жалость и разочарование. Что не предвещает ничего хорошего.

– Клянусь, она была здесь, – настаиваю я. – Была.

Руки Мэри ложатся мне на плечи. Она медленно ведет меня в сторону кровати.

– Конечно, была.

Я смотрю через ее плечо.

– Вы не верите мне?

– Верю.

– Неправда, – бросаю я ей. – Она показала мне, что с ней случилось в детстве, и это знак. Ей нужна моя помощь. Это был ее способ обратиться ко мне.

И вновь эта жалость и разочарование. Может, я вправду ненормальная? Может, мне и вправду место здесь? Мои ноги слабеют. Я падаю на пол. Мои колени сгибаются.

Мэри не зовет на помощь. Она тихо садится рядом со мной. Сквозь пелену слез я вижу, что она вытянула ноги, а руки сунула в карманы.

Она дает мне выплакаться. Не знаю, почему она сидит здесь со мной и что собирается делать, но я благодарна, что она не ушла. Ее безмолвная поддержка делает свое дело. Я перестаю плакать.

– Здесь так много людей, – говорит Мэри. – У каждого своя жизнь и своя история. Одна другой хуже. Я не знаю твою историю, но знаю, что она плохая, и знаю, что тебе страшно. – Она наклоняет голову и по-матерински смотрит на меня. – Наоми, я не хочу, чтобы Фэйрфакс стал твоим домом. Ты заслуживаешь большего. Ты достойна хорошей жизни, потому что

жизнь у тебя одна. – Она поднимает палец. – Всего один шанс. Никакого возврата назад. Что было, того не переделать, как бы сильно нам этого ни хотелось. – Она похлопывает меня по плечу. – Так пусть у тебя будет достойная жизнь.

Мы сидим молча. Нас окутывает тишина. Поступив сюда, я решила, что Мэри – холодная, бездушная медсестра, которой наплевать на все, что случилось со мной.

Теперь я понимаю, что была неправа. И я прижимаюсь плечом к ее плечу.

– Спасибо, – шепчу я.

Она улыбается. Ее рука исчезает с моего плеча, и она встает.

– Куда вы идете? – спрашиваю я.

Мне нравится ее общество. Мне нравятся ее слова. Я не хочу отпускать ее от себя.

– Тебе нужно принять что-то, чтобы уснуть, – говорит Мэри.

Она уходит. Я сижу тихо. Вытягиваю ноги, совсем как Мэри. У меня нет карманов, поэтому я складываю руки на груди. И не двигаюсь. Я надеюсь, что, если подражать ее движениям, часть ее силы перейдет ко мне.

Но она не переходит.

Мэри возвращается через пару секунд. Таблетки в одной руке, стаканчик с водой – в другой. Она протягивает их мне.

– Вот, возьми.

И я тупо беру. Мэри помогает мне встать. Я снова ложусь и жду, когда таблетки сделают свое дело.

Мэри идет к двери и, прежде чем ее закрыть, тихо говорит:

– Спи спокойно.

Я поворачиваюсь на бок и смотрю на стену. Разве она не знает? Я не сплю. Я предаюсь грезам.

26. Белый домик

Я не видела Лахлана уже год.

Казалось, жизненные силы медленно покидают меня. Большую часть времени я чувствовала, что ничего не стою, как тот пенни, валяющийся на тротуаре. Когда такое случалось, я инстинктивно обращалась к Лахлану. Но его не было рядом. Ощущение возникало такое, будто мне не хватает какой-нибудь конечности.

Прошлым летом он один раз приехал домой на выходные. После окончания колледжа он перестал приезжать домой на каникулы. А если и приезжал, то крайне редко, за что я на него обижалась. Мне было грустно. Я ревновала. Мне хотелось, чтобы он всегда оставался со мной. Но у него шла стажировка, я это знала. Он много работал. Он зарабатывал сам и экономил каждый доллар.

– Не злись, малышка, – сказал он мне как-то раз.

Малышка. Когда мне было десять, мне это прозвище нравилось, но теперь я начинала его ненавидеть. Я скрестила руки на груди и посмотрела на него.

– Ты не мог бы придумать для меня что-то новенькое? Я официально переросла «малышку».

Он пристально посмотрел на меня.

– Но я привык тебя так называть!

– А теперь зови как-нибудь по-другому... например по имени.

Он пожал плечами и отвернулся. Через полчаса он уже садился в машину, чтобы вернуться на работу, в свою квартиру, в свою холостяцкую жизнь. Мне было больно думать, что моя жизнь вновь сведется к электронной почте, эсэмэскам и звонкам.

Я смотрела, как он уезжает, и мне казалось, что я простояла здесь все триста шестьдесят пять дней, ожидая его возвращения.

И вот теперь он был здесь. Наконец.

Натянув поводья лошади, я наблюдала за ним. Он повернулся ко мне спиной, разговаривая со своим отцом. Мне тотчас захотелось окликнуть его, но я держала рот на замке.

Я попыталась представить, что он увидел бы, окликни я его по имени. Юную Наоми с косичками, свисающими на спину, и поцарапанными коленками? Или же меня такой, какая я сейчас? Никаких косичек. Выше ростом. Длинноногая. Моя грудь, на которой раньше торчали два прыщика,

превратилась в два соблазнительных холмика. Глаза, некогда слишком большие для моего лица, теперь были в самый раз. Скулы, которые раньше, как мне казалось, слишком сильно выступали вперед, теперь придавали моему лицу изящный абрис. Глядя на себя в зеркало, я видела перед собой симпатичную девушку.

Я знала: Лахлан тоже неизбежно изменится. Но он выглядел даже лучше, чем я могла себе представить. Его плечи стали шире. Его волосы подстрижены короче. Длинные пряди на макушке взъерошил ветер. При виде Лахлана у меня так защемило сердце, что я испугалась, что оно сейчас разлетится на миллион осколков. Я тотчас поклялась себе, что не позволю, чтобы он вновь уехал от меня надолго.

Когда же он, скрестив на груди руки и откинув голову назад, громко рассмеялся, я не смогла больше сдерживать свою радость.

– Лах! – крикнула я.

В следующую секунду я соскочила с лошади и бросилась к нему. Ветер трепал мои белокурые волосы, но мне было все равно. Все равно, что мои щеки покраснели от холода. Ничто из этого не имело значения, потому что он, наконец, вернулся.

Лахлан обернулся ко мне, сияя улыбкой. Мое сердце сделало сальто, и я улыбнулась в ответ. Но как только я подошла ближе, его улыбка начала тускнеть. Он смотрел на меня, нахмутив брови. Когда же я остановился перед ним, он ничего не сказал. Лишь смотрел на меня, словно никогда не видел раньше.

– Это ты, малышка? – наконец сказал он.

Я запрокинула голову, чтобы взглянуть на него, и нахмурилась. Я не сказала ему и пары слов, но между нами что-то уже было не так, как раньше.

– Перестань называть меня так.

На его лицо вернулась слабая улыбка, но какая-то вымученная. Неестественная.

– Ты стала другой.

– Я выросла, – сказала я.

– Верно, – согласился он.

Я и не представляла, что нам будет так трудно говорить друг с другом. Мне казалось, что мы просто продолжим наш разговор с того, на чем остановились в прошлый раз. Но прошлый раз был давно. Очень давно. Между нами повисло молчание, которого никогда раньше не возникало. Я хотела, чтобы оно ушло. Я его ненавидела.

– Я так рада тебя видеть, – выпалила я.

Я не стала спрашивать разрешения. Я шагнула вперед и обняла его за талию. Лахлан на секунду напрягся, но затем его руки робко обвились вокруг моих плеч. Мы стояли, обняв друг друга. Сколько раз я мечтала прижиматься к нему и не отпускать его! Он и раньше обнимал меня, но это всегда было дружеское объятие, больше похожее на похлопывание по спине. Но прошло несколько секунд, а его руки все еще обнимали меня. Бабочки, которые раньше порхали в моем теле всякий раз, когда он был рядом, исчезли. Вместо этого каждый клочок моего тела, прижатого к Лахлану, словно пронзало током. Кончик моего носа коснулся его горла, и я сразу ощутила его запах. Запах улицы, смешанный с одеколоном. Пьянящий аромат будил во мне прошлое, напоминая, что объятия Лахлана были для меня домом. Я крепко сжала его куртку.

Когда дело касалось Лахлана, мое воображение не знало границ. Я выдумывала самые безумные сценарии того, как он внезапно влюбится в меня. Он скажет мне, как сильно меня любит. А затем поцелует меня. Этот поцелуй затмит все случившиеся раньше поцелуи и прикосновения, как будто их и не было. На этом мое воображение всегда ставило точку. Но в эти мгновения мой разум предлагал мне сценарии, включавшие в себя нечто большее, чем поцелуи. Мои руки, обнимавшие его талию, непреднамеренно прижимали его ближе. Мои груди прижимались к его телу, и я чувствовала между ног тепло. Все равно что чиркнуть спичкой: только что ничего не было, а в следующий миг не стало ничего, кроме света и тепла.

Я напугалась так, что поспешила отстраниться. Лахлан смущенно посмотрел туда, где я стояла всего несколько секунд назад, затем откашлялся и огляделся по сторонам.

Нас разделяло всего несколько дюймов. Я сделала шаг назад.

– Расскажи мне все! – пискнула я. – Как твоя новая работа? Когда ты вернешься в Маклин?

Так много вопросов. Я была не в силах сдерживаться, мне хотелось знать обо всем. Лахлан всегда поддерживал со мной связь по электронной почте. Но его письма были короткими. Спокойными. Они не шли ни в какое сравнение с личными встречами, где он всегда подробно рассказывал о своих друзьях, о колледже, о том, что видел и что показалось ему смешным.

Я жила благодаря этим историям.

Под залпом моих вопросов плечи Лахлана заметно расслабились.

– Моя новая работа – скука смертная. По сути, я мальчик на побегушках с крошечной кабинкой в качестве «офиса». И мой «офис»

прямо рядом с одним парнем. Кажется, его зовут Дарин. Он жуткий трудоголик. Наводит на меня ужас. Клянусь, он делает это нарочно, чтобы у меня снесло крышу.

Я рассмеялась.

– Это по-прежнему звучит захватывающе. Даже с Дарином Жутким Трудоголиком.

Он немного помешкал, прежде чем положить мне на плечо свою тяжелую руку. Он делал это постоянно, чисто по-дружески. Но теперь мои груди были прижаты к его животу, и жар его тела мгновенно согрел меня. Покалывание вернулось. Он снова откашлялся.

– Тебе что ни расскажи, все звучит захватывающе, – усмехнулся Лахлан. – Скажи я тебе, что завтра мне будут пломбировать корневой канал, и ты запрыгаешь от волнения и восторга.

Пока мы шагали к веранде на заднем дворе, я искоса посмотрела на него. Когда мы с ним пошли вперед, моя рука неловко висела вдоль бока. Я рискнула протянуть ее и коснуться Лахлана, как он касался меня. Я обняла его за талию.

– А что касается возвращения в Маклин, то вряд ли это когда-либо случится.

Я резко повернула голову.

– Почему?

– Этот мир не сводится к одному Маклину. Он гораздо больше и шире. Поверь мне. Покинув дом, ты уже никогда не вернешься.

Я бодро кивнула, впитывая слова Лахлана, как губка. Но ему не нужно было дважды говорить мне о том, что он не вернется в Маклин. У меня самой не было желания оставаться здесь, но какая-то часть меня боялась того, что ждет меня за его пределами.

– А как ты сама? Что нового в твоей жизни? – спросил Лахлан.

– Ты уже знаешь, – напомнила я. – Я в каждом электронном письме рассказываю тебе, что делаю.

Он кивнул.

– Но ты все еще пишешь?

– Да.

– Это здорово, – сказал он с очередной натужной улыбкой.

«Где мой Лахлан? Где ты?» – едва не выкрикнула я.

Он говорил со мной, но его голос звучал натянуто, что тотчас вселило в меня тревогу. Мне не понравилась эта его... неловкость. И я не знала, что с этим делать.

Я отстранилась от него. Его рука больше не лежала на моем плече.

Мне стало холодно и одиноко.

– Мне пора домой, – сказала я и, опустив голову, поддала мыском камешки на земле. – У нас на ужин приглашены гости.

Я подняла глаза. Лахлан пристально смотрел на меня. Но это был другой взгляд. Тот, какого я никогда не видела. Он всегда смотрел на меня с улыбкой, словно все, что я делала, его забавляло. Теперь он был задумчив, как будто сомневался во мне.

– Но ведь мы еще встретимся сегодня вечером, верно? – спросила я.

И вновь эти насупленные брови. Его плечи напряглись, а сам он отступил от меня.

– Да, сегодня вечером, Наоми, – кратко ответил он.

Я увижу его позже. Как и все остальные миллионы раз, когда я видела его, но теперь все будет иначе.

Я зашагала к своей лошади, мысленно прокручивая на ходу наш разговор. Я так погрузилась в свои мысли, что даже не обратила внимания, что он, наконец, назвал меня Наоми.

* * *

– Куда, черт возьми, мы идем?

– Наберись терпения, – сказала я. – Мы уже почти пришли.

– Но ведь идет проливной дождь. Лично я намерен вернуться домой.

Я даже не удосужилась обернуться.

– Даже не думай. Просто иди себе дальше.

В нескольких милях от наших домов, спрятанный в листве дубов, стоял белый домик, который был полностью моим.

Я случайно набрела на него несколько месяцев назад.

Был ясный, солнечный день, и я краем глаза заметила, что за стволами дубов что-то белеет. Я углубилась в лес и прошла, как мне показалось, несколько миль, прежде чем деревья, наконец, поредели. Землю устлали старые листья и ветки, а передо мной стоял полуразрушенный дом. Белая краска облупилась. Передняя веранда просела. Несколько окон были разбиты или просто заколочены. Один сильный порыв ветра – и эта постройка рухнет в считанные секунды. Но мне дом показался удивительным. Он обладал чудесными возможностями. Подумаешь, что он почти разрушен. Я преисполнилась решимости все исправить. Вечером я написала Лахлану электронное письмо, в котором описала дом. В ответном письме он пошутил, что это похоже на место действия фильма ужасов.

Сегодняшним вечером я решила доказать, что он не прав. Это место стало моим личным убежищем. Я видела красоту этого дома, каким он был до того, как непогода и забвение едва не превратили его в руины.

Я видела свежий слой белой краски, новую веранду, новые окна и цветы вокруг дома. Я видела симпатичный белый домик, каким он был раньше.

Раздвинув мокрые ветви деревьев, я шагнула на поляну и поводила по дому лучом фонарика.

– Вот он, – вздохнула я.

Лахлан застыл рядом со мной, глядя на дом. Пару секунд он молчал, а затем направил на дом луч своего фонарика. Прищурившись, он придирчиво разглядывал представшую его взору картину.

– Не так уж плохо, – наконец сказал он.

Я довольно улыбнулась.

– Согласись, это ведь круто?

– Неким жутким образом, да.

Дождь не прекращался. Его капли падали на мою куртку, пропитывали влагой волосы, прохладными ручейками стекали по щекам. Не обращая на это внимания, я шагнула ближе к дому.

– Как ты думаешь, мы первые, кто его нашел?

Лахлан подошел ближе.

– Сомневаюсь. Окна не могли сами себя забить досками.

– Я не об этом. Я это к тому, что он, похоже, стоял здесь долгие годы, и никто из нас о нем не знал!

– Уж не хочешь ли ты мне сказать, что решила стать одним из тех риелторов, что повсюду водят носом в поисках разрушенных домов, покупают их по дешевке, а потом перепродают втридорога?

Я пожала плечами и улыбнулась ему.

– Кто знает.

Он посмотрел на меня со странным выражением лица.

Всю поездку я старалась вести себя естественно, делала вид, что между нами нет никакого напряжения. Но этот его взгляд разрушил все мои усилия. Прежние Наоми и Лахлан исчезли. Куда бы они ни подевались, они так хорошо спрятались, что я сомневалась, что мы когда-нибудь найдем их снова.

Обычно рядом с Лахланом я не закрывала рта и трещала без умолку. Какая-нибудь простенькая тема вела к разговору, который делился пополам и продолжал умножаться, пока не переходил на совершенно иную тему, чем та, с которой мы начали. Теперь же я отчаянно силилась придумать, что бы

еще такого сказать.

– Я рада, что ты вернулся, – наконец произнесла я. Лахлан улыбнулся, хотя и довольно натужно. – Тебя ведь не было уже давно.

Я направила луч фонарика на влажную землю и поводила им взад-вперед, пока пятно света не размылось.

– Электронная почта, конечно, хорошо, но видеть тебя рядом еще лучше.

– Хочешь сказать, что скучала по мне?

Я на секунду посветила фонариком себе в лицо. Хотела, чтобы он увидел искренность в моих глазах.

– Ты ведь знаешь, что я скучала по тебе. Зачем спрашиваешь?

– Я тоже по тебе скучал.

Я не видела его лица, но услышала в его голосе честность и увидела кусочек старого Лахлана. Того, что весь день мыслями был далеко от меня.

– Лахлан... – Я отвела взгляд.

– Что? – Он выключил фонарик и шагнул ближе. – Почему ты только что так странно произнесла мое имя?

– Это как же?

– Прекрати, я ведь за эти годы изучил тебя как свои пять пальцев. – Он пристально посмотрел на меня. Я молчала. – Ты не веришь, что я скучал по тебе?

– Интересный, однако, способ это показать. Ты почти не бываешь дома.

– Это так важно?

– Важно, что тебя не было триста шестьдесят пять дней! – крикнула я. – Не неделю и не месяц. Целый год!

Он изумленно вытаращил глаза и даже присвистнул.

– Ведешь счет?

К этому моменту я уже задыхалась.

– Каждый день.

– Мы поддерживаем связь, – возразил он. – Я разговариваю с тобой почти каждый день.

– Одной электронной почты мало.

– Если ты так думала, то почему не сказала мне? – быстро парировал он. – Ты должна была написать: «Лахлан, одной электронной почты мало. Приезжай домой. Я скучаю по нашим встречам».

– Лахлан! – крикнула я. – Одной электронной почты мало. Приезжай домой. Я скучаю по нашим встречам!

Он удивленно посмотрел на меня.

- Что на тебя нашло?
- Ничего. Я всегда чувствовала именно это.
- Нет, ты изменилась. Ты стала...
- Какой? – уточнила я. – Горластой? Старше?

Лахлан молча смотрел на меня. Он видел другую меня. Ту, что не боялась говорить то, что думала, не боялась говорить правду. Но всему свой предел. Можно носить в себе многое, но до тех пор, пока вы не почувствуете, что должны выпустить на волю собственные слова, чтобы не взорваться.

Я открыла рот.

– Я...

Смогу ли я это сделать? Смогу ли сказать ему, что я чувствую? Но ведь как только скажу, я не смогу забрать свои слова обратно.

– Я люблю тебя! – крикнула я. Мои чувства, так хорошо скрытые, всплыли на поверхность. Лахлан оторопел. – Я знаю, что не должна. Я прекрасно это знаю. Но я ничего не могу с собой поделать! – Я в отчаянии вскинула руки. – Но что мне делать? Я хочу тебя, хотя знаю, что не должна.

Я выключила фонарик и несколько раз перебросила его из руки в руку, ожидая, когда он мне ответит. Казалось, прошли годы, прежде чем Лахлан, наконец, заговорил.

– Неправда, – сказал он. Он выглядел почти напуганным.

– Правда, – прошептала я.

Он был старше. Из нас двоих мир автоматически признавал за ним умудренность по части любви. Но мир ошибался. Я знала лучше. Я знала, что любовь – это паутина. Стоит попасться в нее, как из нее уже не вырваться.

– Неправда, – повторил он.

Я печально улыбнулась. Что еще я могла сделать?

Лахлан потер глаза и простонал, а потом повернулся к деревьям. Я уставилась ему в спину. Его пальцы были переплетены, руки закинута за голову.

Он обернулся.

– Мне кажется, ты запуталась в себе, – сказал он с видом знатока.

Он еще не закончил говорить, как я уже помотала головой.

– Я прав, – продолжил он. – Это просто легкая влюбленность. Увлечение, которое длилось все эти годы.

– Ты ошибаешься.

– Нет, я прав.

Он шагнул ближе, и я увидела в его глазах замешательство. А потом он

наклонился ко мне. Низко-низко, как никогда не делал раньше. Его дыхание щекотало мою кожу. Я не могла упустить такой момент. Я посмотрела на него. В смысле так, как никогда не смотрела раньше. Вода стекала по его лицу и, огибая одну скулу, падала ему на куртку. Его ресницы стали остроконечными. На щеках темнела щетина. На кончике носа повисла капля воды, которая затем упала в канавку над верхней губой и потекла вниз. Прежде чем я увидела, как капли воды исчезли между его губ, он поцеловал меня. Почувствовав на губах бусинку воды, я мгновенно закрыла глаза.

И хотя я сильно промокла, моя кожа горела огнем. Кровь с ревом помчалась по моим венам. Я не могла оторваться от него, как будто от этого зависела моя жизнь, потому что Лахлан Холстед наконец-то поцеловал меня.

Думаю, он сделал это лишь из убеждения, что это единственный способ остудить мой пыл. Для него в этом поцелуе просто встретились две пары губ, в нем не будет никакой страсти и через несколько секунд он закончится.

Но это был не просто поцелуй.

Все остановилось: время, дыхание, мой разум.

Я чувствовала лишь одно – то, как его губы прижались к моим. Он не отрывал их, но и не впивался в мои сильнее. За что я была ему благодарна, потому что даже такой простой контакт заставлял все мои остальные ощущения бледнеть и меркнуть. Но когда я протянула руку, чтобы обнять Лахлана, он отстранился.

Все тепло его губ в мгновение ока исчезло. Меня словно окатили холодной водой. Я приоткрыла глаза и, качнувшись, наткнулась на него. Он как ужаленный отскочил назад.

Мы молча стояли, тупо глядя друг на друга. Я пришла в себя первой.

– Сделай это еще раз.

Лахлан ничего не сказал, лишь растерянно заморгал под проливным дождем.

– Сделай это еще раз.

Я не могла оторвать глаз от его губ.

– Нет.

– Прошу тебя. – Я шагнула ближе. – Поцелуй меня. Покажи мне, как это делается.

Он отпрянул назад, а затем отступал все дальше и дальше, пока не прижался спиной к дереву. Я видела, что он колеблется, и видела его желание. Оно не было плодом моего воображения. Зрение мне не изменяло.

– Мы оба знаем, что зря это сделали, – выдавил он через силу.

– Неужели? – прошептала я.

Лахлан вздрогнул, словно я ударила его.

Я же, застыв неподвижно, как статуя, ждала, что он станет делать дальше.

Он закрыл глаза и судорожно вздохнул. Он явно боролся с самим собой. И я уловила момент, когда он проигнорировал ту свою часть, которая сдерживала его. Мой пульс участился. Он наклонился ко мне. На этот раз его губы не просто коснулись моих. Они двигались, как будто изучали меня.

Я последовала его примеру, погнавшись за его дыханием. По сравнению с холодным дождем его губы были теплее и мягче, чем я ожидала. Мое сердце стучало так сильно, что казалось, оно вот-вот вырвется из груди. Я слегка отстранилась. Кончик его носа коснулся моего. Его губы были на волосок от моих. Взгляд его излучал силу, говоря мне, что не отстранись я от него, наш поцелуй продолжался бы долго. Я сглотнула застрявший в горле комок.

– Ты учил меня никогда не доверять парням, – сказала я дрожащим голосом.

– Тебе следовало меня слушать, – ответил он, почти касаясь моих губ.

И мы снова слились в поцелуе, более страстном, чем предыдущий.

Его пальцы погрузились в мои мокрые волосы. Мои руки сами потянулись вверх и обхватили его шею. Я вцепилась в него, словно он был моим якорем, моей последней надеждой на спасение. Я стояла на цыпочках. Мои локти лежали на его плечах, и я схватила свой капюшон и натянула его над нашими головами. Я так долго ждала этого поцелуя и ни с кем не хотела делить Лахлана. Даже с дождем.

Его струи падали вокруг нас, стучали по моему капюшону. Лахлан осторожно наклонил мою голову набок. Поцелуй сделался более жадным. Ощувив на губах его язык, я открыла рот. Лахлан что-то пробормотал, и я ответила ему легким поскуливанием. Я не знала, правильно ли я делаю то, что делала. Просто следовала тому, отчего мне становилось хорошо.

Мой язык робко коснулся его языка. Лахлан придвинулся ближе. Я чувствовала его сквозь джинсы. Я шумно дышала через нос.

Тяжело дыша, он резко отстранился от меня и уперся лбом в мой лоб.

Мы не проронили ни слова.

27. Быстрый старт

Очередное утро.

Очередной день в кабинете доктора Ратледж.

Прежде чем она спросит меня, как я и что случилось дальше, мой рот уже открыт, и слова льются из него рекой...

28. Счастье

– Мне нравится, что у тебя получилось.

– В самом деле? – спросила Лана.

Я повернулась и улыбнулась ей.

– В самом деле.

Я обошла гостиную, разглядывая всякие мелочи, которые Лана расставила по всей квартире, чтобы сделать пространство своим. Оказывается, в магазинах подержанных вещей можно найти что-то стоящее. Или же у Ланы просто хороший вкус. Она выбрала вещи, которые сами по себе выглядели бы старыми и безобразными. Но все вместе они прекрасно гармонировали друг с другом.

Тут стоял большой, светлый книжный шкаф, а в его нише – телевизор и музыкальный центр. Удобный коричневый диван с большим зеркалом в позолоченной раме на стене позади него. И повсюду, где только можно, цветы. На кухонном столе, в гостиной. Настоящие или искусственные. Для Ланы это не имело значения. Я спросила ее, почему их так много. Она сказала, что когда смотрит на цветы, ее настроение мгновенно поднимается.

Лана посмотрела на подушку, лежавшую на коленях, и сняла с нее нитку.

– Мне понравилось выбирать вещи.

– А мне было весело ходить с тобой по магазинам и помогать тебе выбирать. – Устроившись на диване, я посмотрела на нее.

– У тебя все хорошо? – спросила я.

– Да. Все в порядке.

Это ее обычный ответ. Каждый раз, когда она это говорила, ее голос был лишен каких-либо эмоций. Но сегодня я услышала в нем волнение, увидела в ее глазах крошечную искру надежды.

Она поджала колени к груди и наклонилась, словно делилась секретом.

– Я записалась на онлайн-курсы в колледже, – призналась она.

– Замечательно!

Лана пожалала плечами и отвернулась, чтобы я не видела заливший ее щеки румянец.

– Это не так много, но...

Я подняла ладонь в предостерегающем жесте.

– Немедленно прекрати. Не говори так. Это огромный шаг в

правильном направлении.

– Я знала, что ты так скажешь.

– А для чего нужны друзья?

Лана тепло улыбнулась.

– И все же я хочу поискать работу.

– Тоже неплохо, – осторожно согласилась я.

Ей непременно нужно было действовать так, как она хочет. Конечно, я могла до посинения подталкивать и уговаривать ее, но в конечном итоге окончательный выбор оставался за ней.

– Думаю, да, – сказала она, проводя пальцами по диванной подушке. – Я думала о том, что ты сказала.

Я кивнула – мол, говори дальше, тебя слушаю.

– Вчера я трижды заходила в книжный магазин. Бродила между полок, глядя на кассу, и просто ждала, когда мне, наконец, хватит смелости подойти и спросить, можно ли к ним устроиться. Я всякий раз трусила, и теперь все, кто там работает, вероятно, думают, что я назойливая дурочка.

Она робко улыбнулась мне. Я нахмурила брови.

– Я же сказала, что помогу тебе с поисками работы.

– Знаю. Но я подумала, что чем раньше это случится, тем лучше. Я же не могу жить всю жизнь на свои сбережения.

– Что, однако, было бы здорово, не правда ли? – поддразнила я.

– Еще как! – согласилась она.

– Послушай... – задумчиво сказала я. – Прошло всего три недели. Ты только привыкаешь к своей новой жизни. Зачем торопить события?

– Сколько времени мне, по-твоему, понадобится?

– Не имеет значения. Это ведь не товар с ограниченным сроком годности. Просто не торопись, а там будет видно.

Она посмотрела на меня и тихо спросила:

– Как там Макс?

– Нормально.

Я не сказала Лане о разговоре, который подслушала между Максом и ее отцом. Не видела причин. У нее все хорошо, так зачем ей что-то знать? Скажи я ей правду, как весь прогресс, которого ей удалось достичь, разобьется вдребезги.

– Ты говорила с Лахланом? – спросила она.

Ее голос звучал беззаботно, но она буквально прожигала меня взглядом.

Я вышла на балкон и посмотрела на стоящие вокруг высокие здания. Мне не хотелось говорить о Лахлане. Он был призраком, которого

следовало отправить на покой. И все воспоминания о нем нужно похоронить вместе с ним. Но одно упоминание его имени вновь пробудило их: как мы с ним лежали на полу домика на дереве и говорили, говорили, говорили. И тот самый первый поцелуй, который перевернул мой мир с ног на голову.

Я закрыла глаза, пытаюсь заставить эти образы исчезнуть.

И тут же открыла глаза. Я стояла на прежнем месте. Все в той же квартире Ланы, но мой разум перенесся в прошлое. Я проглотила комок в горле.

– Нет.

– Ни разу?

– Ни разу, – повторила я сдавленным голосом.

– Это... так странно.

Я повернулась к подруге.

– Почему странно?

– Он был в твоей жизни последние десять лет.

– И?

– Просто странно, что ты стерла его из памяти.

– Я его не стирала.

Она наклонила голову.

– Тогда как ты назовешь то, что сейчас делаешь?

– Все изменилось, Лана.

– Я знаю это лучше, чем кто-либо другой. Но ты не можешь просто...

Мне свело живот судорогой боли. Я не была готова к этому разговору.

– Стоп! – крикнула я.

– В чем дело? – Лана слегка улыбнулась и даже махнула рукой. – Обычно это ты раздаешь советы и направляешь меня на путь истинный.

Так вот что она задумала? Она считает, что Лахлан – путь истинный?

– Можешь не стараться, Лана. У меня все хорошо, – тихо сказала я.

Мое дыхание участилось. Я скрестила на груди руки – это был единственный способ унять дрожь. Я не хотела ей грубить, но говорить о Лахлане тоже не хотела. Я громко выдохнула и взяла сумочку.

– Мне пора. Увидимся позже?

Лана пристально посмотрела на меня. Я на миг испугалась, что она увидит правду.

– Да, – медленно сказала она. – Увидимся позже.

Я поехала по Линкольн-роуд. Это был пятимильный отрезок, который вел к дому Макса. В открытое окно машины проникал запах дыма от костра. Было довольно пасмурно, но это не мешало каким-то детям играть во дворе с поливальной установкой. Я проехала мимо, мельком взглянув на них.

Все мои мысли занимал Лахлан. Я не ожидала, что Лана упомянет его имя. Мы почти никогда не говорили о нем.

Он пришел в мою жизнь в нужное время. И когда ушел, я знала, что тому есть причина. Но я также знала, что между нами еще не все кончено. Что рано или поздно он вернется.

Просто я не была готова.

Я въехала на подъездную дорожку перед домом Макса. Его машина стояла у гаража. На круговой дорожке припарковался серебристый «бимер». Не обращая внимания на шум крови в ушах, я сжала руль, пытаясь лучше разглядеть машину.

– Вот дерьмо, – прошептала я.

Это была машина отца Ланы.

Я остановилась рядом с машиной Макса. Мои руки по-прежнему сжимали руль с такой силой, что костяшки пальцев побелели. Я попыталась представить, что отец Ланы здесь забыл. Вдруг это что-то совершенно невинное, например по работе. Это имело значение: впрочем, любой сценарий заканчивался плохо.

– Дерьмо, – повторила я.

Первая мысль – развернуться и уехать прочь. Как можно дальше от отца Ланы. Но я решила поступить иначе: остаться. Я должна знать, о чем они говорят.

Я зашагала по тротуару. Ноги подкашивались. Я уже подняла руку, чтобы позвонить в дверь, но в последний момент остановилась. Теперь, когда я знала, что отец Ланы здесь, я хотела стать невидимой. Как тот шпион, который никем не замеченный проскальзывает в дом, а затем уходит прочь.

Я вошла в дверь и окинула глазами фойе. Люси, экономка Макса, как раз подходила к лестнице, держа корзину для белья. Заметив меня, она остановилась. Ее глаза буквально полезли на лоб. Ей было за пятьдесят. Ее каштановые волосы поседели на висках. Она приходила сюда три раза в неделю.

Прижав к губам указательный палец, я поманила ее к себе поближе.

– И давно они там? – прошептала я.

– Нет. Минут пять.

– Ладно. Хорошо. Я... – увидев выражение ее лица, я умолкла. Если что-то случится, она прикроет Макса. Я же – совершенно иное дело.

– Наоми, сейчас вас тут не должно быть, – прошептала она в ответ.

– Я всего на пару минут.

Я похлопала ее по плечу, ободряюще улыбнулась и на цыпочках подошла к двери кабинета Макса. Шаги Люси теперь звучали над моей головой.

Приложив ладони к двери, я прислушалась к разговору в комнате.

– Почему вы здесь? Вы сердиты, что ваша дочь ушла от вас? – Голос Макса звенел гневом. – Помогите мне понять, в чем дело. Скажите честно, что на самом деле происходит.

– Я знаю, что ты разумный человек, мой мальчик.

Я закрыла глаза и осторожно уперлась лбом в дверь. Да, это был Майкл.

Я собиралась послушать разговор пару-тройку минут и уйти, прежде чем меня застукают. Увы, моя рука сама легла на дверную ручку. Я приоткрыла дверь всего на дюйм, но этого оказалось достаточно, чтобы увидеть, что происходит. Я прикрыла левый глаз и повернула голову, заглядывая в кабинет правым.

Отец Ланы расхаживал по комнате. На нем были черные костюмные брюки, белая рубашка и темно-синий галстук. Его светло-каштановые волосы были зачесаны на косой пробор. Аккуратно. Волосок к волоску.

– Я приехал сюда, чтобы поговорить с тобой, – рассуждал ее отец. – Как мужчина с женщиной.

Макс фыркнул, откинулся на спинку кресла и смерил отца Ланы пристальным взглядом.

– Просто скажите, что вам нужно, и уходите.

Майкл застыл на месте и повернулся к Максиму. Я не видела его лица, но наблюдала язык его тела. То, как он стоял, как скрестил на груди руки.

– Что бы ни сказала тебе моя дочь, это неправда.

Макс ничего не ответил.

– Я понимаю, что ты думаешь, что поступаешь правильно. Ты думаешь, что защищаешь ее, изображаешь из себя героя. И это замечательно. – Он одарил Макса типичной улыбкой политика, той, что призвана располагать к себе. – Но здесь некого защищать. Все в порядке.

Макс не купился ни на его слова, ни на улыбку. Он сидел, положив локти на стол, придавив сжатые кулаки к губам. Часы отсчитывали секунды, а он просто смотрел на отца Ланы холодным взглядом. Наконец он пошевелился. Одну руку он положил на стол, другую направил прямо на

Майкла.

– Вы можете сидеть, улыбаться и говорить мне, что ничего не произошло. Можете попытаться убедить меня, что никогда не сделаете ничего во вред своей дочери. Но мы оба знаем, что это гребаное притворство.

Плечи Майкла напряглись.

– Интересно, как поступили бы люди в Маклине, узнай они, кто вы на самом деле?

– Я всего лишь любящий муж и отец, – твердо произнес отец Ланы.

Глаза Макса вспыхнули яростью, его тело била дрожь. Он стал бомбой замедленного действия, готовой взорваться в любую секунду.

– Мне наплевать, кем вы себя считаете! Для меня вы гребаный насильник! – прорычал Макс.

– Это серьезное обвинение и огромный удар по моей репутации.

Макс мрачно улыбнулся.

– Это не обвинение, если это правда.

– Ты там был? Ты своими глазами видел то, что рассказала тебе моя дочь?

От его снисходительного тона у меня свело живот.

– Мне не нужно нигде быть, чтобы знать, что это правда, – парировал Макс. – С того дня, как мы познакомились, я знал, что что-то не так. У вас всегда имелся ответ на все вопросы. Эта ваша улыбка, она словно наклеена на ваше лицо. Вы стараетесь всех обаять. Я должен был сразу догадаться, что эта улыбка – маска, за которой скрывается куча дерьма.

– Довольно! – рявкнул Майкл и отвернулся в сторону.

Я хорошо видела его. Он застыл, уперев руки в бока. Челюсти стиснуты, кожа – бледная и липкая. Глядя в пол, он сделал несколько вдохов. Я видела, как он собирается с мыслями. Макс устроил ему хорошую отповедь, и я, хотя и напугалась до смерти, невольно улыбнулась. Отец Ланы глубоко вздохнул, и когда снова повернулся к Макс, на его лицо вернулась улыбка.

– Мы начали не с той ноты. Я приехал сюда, чтобы вновь наладить наши отношения, – сказал он, садясь в кресло напротив Макса. Он слегка ссутулился, поставил локти на колени и сложил пальцы домиком. – Ваше деловое чутье в том, что касается покупки и продажи акций, не имеет себе равных. Возможно, мы больше не будем работать вместе, но это не значит, что я не могу рекомендовать вас коллегам по бизнесу.

– Это шутка?

– Нет.

– Я отказался от вас как от клиента, и вы в знак «благодарности» рекомендуете меня своим коллегам, «бизнесменам»? – недоверчиво спросил Макс.

– Я справедливый человек.

– Неправда. Вы просто загнаны в угол. И вы здесь для того, чтобы удостовериться в том, что я стану молчать и не погублю вашу прекрасную репутацию.

Отец Ланы не произнес ни слова.

Все так же зловеще улыбаясь, Макс вопросительно поднял бровь.

– Я прав?

Отец Ланы наклонился ближе. Кресло под ним скрипнуло.

– Ты не понимаешь, что делаешь. Ты совершаешь большую ошибку!

Спокойствие исчезло из голоса Майкла. Теперь в нем звучали зловещие нотки. Его истинная натура пробилась наружу.

Макс развел ладони.

– Я понимаю, чем рискую. А теперь уходите. Вернее, убирайтесь вон отсюда!

Отец Ланы постучал пальцами по подлокотникам и встал. Макс встал одновременно с ним, чтобы выпроводить его за дверь.

Но я видела улыбку на лице Майкла, злорадную и хитрую, и тотчас поняла, что у него заготовлен козырь. Когда Макс вышел из-за стола, отец Ланы остановил его, положив руку ему на плечо. Макс посмотрел на нее с негодованием и неприкрытой яростью. Еще бы, ведь Майкл вторгся в его личное пространство!

– Сынок, у тебя истекает срок годности в этом городе, – зловеще произнес отец Ланы. – А вот я по-прежнему останусь здесь, и все, что было моим, все равно останется моим.

Взгляд Макса потемнел, словно выключили свет. Я едва не бросилась к нему. Я никогда не видела его таким. В его глазах кипела ненависть. Ослепляющая ярость, представлявшая опасность для всего, что находилось в пределах его досягаемости. Самообладание изменило ему. Он действовал на автопилоте. Майкл не успел отреагировать.

Пальцы Макса схватили его за шею. Одним быстрым движением он ударил отца Ланы лицом о край стола. Послышался характерный хруст ломающихся костей.

Майкл вскрикнул от боли. Я невольно содрогнулась. Одного удара было достаточно, но Макс не остановился. Его пальцы еще сильнее стиснули шею насильника. После еще пары ударов лицом о стол я поняла: Макс не остановится, пока не убьет. Я толкнула дверь и влетела в кабинет.

– Прекрати!

Макс не остановился. Он на меня даже не посмотрел. Его челюсти были сжаты, ноздри раздувались. Он двигался словно в трансе.

Я схватила Макса за руку и дернула.

– Перестань. Ты убьешь его! – крикнула я.

Макс непонимающе посмотрел на меня. В его глазах застыла безумная ярость, от которой моя кожа покрылась мурашками. Он задыхался, его плечи судорожно поднимались и опускались. Он все еще сжимал отца Ланы за шею железной хваткой. Я умоляюще смотрела на него, упрашивая без слов, чтобы он отпустил Майкла.

Макс разжал пальцы. Отец Ланы упал, как тряпичная кукла. Он стонал, сжимая кровотокающий нос. Кровь просачивалась между его пальцами, капала на пол.

Не удостоив его взглядом, я обошла его и положила ладони на лицо Макса. Я заставила его отойти на несколько шагов назад, но его взгляд оставался прикованным к Майклу, лежавшему на полу. Тело Макса было напряженным и твердым, как шомпол, его продолжала бить дрожь.

– Не надо, – яростно прошептала я.

Я ждала, когда ярость покинет его глаза и к нему вернется хотя бы толика здравого смысла. Наконец он судорожно сглотнул и посмотрел на меня. Его гнев немного поутих, и я увидела маленькую частичку прежнего Макса, которого хорошо знала.

Отец Ланы простонал, схватился за стол и медленно встал.

Макс с отвращением посмотрел на него.

– Вон отсюда! – процедил он сквозь зубы.

Я не отпускала рук Макса. Я не доверяла ему сейчас. Возможно, он слегка успокоился, но недостаточно для того, чтобы я его отпустила. Я обернулась через плечо на отца Ланы. Сунув руку в задний карман, он вытащил платок с вышитой монограммой и вытер с лица кровь. Посмотрев на заляпанную кровью рубашку, он презрительно усмехнулся. Вместо того чтобы посмотреть на Макса, человека, который разбил ему физиономию, он глядел прямо на меня.

Я никогда не понимала, почему Лана отказывается говорить о том, что ее отец делал с ней. Но, почувствовав на себе взгляд этих мертвых, холодных глаз, я поняла, почему она так сильно боялась. Его губы растянулись в жестокой улыбке, словно он прочитал мои мысли. Я тяжело задышала. Казалось, воздух медленно покидает комнату. Перед моими глазами поплыли темные круги.

Макс тихо выругался. Наши роли поменялись. Закрыв меня собой, он

указал на дверь.

– Я сказал убирайся! – проревел он.

Даже с разбитым до крови лицом отец Ланы имел наглость ухмыляться мне. Затем он внимательно посмотрел на Макса, и лицо его посерьезнело.

– Подумай о том, что я сказал.

С этими словами он ушел, насвистывая какую-то мелодию. Его шаги эхом отзывались в коридоре. Мы с Максом застыли на месте, ожидая, когда он, наконец, выйдет за дверь.

Через пару секунд входная дверь хлопнула. Задрезжали оконные стекла. Мы с Максом стояли неподвижно, словно захваченные общим силовым полем.

Я отпустила его руку. Сложив руки за головой, он зашагал прочь, глядя в потолок.

Через мгновение по лестнице раздались шаги. В дверях возникла Люси. Я и забыла, что она в доме. Увидев Макса, она ахнула. Его рубашка, руки и даже лицо были забрызганы кровью отца Ланы. Люси не сказала ни слова.

– Вы можете пойти домой, – тихо сказала я ей.

Она посмотрела на Макса. Его взгляд был по-прежнему прикован к потолку, но он кивнул. Несколько минут спустя Люси ушла.

В доме воцарилась полная тишина. Наконец-то нас было только двое.

– Что ты здесь делаешь, Наоми? – сердито спросил Макс.

– Что я... – Я покачала головой, не веря своим ушам. – Что я здесь делаю? Какого черта здесь делал он?

– Не знаю, – сказал Макс. Он по-прежнему не смотрел на меня. – Я открыл чертову дверь и увидел его. Но поскольку мне было что ему сказать, я его впустил.

– Разбил всмятку ему лицо, ты это хотел сказать?

Он опустил руки, а когда повернулся, чтобы посмотреть на меня, его глаза вспыхнули.

– Я не собираюсь оправдываться! Я сделал то, что мечтал сделать с этим ублюдком с тех пор, как узнал правду!

– Я не прошу тебя оправдываться. Я прошу тебя подумать! – крикнула я. – Он специально провоцировал тебя. Он ждал этого момента, ждал, когда ты сорвешься. И ты дал ему то, что ему было нужно. – Я протянула руку и ткнула пальцем в середину ладони. – Он заставил тебя есть с его ладони!

– Все в этом гребаном городе едят с его гребаной ладони! – взорвался Макс. – Он привык тут всем заправлять, и все боятся даже пикнуть против

него. Сегодня он получил маленькую дозу реальности. В следующий раз она не будет маленькой.

Мои нервы были на пределе, а нервы Макса сгорели ярким пламенем несколько минут назад. Мы, задыхаясь, смотрели друг на друга.

Постепенно гнев начал покидать Макса. Он отвернулся от меня и увидел на воротнике капельки крови Майкла.

– Черт, – пробормотал он.

Расстегивая на ходу рубашку, он вышел из комнаты. Я увязалась следом за ним. Мы поднялись по лестнице наверх.

Я закрыла дверь и прислонилась к стене. Макс сорвал рубашку, скомкал ее и бросил в угол. После чего принялся ходить по кабинету, словно разъяренное животное по клетке.

– Зря ты не дала мне прикончить его, – сказал он.

– Ну, хорошо. Допустим, ты его прикончил. И что потом?

– Он мертв, и никто больше не должен иметь с ним дело!

– Нет. Он мертв, а ты за решеткой. А кто тогда остается у меня?

Мои слова его отрезвили. Он опустил руки и подошел ко мне.

– Прости, – сказал он мягко. – Прости, что я сделал это у тебя на глазах.

Он запустил пальцы мне в волосы и задумчиво смотрел на меня, словно впитывал каждую мою черточку перед поцелуем. Его губы прижались к моим. Не двигались... просто прижались.

Я обхватила его лицо ладонями и попыталась продлить поцелуй, но Макс застыл, как статуя. Адреналин все еще струился по моим жилам. И мне хотелось вложить всю свою энергию в поцелуй, а не в препирательства. Глубоко вдохнув, я придвинула к нему губы. Макс даже не пошелохнулся. Я наклонила голову и провела языком по его губам. Ничего.

Он сдерживался. Не давал желанию взять над собой верх.

Меня это бесило. Я хотела поскорее забыть, что случилось внизу.

Но затем Макс сжал мое лицо сильнее, его губы медленно задвигались, его язык проскользнул мне в рот. Я ахнула.

Я чувствовала, что стоит за этим поцелуем: отчаяние, страх и в конечном счете потеря. И это пугало меня больше всего на свете. Я схватила его за плечи, вернее, вцепилась в них. Нам было не о чем беспокоиться. Все будет хорошо. Я хотела ему это сказать, но не нашла в себе сил отстраниться и заговорить.

Я подошла к кровати, Макс – следом. Его поцелуй дышал нетерпением, но его руки не торопились и были недостаточно быстрыми

для меня. Я буквально сорвала с него одежду, он же медленно раздел меня, неторопливо снимая одно за другим.

Как только мы разделись, я жадно набросилась на него, и он дал мне взять инициативу на себя. И все равно чего-то не хватало. Я поцеловала его сильные скулы, ощущая губами тепло его кожи, скользнула ниже, по телу. Я поцеловала его грудные мышцы. Мои зубы задели его пресс.

Он обхватил меня за затылок. Приподнял меня, пока мы не оказались лицом к лицу, и поцеловал так крепко, словно задался целью оставить на моих губах синяки. Я простонала и одним плавным движением направила его член внутрь себя.

Не отрывая от него глаз, я медленно двигалась вверх-вниз. Каждый раз, когда его бедра приподнимались, его руки сильнее сжимали мою талию.

Я задавала нам ритм.

29. Время истекло

Ранним пятничным утром в начале августа я внезапно проснулась.

Это не был безумный сон, в котором вы падаете с огромной высоты навстречу смерти и просыпаетесь за несколько секунд до приземления. Нет, я просто проснулась без причины.

Я посмотрела на часы. 5:32 утра.

В квартире Ланы было тихо. Я выскочила из кровати и рывком отдернула шторы. Начинаясь новый день. Небо окрасилось в бледно-серый цвет, солнце только готовилось взойти. Большая часть города все еще спала. Улицы окутывал туман.

Я скрестила на груди руки и прислонилась к окну. Все вокруг выглядело мирным и тихим, но мое чутье подсказывало: здесь что-то не так. Слишком уж все это походило на затишье перед бурей.

Я тотчас вспомнила отца Ланы. После ссоры прошло несколько недель. Макс и я ждали, когда Майкл начнет мстить. Звонить. Запугивать. Обвинять. Или даже зайдет так далеко, что поручит кому-то сделать за него эту грязную работу.

Но ничего не случилось. Ни-че-го.

Через несколько недель я вернусь в колледж. Мои родители приедут домой через несколько дней. Меня ждала моя прежняя нормальная жизнь. И все же мне казалось невероятным, что я смогу вернуться в эту жизнь. Как жить, зная то, что я теперь знала? По идее отсутствие ответных шагов со стороны отца Ланы должно было успокоить меня. Но нет. От тревоги я не находила себе места, ведь теперь перевес сил на его стороне. Я знала это. И он знал.

Он выжидал идеального момента, чтобы нанести ответный удар.

Лана знала о произошедшем. Слишком громким был скандал, чтобы его удалось скрыть от нее. Ее реакция оказалась предсказуемой. Она отстранялась от меня и Макса. Вина в том, что случилось, себя. Безвылазно сидела в своей квартире. Потребовалось несколько дней, прежде чем все вернулось в норму. Всякий раз, видя ее, я заглядывала ей в глаза, пытаясь увидеть в них намек на то, что она уже поговорила со своим отцом. Но она смело смотрела мне в глаза и качала головой.

Но внутренний голос не желал покидать меня, и чем дольше я стояла у окна, наблюдая, как солнце медленно встает над городом, тем большая тревога, даже страх, охватывали меня.

Я задернула шторы и вышла из спальни. Затем подошла к холодильнику в поисках какой-нибудь еды. Я пыталась убедить себя, что слишком остро реагирую на случившееся и что причиной всему моя паранойя. Я стояла, барабанила пальцами по дверце холодильника, как вдруг услышала легкий стук, будто о входную дверь ударилась газета. Я тотчас выпрямилась и медленно обернулась.

Не могу сказать, что я смотрела новости, не говоря уже о том, чтобы читала газеты. Максимум, что я делала, это пробежала глазами первую полосу перед тем, как заняться своими делами.

Но сейчас часы тикали, холодильник глухо гудел, а я застыла в неподвижности, уставившись на дверь. Я медленно подошла и открыла ее. Газета была скатана в трубку и схвачена зеленой резинкой.

Я не стала ее поднимать. Лишь смотрела на маленький кусочек первой страницы. Мне был виден чей-то профиль: один глаз, острая линия носа и сжатые в тонкую линию губы. Мое сердце тотчас замерло в груди, тело онемело.

– О боже, – прошептала я.

Перед глазами все поплыло. Я подняла газету и прошла в гостиную. Я несколько раз прочла статью, но мой мозг отказывался ее запомнить. Лишь отрывочные фразы: арестован, инсайдерские продажи. Кровь рекой хлынула мне в уши. Я едва держалась на ногах.

С газетой в руке я подошла к спальне Ланы и несколько раз постучала. Мне никто не открыл. Мое терпение лопнуло, и я вошла в комнату. Ее кровать была застелена. Свет не включали, но самой Ланы не было. Я на миг застыла, совершенно ошеломленная. Придя в себя, я выбежала из ее комнаты, быстро переоделась, схватила ключи и вышла из квартиры.

* * *

Я позвонила Максусу. Все мои звонки отправлялись прямиком на голосовую почту.

В отчаянной попытке доказать, что в газете напечатана ложь, я поехала к нему домой. Я даже не стала сворачивать на подъездную дорожку. Просто нажала на тормоза и выглянула в окно со стороны пассажирского сиденья. У его дома были припаркованы машины, которых я никогда там не видела. Может, это машины его родителей?

Не было никакого смысла заходить к нему, если его там нет, а я точно знала, что это так.

Я поехала дальше, к дому родителей Ланы.

Если ей известно, что случилось с Максом – а я думаю, что известно, – то она наверняка здесь. Вернулась под родительский кров. Из-за страха, а также для того, чтобы обрести уверенность в том, что, если она вернется, эту историю удастся замять.

Я сидела в машине на их подъездной дорожке. Газета притаилась на пассажирском сиденье, словно злобное существо, готовое напасть в любую минуту. Солнце встало, но небо затянули облака, раскинув над Маклином серую завесу.

Чем дольше я сидела там, ничего не предпринимая, тем больше времени теряла впустую. Чего я ждала? Я схватила газету и просмотрела первую полосу.

Краткая версия?

Макса обвиняли в инсайдерской торговле для шести клиентов. Имени ни одного из них не назвали. В статье не приводилось никаких доказательств, если даже таковые имелись, а также не было ни слова о человеке, стоявшем за этими обвинениями. Но в самом конце говорилось, что любому, кому предъявлены обвинения в инсайдерской торговле, грозят до двадцати лет тюрьмы и безумные штрафы.

Всю эту историю окутывала тайна. Ничто из написанного не было правдой. Я это знала. Я знала: Макс ухватало ума не ступать на скользкий путь инсайдерской торговли, но найдутся те, кто в это поверит. Даже если обвинения снимут, это не будет иметь значения, потому что в любом случае дело закончится крупным скандалом, который погубит репутацию Макса и компанию его семьи.

К этому явно приложил руку отец Ланы. Я даже не сомневалась.

С газетой в руках я вышла из машины. Я понятия не имела, что, черт возьми, собиралась делать. Просто знала, что бездействовать нельзя.

Я не стала долго думать над тем, стоит мне входить к ним в дом или нет. Из кухни и откуда-то сверху раздавались голоса. Они заглушили мои шаги, и когда я вошла, Лана и ее мать даже не подняли на меня глаз. Обе они сидели в парадной гостиной. Лана – на диване, а ее мать устроилась напротив нее в кресле Людовика XV. Спина прямая, ноги наклонены вправо, одна лодыжка спрятана за другой. Руки Ланы лежали на коленях. Ее правое колено не переставало дергаться.

Я проскользнула в столовую напротив гостиной.

Никто не проронил ни слова. Ее мать потянулась за чашкой кофе, стоявшей на полированном столике перед ней. Держа в одной руке блюдце, она медленно помешивала ложкой коричневую жидкость. Лана нервно

смотрела на нее.

– Перестань дергаться, – бросила ее мать.

Лана тотчас окаменела.

Мать сделала глоток кофе и поставила чашку обратно на стол. Затем откинулась на спинку стула и скрестила ноги. Пальцы обвилились вокруг подлокотников кресла. Она выглядела царственной и гордой, словно королева на троне, которая знает: никто не посмеет заговорить или пошелухнуться, пока она не сделает это первой.

Она прочистила горло и посмотрела на свою единственную дочь.

– Ты знаешь, твой отец не хотел этого делать.

– Но он сделал.

Ее мать прищурилась и наклонилась ближе.

– А ты знаешь почему? Ты придумала лживую историю. Единственная причина, почему этот мальчишка находится в том положении, в какое он сейчас попал, это ты. Никто, кроме тебя, не виноват в этом.

– Я ничего не выдумывала!

Ее мать расхохоталась.

– Ну конечно, ты этого не делала!

Лана пропустила мимо ушей ее насмешку.

– Он просто пытался мне помочь.

– Ты лжешь, – сердито заявила ее мать. – Ты всегда придумывала вещи, которых никогда не было.

По лицу Ланы скользнула обида. Ее нога вновь задергалась.

– Ты знаешь, отец это сделал. Не можешь не знать.

Ее мать не сказала ни слова. Просто сидела в своем кресле, с каменным лицом глядя на Лану. Та встала и обошла кофейный столик.

– Я отказываюсь понять, почему ты всегда закрывала глаза на то, что происходит. Или как ты можешь замести это под ковер и делать вид, будто все в порядке. Как ты могла не обращать на меня внимания, когда я больше всего нуждался в тебе?

– Довольно! – крикнула мать Ланы и быстро встала.

Я видела, как ее руки дрожат от гнева.

Ей было достаточно сделать всего три шага, чтобы подойти и обнять дочь. Но мать воспринимала расстояние между ними так, будто это долгие мили пути. Пока Лана жива, ее мать никогда не сделает шага ей навстречу.

– Прими свою жизнь, какой есть, – сказала мать.

– Что?

Мать Ланы вскинула подбородок.

– Не изображай из себя жертву и не сиди здесь с таким жалким видом,

в надежде на то, что кто-то тебя пожалеет. Ты должна принять жизнь такой, какая у тебя есть.

– Что это за жизнь? – прошептала Лана.

Но ее никто не слушал. Она говорила со спиной матери. Лана стояла в комнате одна. Напевая красивую мелодию, ее мать вышла в коридор. К ней подошла горничная с букетом цветов в руках. Мать Ланы счастливо улыбнулась и наклонилась, чтобы их понюхать.

– Они прекрасны, – сказала она одобрительно. – Просто прекрасны.

Похлопав горничную по плечу, она, стуча высокими каблуками, зашагала дальше по коридору.

Я вновь повернулась к Лане. Она посмотрела в мою сторону. До нее не сразу дошло, что я тоже смотрю на нее.

Она растерянно заморгала и поспешила через весь коридор ко мне.

– Что ты здесь делаешь? – прошептала она.

Я вытащила газету и развернула ее, держа между нами. Она не выхватила ее у меня. Лишь пустыми глазами уставилась на лицо Макса на первой странице.

– Ты уже в курсе, не так ли?

Она на секунду оглянулась на коридор, а затем легким кивком указала на входную дверь.

– Выйдем?

Я кивнула и последовала за ней. Дверь закрылась с громким щелчком. Вместо того чтобы заговорить, Лана вздохнула и, сев на верхнюю ступеньку, задумчиво посмотрела на извилистую подъездную дорогу.

– Я узнала вчера вечером, – сказала она. – Ты спала, и я не хотела тебя будить. Тебе требовался отдых. Я вернулась домой, чтобы узнать, что происходит.

– Но почему... почему ты меня не разбудила?

– Я же сказала, тебе требовался отдых. Посмотри, что стало с твоей жизнью. Все твои летние каникулы полетели псу под хвост.

– Считаешь, что это из-за тебя?

– Я это знаю. Так же, как ты считаешь, что твоя работа – всегда быть рядом со мной. Моя работа – защищать тебя от моей жизни.

– Это неправда!

– Все пропало, – прошептала Лана убитым голосом. Она словно не слышала меня.

По моей спине пробежал холодок.

– Неправда. Обвинения снимут и в конце концов все уладится.

– Замолчи! – взорвалась Лана. Я отпрыгнула. Она печально рассмеялась

и усталилась на траву. – Ты слышала мою мать. С Максом ничего не случилось бы, если бы не я!

– Просто твоя мать предпочитает верить мужу, а не дочери. Не слушай ее. Она понятия не имеет, о чем говорит.

Лана обняла колени и подтянула их к груди. В ее глазах застыло выражение полного несчастья. Точно такое же, что и в ту ночь, когда я нашла ее в сарае.

– Но ты ведь вернешься? – с тревогой спросила я.

Она не проронила ни слова, но я уже знала ответ.

– Ты этого не сделаешь. – Я схватил ее руку и крепко сжала. – Ты вернешься в квартиру. И знаешь почему?

Она посмотрела на меня, ее глаза казались стеклянными.

– Потому что ты уже добилась успехов. – Я ободряюще улыбнулась. – Давай, Лана. У тебя есть квартира. Твоя собственная, куда можно приходить и откуда можно уходить когда угодно! Ты строишь жизнь, основанную на твоём выборе. В прошлом году ты разве смогла бы это сделать?

– Нет, – прошептала она.

– Ты считаешь, что должна вернуться назад, потому что сейчас все кажется таким безнадежным и тебе страшно принимать собственные решения, но ты можешь!

Я встала и протянула ей руку.

– Что скажешь? Ты готова вернуться домой?

– Да. – Она взяла мою руку. – Готова.

– Что будет с Максом? – спросила она, когда мы сели в машину.

Я посмотрела на руль.

– Он выйдет под залог. Обвинения снимут, и все снова будет хорошо.

Вот увидишь.

Лана с сомнением посмотрела на меня. Но мне ли упрекать ее за это? Я и сама не верила.

30. Разрыв

– Думаю, на сегодня хватит.

Я смотрю на доктора Ратледж. Мой пульс бьется изнутри о мою кожу. Дрожащим голосом я продолжаю рассказывать свою историю.

Вместо того чтобы задавать мне вопросы, доктор Ратледж ничего не говорит. Лишь откидывается на спинку стула и постукивает ручкой по блокноту.

Она садится прямо и переплетает пальцы.

– Знаешь, о чем я думаю?

– О чем? – осторожно спрашиваю я.

– Я думаю, что на выходные тебя можно отпустить домой.

– Домой на выходные, – повторяю я.

– Я вижу, эти сеансы утомили тебя, хотя прогресс налицо. Думаю, что побывать дома пойдет тебе только на пользу.

Когда Лахлан впервые упомянул отпуск на выходные, я не слишком поверила в эту идею. Когда же у меня случился срыв во время сеанса групповой терапии, я решила, что мои шансы пусть на пару дней, но обрести свободу растворились в воздухе. Но вот я получила свой долгожданный шанс. Даже если у него ограничен срок действия.

Я скептически смотрю на нее. Такое ощущение, что здесь кроется какой-то подвох.

– Тебе ведь хотелось бы?

– Д-д-да! – заикаюсь я и киваю.

– Если ты считаешь, что еще не готова, можешь остаться здесь.

– Я готова, – быстро говорю я. – Готова. Просто я сомневаюсь.

– Никаких сомнений. Всем нужно разнообразие. – Она пожимает плечами. – И тебе тоже.

Я громко выдыхаю.

– Хорошо, я согласна.

– Отлично! – радостно говорит она, вставая. – Мэри завтра поможет тебе собрать вещи, и ты можешь уехать в любое удобное для тебя время.

До меня вдруг доходит одна маленькая, но очень важная вещь.

– Кто меня забирает? – спрашиваю я.

– Лахлан.

Мои страхи врезаются в меня, как машина на бешеной скорости. Я представляю себе, как доктор Ратледж беседует с Лахланом, как говорит

ему, что я ненормальная, что меня никогда отсюда не выпустят. И хотя доктор Ратледж зарекомендовала себя в моих глазах с самой лучшей стороны, это не имеет значения. Старые страхи никогда не умирают.

Думаю, она видит их в моих глазах. Она кладет руку мне на плечо и с тревогой смотрит на меня.

– Я говорила с ним только один раз, – мягко произносит она. – На прошлой неделе он просил отпустить тебя на выходные. Только и всего. Так что тебе не о чем беспокоиться.

Я нервно сглатываю комок.

– Спасибо, – шепчу я.

– А сейчас отдохни, – улыбается доктор Ратледж. – Завтра тебе предстоит большой день.

31. Спички

Следующим вечером я иду по коридору с вместительной сумкой в руке. Мэри идет со мной рядом, Лахлан – впереди. Я вижу его спину, он разговаривает с доктором Ратледж.

Я возвращаюсь к Наоми-подростку. Той, что когда-то сохла по нему. Чьи губы растягивались в смехотворно счастливой улыбке и чье сердце билось в груди как сумасшедшее.

Доктор Ратледж смотрит через плечо Лахлана на меня. Она поднимает брови и улыбается.

– Доброе утро, Наоми.

Лахлан поворачивается и смотрит на меня. И краем рта улыбается мне. Мое сердце мгновенно проваливается в желудок.

На нем простые джинсы, темно-синяя рубашка и коричневый пиджак. На вид он спокоен как танк. Он никогда не выглядел так сексуально.

– Посмотри на себя, – говорит он и берет мою сумку.

– Я знаю. Ты можешь в это поверить? – Я поднимаю ногу. – У меня даже есть шнурки на кроссовках.

Мэри смеется. Надо же! Кто бы знал, что у нее есть капля юмора. Но если честно, надев нормальную одежду, – а не спортивный костюм – и нормальную обувь, я чувствую, что часть меня со щелчком встает обратно на свое место.

Лахлан по-прежнему улыбается, оглядывая меня с головы до ног. В моем животе уже поселилось предвкушение, потому что, как только мы выйдем отсюда, он станет моим. Не будет никаких медсестер, косо глядящих на нас, с их вечными напоминаниями, что ему уже пора идти.

Я перевожу взгляд с него на доктора Ратледж.

– Меня действительно отпустят отсюда на выходные?

Она держит в руках блокнот.

– Вы лишь должны подписать пару-тройку бумаг.

Она кладет лист на стойку рядом со мной и протягивает мне ручку.

Я быстро пробегаю глазами страницу. По сути, это письменное согласие, в котором говорится, что я, как пациент или опекун пациента, понимаю, что означает пропуск на выходные.

Я смотрю на доктора Ратледж.

– Мне не нужна подпись родителей?

Она откашливается и смотрит через мое плечо на документы.

– Нет. Это пропуск на выходные, – тихо говорит она. – Нужна лишь твоя подпись.

Я не собиралась спорить с ней. Быстро написав свое имя в нижней части листа, я отступаю назад. Я стою, переминаясь с ноги на ногу, и смотрю на доктора Ратледж.

– Вот и все, – бодро говорит она. – Приятных выходных, Наоми!

Мы с Лахланом выходим на улицу. Я полной грудью вдыхаю свежий воздух и оглядываю машины на стоянке. В углу снегоочиститель сгреб снег в высокие кучи. Тротуар посыпан солью, чтобы никто не упал. Чему я рада, потому что сегодня я так взволнована, так жажду поскорее выбраться отсюда, что готова сломя голову бежать к машине Лахлана. Я бы точно разбила себе задницу.

Но я медленно ставлю одну ногу перед другой, напоминая себе, что должна выглядеть как нормальный человек. Тот, кто выходит на улицу и ежедневно общается с людьми в реальном мире. Я смотрю на Лахлана. Походка у него уверенная. Плечи прямые. Подбородок слегка приподнят, словно Лах готов бросить вызов любому, кто осмелится встать у него на пути.

Я забираюсь в салон и согреваю дыханием руки. Сев в машину, мы около минуты ждем, пока двигатель прогреется. Лахлан кладет мне на бедро теплую ладонь и улыбается.

– Ты готова?

– Абсолютно.

– Прекрасно, – говорит он и выезжает с парковки. – Именно это я и хотел услышать.

Он сворачивает на дорогу и нажимает на газ. Меня так и подмывает повернуться на сиденье и помахать Фэйрфаксу, но боюсь, что, сделав это, я увижу собственный призрак, с тоской смотрящий на улицу и рисующий на стекле очередную палочку. Поэтому я смотрю прямо перед собой, а мимо нас пролетает сухая, замерзшая трава.

– Ты можешь расслабиться. До моего дома два часа езды, – говорит Лахлан.

– Как, по-твоему, я могу расслабиться? – Я машу рукой. – Я не сидела в машине несколько месяцев. Мне все интересно! Сегодня все было сущей пыткой. Я целый день просидела в комнате отдыха, уставившись на часы.

– Если тебе от этого станет легче, на моем столе высится куча бумаг, потому что я не мог сосредоточиться. В конце концов я махнул рукой и ушел с работы на час раньше. – Лахлан одаривает меня такой искренней улыбкой, что я чуть не прижимаю руку к груди от боли. – Но если ты

хочешь и дальше смотреть по сторонам, то ради бога... не позволяй мне тебя прерывать.

– Не-а. – Я ерзаю за сиденье. – Расскажи лучше о своем доме.

– Что ты хочешь узнать?

– Как он выглядит?

Он пожимает плечами.

– Дом как дом.

– Не ленись, рассказывай, – уговариваю я. – Хочется услышать подробности.

– Он небольшой. Две спальни, одна ванная комната. Небольшая кухня и гостиная. Ковер старый, устарел вместе с техникой, но мне нравится.

– Ты сам обставил его?

Он пристально смотрит на меня.

– А как ты думаешь?

Я улыбаюсь и смотрю, как закат красиво окрашивает небо.

Мы едем по автостраде в объезд Маклина. Я смотрю в окно, и мой родной город пролетает мимо меня, похожий на размытое световое пятно. По идее я должна испытывать тягу к городу, в котором выросла, но в эти минуты я ничего не чувствую. Единственное, что у меня есть, это воспоминания о Лане. Они тянутся к моему сердцу, кричат мне, что Лана где-то там. Пусть не в Маклине, но где-то рядом.

Мы несколько раз сворачиваем туда-сюда. Два часа пути пролетели незаметно, и вскоре мы въезжаем на окраину Шарлоттсвилля. Мы заходим в закусочную и заказываем жирную еду, при виде которой мой желудок начинает урчать.

– Мы почти на месте, – говорит Лахлан.

– Все в порядке, – заверяю я его. – Мне весело.

– Просто сидя в машине?

Я пожимаю плечами и незаметно вытягиваю из бумажного пакета немного картошки фри.

– Зато я вижу твою новую жизнь в этом городе.

– Я пока еще привыкаю, – признается Лахлан. – Но как здорово, когда никто не знает твоего имени. – Он смотрит на меня. – Тебе бы понравилось.

– Если я когда-нибудь выйду из Фэйрфакса, – бормочу я.

– Непременно выйдешь, – твердо говорит Лахлан.

Мы выезжаем из города. Машины встречаются реже, дорога становится хуже и уже. Лахлан вынужден сбросить скорость, объезжая выбоины.

Лахлан сворачивает на гравийную дорогу. В моих венах бурлит

возбуждение. Когда мы выехали из Шарлоттсвилля, пошел снег. Фары высвечивают замороженные песчинки, делая их похожими на миллионы танцующих в воздухе снежинок.

Его подъездная дорожка довольно ухабистая. Меня трясет и подбрасывает на сиденье, я цепляюсь за ручку над головой.

– Ты трясешься по этим ухабам ежедневно?

– Ага.

– И как только твоя машина это выдерживает?

– Подумаешь, пара-тройка кочек, – отшучивается Лахлан.

Я укоризненно смотрю на него.

– Ладно... – нехотя соглашается он. – Тут и впрямь неровно. Но я скоро все исправлю.

Через мгновение он паркует машину. Я смотрю на дом перед нами.

– Значит, это твой дом.

Дом небольшой. Белая облупившаяся краска. Небольшое крыльцо, к стене приставлена метла. Никакого величия. Никаких архитектурных изысков. Полная противоположность домам, в которых мы выросли.

Я в полном восторге. Его дом похож на тот домик в лесу.

Лахлан наклоняет голову и улыбается озорной улыбкой. Она тотчас напоминает мне пятнадцатилетнего мальчишку, в которого я когда-то влюбилась.

– Да. Соответствует твоим ожиданиям?

Мое мнение ему важно. Даже в детстве оно имело значение. Именно это и делает Лахлана моей страховочной сеткой – я всегда буду важна для него.

– Еще как! Я в полном восторге.

Мы выходим из машины. Он идет к багажнику и берет мою сумку.

– Что заставило тебя выбрать это место? – спрашиваю я.

Он вешает мою сумку через плечо и берет меня за руку. Мы шагаем к его дому, бок о бок.

– Дом маленький. Уединенный. Как такой не любить?

Поднявшись на крыльцо, мы топаем, чтобы стряхнуть снег с обуви. Лахлан открывает входную дверь и, протянув руку, щелкает выключателем.

В доме небольшая прихожая, ведущая прямо на кухню. Это одна из самых крошечных кухонь, какие я когда-либо видела, со старой техникой цвета авокадо.

Лахлан бросает ключи на стойку и молча ведет меня в гостиную. Это самая большая комната в доме. Здесь только бежевый ковер, коричневый кожаный диван, кресло с кофейным столиком и телевизор в углу. Интерьер

дополняет груда коробок, сваленных у стены.

Я указываю на них.

– Мне нравится, как ты обставил дом.

Лахлан прислоняется к стене и улыбается мне.

– Это отняло кучу времени.

Я иду вперед, придирчиво разглядывая все вокруг.

– Оно и видно.

– Скажите, декоратор интерьера Наоми, что бы вы сделали по-другому?

– Во-первых, я бы повесила шторы. – Я указываю на эркер. – И это были бы тюлевые шторы. Затем покрасила бы стены в бледно-желтый цвет. Ковер я бы оставила. Повесила бы несколько картин. Нашла бы несколько красивых цветов и непременно навалила бы в эркер целую гору подушек, чтобы в любое время можно было расслабиться и посмотреть на улицу.

– Колоссальная работа.

Для него – да. Но если бы я жила с ним, то делала бы все сама и с самой широкой улыбкой.

– Ты думаешь, – говорит Лахлан.

– Я воображаю, – поправляю я его.

– То же самое.

Он идет на кухню. Я слышу, как хлопают дверцы шкафчиков.

– Я знал, что тебе понравится это место, – кричит он.

Я слеую за Лахланом.

– Ты серьезно?

Он берет две тарелки и накладывает на них еду.

– Конечно, – рассеянно говорит он. – Риелтор показал мне дом, и когда я увидел эркер, то вспомнил, как ты говорила об этом в детстве.

– Так что технически этот дом наполовину мой, – поддразниваю я.

Лахлан протягивает мне тарелку. Я пытаюсь взять ее, но Лахлан крепко держит тарелку. Он не отпустит ее, пока я не посмотрю ему в глаза. Когда я, наконец, это делаю, я ловлю на себе его напряженный взгляд.

– Почему наполовину? Он весь твой.

Я тупо смотрю на него. Нет, он не лжет.

– Пойдем, – говорит Лахлан. – Будем ужинать в гостиной.

Мы сидим в дружеском молчании и едим.

– Ты рада, что тебя отпустили на выходные? – спрашивает он.

– До сих пор не могу в это поверить, – признаюсь я. – Нас там не выпускают на улицу даже на двадцать минут. Или медсестра стучит в вашу дверь каждый час. Мне не нужно слышать постоянный гул голосов за

дверью, не нужно спать в этой ужасной комнате. Плюс еда – она гораздо, гораздо лучше.

– Неужели? – спрашивает он с легкой усмешкой.

Я киваю.

– Подгоревший мясной рулет, непропеченный гамбургер и сыр – вот, пожалуй, и все меню.

– Все едят вместе?

– Обычно да. Если ты не проштрафился. Тогда ты ешь в своей комнате.

Он хмурит брови и в упор смотрит на меня. Я знаю, что наговорила лишнего. Он думает про Фэйрфакс. Я тоже думаю про Фэйрфакс, хотя и не хочу. Его дом был свободен от всех этих малоприятных вещей, нависших надо мной. Так должно оставаться и дальше.

Я хочу взять свои слова обратно и начать все сначала. Я смотрю в тарелку. Внезапно у меня начисто отшибло аппетит. Я встаю и иду обратно на кухню, где ставлю тарелку на стол. Когда я возвращаюсь в гостиную, Лахлан растерянно смотрит на меня. Я смотрю на него секунду, а затем выключаю свет. Медленно подхожу к большому окну и, скрестив на груди руки, смотрю на улицу.

Дом Лахлана стоит на холме. Отсюда мне видны яркие огни города. Я представляю людей в их домах, все они довольны жизнью и спокойны. Это умиротворяет меня. Я даже готова остаться здесь навсегда.

– Что ты делаешь? – спрашивает Лахлан.

Я стучу ногтем по стеклу.

– Рассматриваю окрестности.

– С выключенным светом?

– Так лучше видно.

В Фэйрфаксе я бы не увидела перед собой эту картину и не почувствовала бы ничего. Прямо сейчас, если захочу, я могу протянуть руку и ощутить мир, на который смотрю. Лахлан откатывается на кресле назад. Я слышу его шаги, а затем звук открывающихся и закрывающихся ящиков.

Чирк. Чирк.

Знакомый звук, и он заставляет мое сердце учащенно биться.

В считанные секунды комнату заливают янтарный свет. Я оборачиваюсь и вижу Лахлана. В его пальцах зажата спичка. Не зажигалка. А просто спичка. Вроде тех, которыми мы зажигали фейерверки.

Он лукаво улыбается мне. Его глаза ярко светятся в язычках пламени. В них столько огня, что у меня перехватывает горло и я сглатываю.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

– Играю с огнем. – Он дергает рукой, и пламя гаснет. – Пытаюсь поднять настроение. – Его голос звучит ближе, и мое сердце начинает колотиться как бешеное. – Помнишь, ты всегда задувала спички?

– Помню, – тихо отвечаю я.

Я смотрю на открытую гостиную и в темноте представляю себе, что вся мебель исчезла. Деревянный пол куда-то проваливается, его сменяет свежая зеленая трава. Появляются двое подростков. Склонив голову и слегка ссутулившись, они стоят друг напротив друга. Их губы быстро двигаются. Я не слышу их слов. Но мне и не нужно. Их слова впечатаны мне в мозг. Я смотрю на них с замиранием сердца.

– У меня есть еще один фейерверк, – говорит мальчик. – Хочешь осветить небо?

Он держит между ними спичку.

Девочка кивает и улыбается ему. Ее сердце сияет в ее глазах. Он вручает ей спичку. Она ее берет.

Я закрываю глаза. А когда открываю снова, у Лахлана в руках зажженная спичка. Мальчик и девочка исчезли. Мебель снова на месте. Эти двое выросли, повзрослели. Девушка теперь умеет проявлять свои чувства. Парень все еще лукаво усмехается ей, но его глаза горят огнем.

Что-то пускает во мне глубокие корни. Распространяется по всему телу, заставляет мою кровь гудеть, а кожу покалывать. Лахлан продолжает двигаться, пока не прижимает меня к окну. Стекло холодит мне спину, тело Лахлана согревает меня спереди. Я откидываю голову назад и смотрю на него. Он поднимает бровь, словно запрещает мне трогать его.

Это последнее, что я вижу. В следующий миг он задувает спичку.

Я знаю, что это лишь игра, призванная создать игривое настроение, но теперь комнату наполняет сексуальное напряжение. Я знаю, что Лахлан еще не закончил, и знаю, что он не успокоится, пока я фактически не превращусь в лужу на полу.

Его щека касается моей. Я слышу, как он проводит спичкой по шершавой поверхности коробка. Мои пальцы сжимаются в кулаки. Ногти впиваются в ладони, оставляя на них отпечатки в виде полумесяцев.

Спичка – единственное, что нас разделяет. Она освещает его лицо. У него чувственные губы, глаза блестят. Щетина на его щеках кажется почти золотой.

– Ты – само совершенство, – говорю я еле слышно.

Лахлан наклоняет голову и усмехается.

– Нет. Это просто освещение.

– А я говорю, что да.

Он легонько касается моей щеки. Мое сердце готово выскочить из груди.

– Хочешь знать, как ты сейчас выглядишь?

Я киваю.

Я думала, он погасит спичку, но он этого не делает. Он подносит ее к моему лицу и медленно рассматривает каждую его черточку.

– У тебя яркие глаза. Они кажутся почти фиолетовыми. Твои щеки красные. А твои светлые волосы кажутся золотыми. – Он проводит пальцами по моим волосам. – И они спадают до плеч. Твои губы влажные и слегка приоткрыты. – Один его палец касается моей губы. – И если придвинуть лицо на дюйм ближе, я мог бы легонько укусить твою нижнюю губу... – Я уже приготовилась ощутить его губы, как комната погружается в темноту.

Он убирает руку от моего лица. Мы оба умолкаем. Мы оба часто дышим.

– Это моя последняя спичка, – говорит он сексуальным шепотом. – Ты хочешь, чтобы я ее зажег?

Я жадно хватаю ртом воздух и отвечаю:

– Да.

Спичка медленно скользит по спичечному коробку. Еще миг – и вспыхивает янтарное пламя. Лахлан держит зажженную спичку между нами.

– На, возьми ее в руки, Наоми.

Пламя распространяется вниз, мчится к кончикам его пальцев. Но он держит спичку терпеливо ожидая, что я скажу. Он готов позволить огню добраться до его пальцев. Ради меня он готов терпеть боль. Я протягиваю дрожащую руку. Как только я беру спичку, Лахлан поднимает глаза.

– А теперь сделай вдох и задувай ее, – хрипло говорит он.

Он не просит меня погасить пламя. Он хочет, чтобы я загасила боль, слезы и все несчастья моей жизни. И больше всего на свете я хочу сделать то же самое. Поэтому я наклоняюсь поближе к пламени. Смотрю Лахлану в глаза и, набрав полные легкие воздуха, задуваю огонь.

В комнате становится темно.

Спичка падает на пол.

Мой вздох эхом разносится по всей комнате. Я застыла совершенно неподвижно и быстро дышу. Пусть в комнате теперь темно, но огонь не погас. Он просто перенесся в мое тело. Он растекается по моим венам. Он душит мои страхи. Мою неуверенность. Мою печаль.

Я придвигаюсь ближе.

В следующий миг его губы касаются моих. Он не торопится. Я закрываю глаза. Руки Лахлана мягко обнимают мою шею. Его язык скользит по моим губам. Они невольно приоткрываются. Его пальцы поглаживают мне горло.

Этот поцелуй нежный, но требовательный.

Этот поцелуй требует, чтобы его прочувствовали сполна.

Этот поцелуй компенсирует потерянное время, которое уже никогда не вернуть.

Лахлан отодвигается на дюйм. Я не вижу его лица, но чувствую на себе его взгляд.

– Я хочу прикоснуться к тебе, – говорит он.

Я готова на все, чего он только ни попросит. Я говорю ему «да». Я еще не договорила, а он уже протягивает руку и запускает указательные пальцы за ремень моих джинсов. Он привлекает меня к себе, и наши тела соприкасаются. Я чувствую, как его пальцы сжимают мое запястье. Я поднимаю руку ладонью вверх, ожидая, когда его рука соприкоснется с моей, но чувствую его губы. Они двигаются к моему запястью, где под кожей бьется пульс. Его пальцы двигаются вверх по моей руке и сжимают мои локти. Он направляет мои руки к своей шее.

Под его прикосновением я обретаю уверенность и целую его. Целую, зная, что это лучший вид терапии, какой у меня когда-либо будет. Лахлан ведет нас через всю комнату по коридору. Мы вместе входим в дверь. Краем глаза я вижу большую кровать. Я сажусь на ее край и поднимаю глаза. Он заводит руку за спину, хватая себя за рубашку и стягивает ее через голову.

Это произошло так быстро, и все же мои руки невольно дернулись, желая дотронуться до него. В моем животе кипит желание. Вцепившись пальцами в простыни, я в упор разглядываю его. Все, что я хочу, находится прямо передо мной.

В окно проникает свет, придавая его коже голубоватый оттенок. Высвечивает сухожилия, что тянутся вверх по его рукам, его мощные бицепсы. Я могу разглядеть контуры его живота и острый треугольник мускулов, что исчезает под джинсами. Он может обнять меня всю, и я исчезну из виду.

– Ты можешь делать все, что захочешь, – говорит он, и его голос слегка подрагивает. – Я полностью твой.

Моя рука тянется к нему, словно у нее есть собственный разум. Я касаюсь его грудных мышц, и мой взгляд скользит ниже. Я уже трогала его так раньше. Но это ощущение не стареет. Я всегда нахожу что-то новое и

восхитительное, когда прикасаюсь к Лахлану.

Он шумно втягивает носом воздух. Я двигаюсь вниз по его животу. Его упругая кожа подчеркивает контуры пресса. Кровь ревет в моих ушах, пальцы скользят к его низко сидящим на бедрах джинсам.

Внезапно осмелев, я наклоняюсь вперед. Мои зубы касаются кожи над поясом джинсов, пальцы находят пуговицу. Глаза Лахлана горят, он пристально наблюдает за каждым моим движением. Я стягиваю джинсы, затем «боксеры». Мои губы обхватывают его член. Это ни с чем не сравнимое ощущение. Я прикасаюсь к нему, я – хозяйка его тела. Лахлан закрывает глаза. Его рот приоткрывается.

Он бормочет проклятие. Его рука скользит вверх и сжимает мне затылок, удерживая меня на месте.

– Наоми, – он стонет. – Помедленнее.

– А если я не буду медленнее?

Я знаю, что должна прочувствовать каждое прикосновение, каждый поцелуй. Когда я вернусь в Фэйрфакс, мне будет что вспомнить. Но действовать в медленном режиме я не могу, он остался в далеком прошлом. Я уже забыла, когда и как в последний раз была с Лахланом.

«Мой, мой, мой», – мысленно повторяю я.

Моя рука сжимается вокруг него. Он резко втягивает воздух.

– Если ты не остановишься, – шепчет Лахлан, – то все закончится слишком быстро.

Я хочу почувствовать его внутри. Хочу, чтобы он меня трахнул. Это конечная цель. Это единственная причина, почему я отпускаю его. Я откидываюсь назад и снимаю с себя рубашку. Она падает на кровать, и я жду. Но Лахлан не торопится взять меня. Он застыл, и лишь его глаза скользят по мне с головы до ног.

– О чем ты думаешь? – спрашиваю я.

Мое тело совершенно неподвижно. Хотя меня так и тянет обнять его за шею и прижать к себе.

– Я думаю, – медленно говорит он, нависая надо мной. Я вынуждена откинуть голову назад, чтобы взглянуть на него. – Я сделаю с тобой... для тебя... все, что ты попросишь. – Он наклоняется. Теперь его глаза на одном уровне с моими. – Наверно, ты околдовала меня.

Он целует мой открытый рот, одновременно расстегивая молнию на моих джинсах. Я шумно дышу через нос. Мы отстраняемся лишь на секунду. Джинсы спадают. Вслед за ними трусы.

Теперь на мне лишь бюстгальтер.

Небольшой клочок ткани. По глазам Лахлана я вижу, что он хочет,

чтобы я сняла и его. Я завожу руки за спину, чтобы его расстегнуть. Лахлан меня опережает. Он приподнимается на колени. Я откидываю голову назад и наблюдаю за ним. Пара секунд, и бюстгальтер расстегнут. Не сводя с меня глаз, он медленно стягивает с моих рук бретельки. Холодный воздух касается моей груди. Мои соски затвердевают. Я слабо улыбаюсь, наблюдая, как Лахлан рассматривает меня. Я ложусь поперек кровати. Лахлан – следом за мной. Как только моя голова касается подушки, он опускает голову. Губы медленно кружат вокруг ареолы, а затем сжимаются вокруг соска. Моя спина изгибается дугой, руки крепко сжимают его плечи, ногти впиваются ему в кожу. Я забыла, что это такое – быть с Лахланом. Я забыла, как мое тело в считанные секунды способно изо льда превратиться в пламя. Я забыла, что он знает, как трогать меня, как целовать, как обнимать меня так, что я теряю рассудок.

Он ласкает то одну мою грудь, то другую. Я тяжело дышу.

– Я жутко скучал по тебе, – шепчет он, уткнувшись лицом в мою кожу. Он все еще касается меня так, словно боится, что я исчезну. – Я скучал по всей тебе.

Его губы покидают мою грудь и движутся ниже.

Я не закрываю глаз и наблюдаю за ним. Соблазн закрыть глаза велик, но я не хочу ничего пропустить. Я хочу видеть все.

Его голова движется дальше вниз по моему телу. Его руки мягко сжимают мне бедра. Чувствуя на животе его дыхание, я беспокойно ерзаю на простынях. Его губы скользят по изгибу моего бедра. К этому моменту я дрожу. Лахлан останавливается и поднимает голову.

– Хочешь, чтобы я продолжил трогать тебя? – хрипло спрашивает он.

– Зачем спрашивать? – шепчу я в ответ. – Ты же знаешь, что да.

– Когда я прикасаюсь к тебе, я хочу, чтобы ты всегда помнила, что это мои прикосновения и ничьи другие. – Его пальцы скользят по внутренней поверхности моих бедер. – Я не хочу, чтобы ты забывала меня.

Он наклоняется, его губы всего в нескольких дюймах, но он застыл и не двигается. Он даже не начал, а я уже дрожу.

Лахлан наклоняется и целует меня между ног. И хотя я ждала этого мгновения, я изгибаюсь дугой. Невозможно лежать совершенно неподвижно. Его рот скользит по мне, но он упрямо смотрит на меня. Я не в силах отвечать на его взгляд. Я закрываю глаза и откидываю голову назад.

Мои пальцы сжимаются в кулаки. Я хочу схватить его. Я наклоняю бедра туда-сюда, пытаюсь найти идеальный угол, но знаю, что он нарочно распалает меня. Его язык одним быстрым движением скользит вверх. Я задыхаюсь. Мое тело дергается. Он попадает в идеальное место в

идеальное время. Он словно нарочно мучает меня. Я вожу ногами по простыне. Одна нога согнута в колене. Другая изгибается вокруг его плеча. Я найду способ прижаться к нему.

Его язык ласкает меня, вверх-вниз, вверх-вниз, доводя до полного исступления. Я стараюсь не отставать от него. Я не в силах сдерживаться. Кровь ревет в моих венах, под моей кожей как будто движутся крошечные иглы. Мой самоконтроль разлетается вдребезги.

Я хватаю затылок Лахлана, мои пальцы впиваются ему в волосы. Я двигаю бедрами, я нахожу свой ритм. Это создает трение, и я закидываю ноги ему за плечи.

Его руки крепко сжимают мне бедра, он прижимает меня к своему рту. Каждая мышца в моем теле напряжена. Один за другим по нему пробегают разряды тока. Бедра поднимаются в заданном ритме. Лахлан не отпускает меня, его рот быстро скользит по моей коже. А затем наступает тот восхитительный момент, когда я блаженно цепенею и выкрикиваю его имя.

Мое тело бессильно падает на матрас. Я в изнеможении смотрю в потолок. Я тяжело дышу, смакуя последние сладкие судороги. Небесное блаженство. Это единственное определение тому, что я чувствую сейчас.

Лахлан приподнимает голову и лукаво улыбается. Его руки скользят вверх по моим бедрам и снова вниз. Я смотрю на него из-под полуопущенных век.

Он садится и достает презерватив. Опираясь на локти, я наблюдаю, как он надевает его. Быстро и ловко. Он встречает мой взгляд. Его волосы взъерошены. Глаза широко раскрыты и горят желанием. Грудь вздымается. С улыбкой змея-искусителя он смотрит на мое тело.

Он не спрашивает и не ждет. Его локти упираются в матрас по обе стороны от моей головы, колени касаются меня, и он проникает в меня.

– Боже, какая же ты приятная, – хрипло шепчет он.

В эти первые несколько секунд мое тело растягивается, я едва могу дышать. Это восхитительная агония. Его рука нежно обхватывает мою шею, а когда он полностью входит в меня, его лоб упирается в мой.

Его бедра начинают круговые движения. И все время он пристально смотрит мне в глаза.

Он погружается еще глубже. Я поднимаю ноги. Мои голени касаются его ребер. Я крепче обхватываю его, толкая его глубже в себя. Я блаженно закатываю глаза.

– Кто сейчас с тобой? – спрашивает он.

– Ты, – задыхаясь, шепчу я.

– Отлично. Запомни это, – хрипло говорит он и меняет позу.

Теперь он внизу, а я сверху. Мои ладони лежат на его каменной груди.

– Кто сейчас главный?

Я смотрю на наши тела.

– Я.

– Да, ты. – Его пальцы крепко сжимают мои бедра. – И я там, где ты хочешь, чтобы я был.

От его слов по моему телу снова пробегает разряд тока. Сначала я двигаюсь медленно, наблюдая за его лицом. Как он только что наблюдал за мной. Его пальцы впиваются в мою кожу. Но он не ведет меня. Он позволяет мне задавать темп самой.

Я чувствую, как мое тело сжимается вокруг него, и он стонет. Я двигаюсь быстрее, и мои мышцы начинают болеть. Пульс вибрирует под моей кожей как безумный.

Его большая ладонь скользит от моей шеи к затылку, пригибая меня к самому его лицу. Он раз за разом мощными толчками входит в меня.

Кровать скрипит.

Мы оба тяжело дышим.

Наша кожа в капельках пота.

Простыни шуршат под нами.

Эти звуки раздаются все громче и громче, а в следующий миг Лахлан делает последний мощный толчок и кричит.

– Наоми!

Никогда не забуду, как он произнес мое имя. Его голос дышал страстью. Его чувства были обнажены и видны всему миру. Это человек, который возьмет всю мою боль, соберет ее и примет как свою собственную.

Я без сил падаю на него сверху. Мой лоб упирается в его плечо. Его грудь вздымается. Мы лежим так, пока наши сердца не утихомириваются немного.

Я не знаю, что сказать. У меня нет слов. Поэтому я слезаю с него. Лахлан лежит, прикрыв локтем глаза, но стоило мне пошевелиться, как он поднимает руку и быстро моргает.

Он снимает презерватив, отбрасывает его прочь и тянется ко мне.

– Иди сюда, – хрипло произносит он.

Мне нравится низкий тембр его голоса, охрипший от криков. Мои губы невольно растягиваются в ленивой, довольной улыбке. Он обнимает меня, крепко прижимает к себе.

Секс.

Любовь.

Перепихон.

Назовите это как угодно, но это одно и то же. Всякий раз вы отдаете часть себя, которую никогда не сможете вернуть. Но с правильным человеком все получается идеально. Мир перестает вращаться вокруг своей оси, время замедляется, и вы понимаете, что, хотя и теряете частичку себя, вы получаете что-то взамен. То, что он вам дает, идеально подходит вам.

Это то, что я всегда буду чувствовать рядом с Лахланом.

Он обнимает меня, и я знаю, что я в безопасности.

32. Огонь

Год назад

Я решила, что любовь – это болезнь.

Но не сначала.

Сначала это вкусно. Прямо как десерт. Ничто не сравнится с первым глотком. И вы не смакуете его, а жадно набрасываетесь. Вы знаете, что, возможно, это самое вкусное, что вы пробовали в жизни, и продолжаете дегустировать, продолжаете есть. Ваша жадность затмевает рассудок, и к тому моменту, когда вы понимаете, что зашли слишком далеко, уже слишком поздно. Любовь ушла, и вам остается одна только боль.

Если я знала все это, то почему я настраивалась на боль?

* * *

Я расхаживала взад-вперед, и сухие ветки трещали под моими туфлями. Луна вошла и прогнала зной. Вдали стрекотали сверчки. Я не стала замедлять шаг, чтобы оценить звуки или спокойствие этого момента. Я слишком злилась на себя. Злилась, что ответила на звонок Лахлана вчера вечером. Что согласилась встретиться с ним здесь.

Он сказал, что прилетит сегодня и останется на неделю. Когда-то, вернувшись домой, Лахлан оставил бы после себя воспоминаний на целый год. Но после нашего поцелуя все изменилось. Я думала, что все останется прежним, но я ошибалась. Летом мне исполнилось восемнадцать, я ждала и ждала его, но он так и не приехал домой. Он сказал, что у него все лето будет стажировка, причем сказал таким беззаботным голосом, словно знал, что я буду торчать в Маклине, ожидая его.

Но могла ли я его винить?

Если прошлое что-то мне и показало, то не так уж и много. Только то, как я вечно стояла там и ждала его. Но вскоре все должно было измениться. Возможно, он знал, что я уеду отсюда. Может, именно это и заставило его приехать домой.

Мы по-прежнему переписывались по электронной почте, и я ежедневно отвечала на его звонки. В некотором смысле я знала его даже лучше, чем когда-либо прежде. Я хотела увидеть его лицом к лицу. Мне требовалось его физическое присутствие – столь же остро, как и его слова.

Услышав звук шагов, я обернулась. Лахлан шагал в мою сторону. Он смотрел себе под ноги, а руками убирал от лица ветки. Наконец он поднял голову и замер на месте.

Мы в упор посмотрели друг на друга.

На нем были джинсы и серая футболка. Свободно болтаясь на животе, она плотно обтягивала ему плечи.

Он шагнул ближе. Я вытерла взмокшие ладони о шорты. Сердце бешено стучало в груди. Солнце окрасило волосы Лахлана в золотисто-каштановый цвет. Они были длиннее, чем обычно, на лоб свисали пряди. На щеках и подбородке темнела щетина. А глаза, которые раньше сводили меня с ума, стали менее игривыми и более серьезными.

– Только что приехал? – спросила я без всяких церемоний, как всегда в таких случаях.

Он кивнул и шагнул вперед.

– Приземлился час назад.

Я посмотрела по сторонам.

– И как прошел твой полет?

Он смерил меня внимательным взглядом и сделал еще один шаг вперед.

– Было скучно. Я планировал заняться кое-какими документами, но сидел рядом с парнем, который все время болтал со мной, – непринужденно произнес он.

Я усмехнулась. У меня еще будет время услышать от него всю историю. Но сейчас мне нужно было так много рассказать ему.

– Долго ждала? – спросил он.

Я медленно обошла его кругом, пиная мыском туфли желудь.

– Не очень...

– Понятно. Я был...

Мне не хотелось стоять здесь и делать вид, что ничего особенного не происходит. Я резко остановилась и повернулась к нему.

– Я уезжаю отсюда, Лах, – выпалила я.

Все вокруг замерло. Словно мои слова в одно мгновение высосали воздух вокруг нас.

Лахлан застыл на месте.

– Что?

– Меня приняли в Университет Милликин. – Я улыбнулась, но Лахлан не ответил на мою улыбку. – Это частный колледж в центральном Иллинойсе. Я... я всегда хотела подать туда документы и, наконец, набралась смелости.

Я ждала, что он скажет, но он молчал. Сунул руки в карманы и покачивался на пятках. Его взгляд был прикован к деревьям позади меня.

– И когда ты уезжаешь? – наконец спросил он.

– Через несколько недель.

Он посмотрел на меня, и я увидела в его глазах страдание.

– Замечательно.

– Неужели?

Лахлан кивнул.

Я шагнула к нему.

– Что-то не так?

– Ничего. Я рад за тебя, Наоми. – Он улыбнулся, но глаза оставались серьезными.

– Неужели?

– Конечно. – Он скрестил на груди руки и оглянулся на тропинку.

Я положила руку ему на локоть.

– Ты всегда говорил мне, что я должна мечтать, должна хотеть чего-то за пределами Маклина. Вот я и захотела. А теперь я уезжаю отсюда, а ты...

Он вскинул подбородок и посмотрел мне прямо в глаза.

– Что я?

– Ты как будто злишься, – сказала я очень тихо.

– Нет, мне просто грустно. Я вернулся домой навсегда, а ты уезжаешь.

Не приходи это со мной, я бы рассмеялась над его иронией, но я могла лишь дышать, преодолевая боль, зная, что весь мир ополчился против нас. Я даже подумала, что у нас, скорее всего, никогда не возникнет идеальной возможности быть вместе.

– Я всегда знал, что рано или поздно ты уедешь отсюда. Просто не ожидал, что это произойдет сейчас.

До того, как он пришел сюда, я собиралась сообщить ему, насколько я зла. Я собиралась орать на него. И где же этот мой гнев?

– Я оставалась здесь все это время. Что мешало тебе вернуться домой?

– Тебе было семнадцать!

– И?

Он наклонил голову.

– Ты просто...

Я попятилась.

– Клянусь Богом, только попробуй произнести слово «малышка», и я за себя не ручаюсь! – крикнула я. – Ты прекрасно знаешь, что мы оба взрослые. Разница в возрасте уже не так велика. Ты знал это в прошлом году и знал это несколько лет назад, когда поцеловал меня!

Он с вызовом расправил плечи и сердито поджал губы. Было видно, что ему хотелось поспорить со мной. Но вместо того, чтобы крикнуть и выпустить на волю правду, он отступил назад, на шаг, потом еще на один.

– Я не собираюсь стоять здесь и спорить с тобой, – наконец сказал он.

– Ты уходишь? – бросила я ему вслед.

– Лучше уйти, чем это! – крикнул он через плечо.

– Я когда-то давно сказала тебе, что люблю тебя. И до сих пор люблю.

Он остановился и повернул голову ко мне. Я нервно облизала губы.

– Ты уходишь потому, что сердит на меня, или потому, что тебя пугает то, что ты чувствуешь?

Он застыл, упершись руками в бока и вздернув подбородок. Он смотрел на все что угодно, только не на меня.

– Наоми...

– Ну так как? – упорствовала я.

Я стояла, сжав кулаки, и ждала, когда он ответит на мой вопрос. Я сказала ему правду давным-давно. И заслужила знать ответную правду. Я заслужила, чтобы он честно смотрел мне в глаза, когда, наконец, скажет ее.

Шли секунды. Для меня они растянулись на годы. А затем его карие глаза встретились с моими.

– Ты любишь меня? – спросила я.

Лахлан застыл, не говоря ни слова. От страха мое сердце колотилось в груди как бешеное.

И он шагнул. Сделал шаг, которого я ждала многие годы. Шаг за шагом он сокращал расстояние между нами и, когда, наконец, очутился рядом, взял мое лицо в свои ладони. Его губы коснулись моих.

Вы знаете этот поцелуй? Тот, который забирает всю вашу боль, страх, неуверенность, печаль и уничтожает их в считанные секунды? Поцелуй, который возвращает вас к жизни?

Это был тот самый поцелуй.

Я приподнялась на цыпочки. Схватила его за футболку и обняла за шею. Он повел меня назад, пока я не оказалась спиной у дерева. Я тотчас забыла об окружающем нас мире. Все вокруг исчезло, остались только он и я.

Наши руки одновременно потянулись к одежде друг друга – быстрыми, нетерпеливыми рывками. Он возился с пуговицами на моем платье, расстегивая его от горла до самого низа. Наконец последняя пуговица расстегнулась, и его палец коснулся моего живота. Платье разошлось, обнажив светлый розовый бюстгальтер. По моей коже пробежала щекотка. Я жаждала прикосновений. Я схватила его за футболку.

Он послушно поднял руки, и футболка скользнула вверх и через голову. Мы не стали обниматься, а застыли, пожирая друг друга глазами. Я ждала этого момента многие годы, и, наконец, он настал. Мой взгляд заскользил по телу Лахлана.

По гладкой коже его груди. Его пресс напрягся, с каждым вздохом становясь более рельефным. Я посмотрела на мышцы внизу его живота, те, что похожи на перевернутый треугольник. Мой мозг тут же пошел вразнос, пальцы невольно сжались в кулаки.

Дрожащими руками я потянулась к застежке лифчика. Одно движение – и кружевные чашечки разошлись, повиснув у меня по бокам.

Я застыла неподвижно, давая ему время рассмотреть меня. Так же, как я рассматривала его.

Я смотрела на него, чувствуя, как бешено бьется мое сердце. Его взгляд был не просто пристальным. Он был почти что голодным. И я поняла: я не единственная, кто ждал этого момента.

Тихо выругавшись, он буквально врезался в меня. От соприкосновения наших тел я едва не задохнулась. Его губы скользнули к моим губам. Я откинула голову назад, мои пальцы впились ему в плечи.

Его руки скользили по моей коже, его губы следовали за ними. Я почувствовала его теплое дыхание на моей груди, ощутила, как его язык коснулся моего соска.

– Продолжай! – взмолилась я.

Никогда еще я не чувствовала в своем теле такого жара. Казалось, еще пара секунд, и я воспламенюсь. Я хотела, чтобы это длилось вечно.

Одна его рука скользнула в мои волосы. Другая собрала мое платье и, закрутив подол вокруг талии, легла на мои ягодицы. Он прижал меня к себе, и я ощутила твердость его члена.

Судорожно дыша через нос, я провела пальцами по напрягшимся мышцам его живота.

Лахлан сквозь зубы втянул в себя воздух и прижался лбом к моему лбу. Я тем временем расстегивала его джинсы. Мои большие пальцы скользнули за ткань его «боксеров». Мои руки дрожали, я тяжело дышала. Я была готова увидеть и ощутить его. И в этот момент Лахлан дернулся, словно ему на голову вылили ведро холодной воды. Он стоял, тяжело дыша, джинсы повисли на бедрах, грозя в любую секунду свалиться. Я знала, что выгляжу не лучше. Волосы всклокочены, губы в синяках от поцелуев. Одной рукой я держала подол платья.

– Только не здесь, – хрипло произнес он.

– Почему нет? – прошептала я.

Его глаза все еще горели яростным желанием, но он окинул меня взглядом и немного остыл.

– Ты Наоми, – сказал он, словно это все объясняло.

– Мне все равно, где мы это делаем, – заявила я.

Так оно и было. На полу, на кровати или даже прижавшись к дереву. Неважно где, просто я нуждалась в нем, в его прикосновениях, его объятиях.

В эти мгновения для меня существовала только любовь. Я не замечала боли, зато мой голод был поистине ненасытен.

– Прикоснись ко мне прямо сейчас, – прошептала я, убирая руку от платья. Оно соскользнуло с моих плеч. Соски мгновенно затвердели. Тело покрылось гусиной кожей.

Лахлан приоткрыл рот, но не издал ни звука. Он шагнул ко мне прежде, чем последнее слово сорвалось с моих губ. Его руки скользнули за мою спину и оторвали меня от земли.

– Обхвати меня ногами, – сказал он.

Я нетерпеливо обвила его ногами.

– Но ведь на мне трусы, – запротестовала я.

Я схватилась за резинку, намереваясь стянуть их вниз, но он опередил меня. Тонкая ткань разорвалась и упала на землю. Затаив дыхание, я наблюдала, как он вытащил из заднего кармана бумажник и достал из него маленький квадратный пакетик. Бумажник упал в траву. Лахлан спустил «боксеры». Его член, твердый как камень, был всего в нескольких дюймах от моих бедер. Дрожая всем телом, я смотрела, как он надевал презерватив. Его движения были медленными, и, клянусь, он делал это нарочно, чтобы я могла все хорошенько рассмотреть. Я хотела потрогать его, кожа выглядела такой соблазнительно гладкой и шелковистой. Я протянула руку. Но Лахлан ее перехватил. Нежно, но крепко взяв мое запястье, он посмотрел на меня, и его губы изогнулись в лукавой улыбке.

Я подняла ноги. Его член коснулся внутренней поверхности моих бедер.

Лукавая улыбка исчезла.

Он медленно вошел в меня. Чтобы я прочувствовала каждый дюйм. Мой рот приоткрылся. Веки отяжелели. Это было божественно.

Я ждала, когда Лахлан начнет двигаться, но он замер. Взяв меня за подбородок, он заставил меня посмотреть на него. И я поняла: он хочет наблюдать за мной. Хочет увидеть мою реакцию, когда он сделает первое движение внутри меня.

– Двигайся, – выдохнула я. – Ты должен двигаться.

Я думала, что он заставит меня умолять. И, честно говоря, была к этому готова. Ради Лахлана я была готова на все что угодно.

– Лахлан, – прошептала я. – Двигайся.

Наконец он дал мне то, что я желала. Мне тотчас стало легче, но только на секунду. Он задвигался быстрее. И как только я начала находить его ритм, он задвигал бедрами, и мой разум отключился.

Он жадно впился мне в губы. В поцелуе не было нежности, скорее, он навечно ставил на меня клеймо.

Я принадлежала ему.

Кора дерева больно врезалась мне в кожу. Я невольно выгнула спину и напрягла ноги.

Я повернула голову и увидела на траве наши тени. Я даже моргнула несколько раз, отказываясь признать, что это мы. Руки мужчины держал над ее головой, для устойчивости опираясь о дерево. Он слегка согнул колени и ритмично входил в нее. Они нашли подходящий ритм. Она запрокинула голову и обвилась вокруг его тела, словно вторая кожа. Одна ее рука обнимала его за шею, а затем они обе скользнули с его широких плеч на спину. Ее пальцы вонзились в его мягкую кожу, и когда он отстранился, она провела ногтями по его телу, зная, что оставит следы. Их тела ни на миг не отрывались друг от друга.

В воздухе висел запах пота. Это не остановило их. Их ничто не могло остановить. Они будут и дальше двигаться в едином ритме, находить новые места, до которых можно будет дотронуться, – и так до бесконечности.

– Боже, я люблю тебя, – страстно прошептал он.

Его слова проскользнули сквозь мою кожу, пробежали по моим венам и устремились прямо к моему сердцу.

Моя кожа пела, словно жила собственной жизнью. К глазам подкатились слезы. «*Останься, останься, останься*», – неистово повторяла я про себя. Я не хотела, чтобы это чувство покинуло меня. Я пыталась сдержаться. Бесполезно. Я прошла точку возврата. Мои мышцы напряглись, глаза широко открылись. Небо надо мной расплылось в сером тумане. Невероятно, но мое тело стало почти невесомым.

Все прочие ощущения начали меркнуть и отступать, в моем теле не осталось ни единой косточки.

Я уронила голову ему на плечо и крепко вцепилась в него. Он же входил в меня с яростными толчками. Наконец он привстал на мысках и на секунду застыл в таком положении. Его голова запрокинулась, и мне стали видны его подбородок и шея. Он что-то бессвязно выкрикнул, по его телу пробежала судорога. Я улыбнулась и поцеловала его в плечо.

Я ощущала биение его сердца.

Он уткнулся лбом мне в плечо. Я услышала, как он снова сказал, не отрываясь от меня:

– Боже, я люблю тебя.

Мои пальцы впились ему в волосы.

Он держал меня, потому что я не могла двигаться. Я чувствовала себя тряпичной куклой. Мои ноги и руки все еще болтались, как ватные.

Когда мое сердце, наконец, начало биться медленнее, он отпустил меня. Мои ноги коснулись земли. Я сделала несколько шатких шагов, словно разучилась ходить.

Я оделась, и все это время Лахлан стоял совершенно неподвижно. Его грудь вздымалась от частого дыхания, голова упиралась в дерево.

Застегнув последнюю пуговицу, я сглотнула.

– Только не говори, что сожалеешь об этом, – робко сказала я.

Он закрыл глаза, словно почувствовал боль. Он выпрямился, стащил презерватив и застегнул джинсы. И, наконец, увидел на земле свой бумажник. Он нахмурился, словно понятия не имел, как тот туда попал.

– Наверное, я должен. Но нет, я не жалею. – Он указал туда, где только что переплетались наши тела. – И никогда не пожалею.

– Тогда почему у тебя такой вид?

Он подобрал свою футболку и быстро, почти рывком надел ее. Та скользнула на место, и он непонимающе посмотрел на меня.

– Я еще не закончил! – взорвался он.

Я замерла на месте и растерянно посмотрела на него.

– Ты уезжаешь, и я чертовски горжусь тобой, – прошептал он. – Но если этот вечер что-то мне и показал, то лишь одну вещь... Я люблю тебя и никогда не смогу тебя забыть.

Я приоткрыла рот, но не смогла вымолвить ни слова. Я все еще не пришла в себя от того, что он сказал. Услышать из уст Лахлана «я люблю тебя» – такое невозможно забыть. Три слова пронзили меня словно удар током.

Он печально усмехнулся.

– Я не хочу тебя отпускать.

И я не хотела, чтобы он меня отпускал. Я хотела остаться с ним на всю жизнь. Но я ничего ему не сказала. Тихий голос в моей голове тотчас прошептал мне, что стоит произнести это вслух, как ничего не сбудется.

Я подошла к нему и, обхватив его за талию, посмотрела на него. Он наклонился, его губы медленно скользнули к моим. Все, что не сказала, я вложила в свой поцелуй. Лахлан ответил тем же, сжав меня так крепко, что

я едва могла дышать.

Я отстранилась первой.

– Нам пора домой, – сказала я с сожалением.

Я протянула руку. Он схватил ее, и она утонула в его большой ладони. Обычно я едва попевала за его размашистыми шагами, но сегодня он шел медленно. Трава хрустела под нашими ногами.

– Я нервничаю, – сказала я.

– Из-за того, что уезжаешь?

– Из-за того, что уезжаю от тебя. Из Маклина. От всего, что мне хорошо знакомо, – призналась я.

Он сжал мою руку.

– Не волнуйся, с тобой все будет хорошо.

– Не знаю даже, нормально ли так нервничать.

– Ты начинаешь новую главу жизни, конечно, это нормально.

Я хотела спросить у него, приедет ли он ко мне. Я боялась жить где-то без него. Ведь когда он сам жил вдали от Маклина, у меня для утешения имелся домик на дереве и воспоминания о времени, проведенном вместе. Если я уеду, то все мои воспоминания останутся здесь. И это пугало меня.

Вскоре мы увидели его дом с освещенными окнами. Увидев движущиеся внутри тени, я сильнее сжала руку Лахлана. Я не была готова к тому, что он сейчас уйдет.

– Ты уже видел родителей?

– Только на секунду. Я бросил сумки и пришел к тебе.

Я улыбнулась. Я была для него важнее всего на свете.

Дойдя до высокого дуба, мы оба как по команде посмотрели на домик. За эти годы отец Лахлана не раз менял сгнившие доски, но время неумолимо делало свое дело.

Было в сегодняшнем вечере нечто окончательное. Я словно закрывала главу своего детства. Больше никаких поздних вечеров, никаких посиделок в домике на дереве, когда я изливала Лахлану душу.

Ветер усилился. Наверно поэтому мои глаза слезились.

– Лахлан? – позвала его мать.

Лахлан покосился на меня. Мы не хотели, чтобы этот вечер закончился, и уж точно не хотели, чтобы нам кто-то мешал.

Лахлан отпустил мою руку.

– Подожди, – произнес он одними губами и шагнул на веранду.

Я стояла за дубом, словно беглянка. Осторожно выглянув из-за дерева, я посмотрела на Лахлана и Мейджи.

– Привет, мам, – поздоровался он.

Они обнялись, затем она поцеловала его в щеку и отступила, чтобы лучше рассмотреть.

Было приятно видеть, как Мейджи Холстед любит своего сына. Любовь сияла в ее глазах, в том, как она разговаривала с ним. Невысокая женщина, она была едва ему по плечо.

Хотя она была невысока ростом, характером она обладала железным. Никто не посмел бы даже пикнуть на нее.

Каждый раз при встрече она приветливо здоровалась со мной, что, однако, не мешало ей смотреть на меня так, словно ее глаза видели то, что у меня внутри.

Чем всегда до чертиков пугала меня.

– Отец сказал, что твой рейс приземлился несколько часов назад, – сказала Мейджи. – Где ты пропал?

– Был с Наоми.

Его мать ничего не сказала, лишь неодобрительно поджала губы.

– Как она? – натянуто спросила она.

– Хорошо. – Лахлан скрестил руки и откинулся на перила. – Она скоро уезжает. Будет учиться в колледже.

– Замечательно, – буркнула Мейджи.

Может, для нее и впрямь замечательно.

– Это да, – сказал Лахлан. – Я ужасно горжусь ею.

Они оба умолкли. Пристально посмотрев на сына, Мейджи шагнула к нему и, скрестив на груди руки, встала с ним рядом.

– Помню, как она сидела в домике на дереве и выдумывала истории о том, как уедет отсюда.

Лахлан посмотрел на мать.

– Ты их слышала?

– А ты как думал? Окно моей спальни летом всегда открыто. Я отлично слышала ваши разговоры.

Лахлан усмехнулся. Я легонько постучала головой по стволу и поморщилась от смущения.

– Ты не думала, что она уедет из Маклина?

– Сомневалась, – честно призналась она.

Я видела, как напряглись его плечи.

– Почему? – спросил он.

– Лахлан... – вздохнула она. – Не знаю, сможет ли она оставаться так далеко от тебя. С той минуты, как она тебя увидела, она влюбилась в тебя по уши. С годами детская влюбленность переросла в любовь и такой уровень привязанности, который иногда заставляет меня задуматься.

Лахлан выпрямился и незаметно кивнул головой в мою сторону.

– Да?

– Да. – Мейджи пристально посмотрела на сына. – И ты даже не заметил, как она завладела тобой. – Она протянула руку и постучала рукой по груди Лахлана, там, где билось его сердце. – Она завладела частью тебя.

Он не стал лгать, не стал выдумывать оправданий. Пристально посмотрев на мать, он произнес негромко, но твердо:

– Я люблю ее.

В свою очередь она не стала спорить, не пыталась доказать, что он ошибается. Вместо этого она кивнула и задумчиво поджала губы.

– Опиши это мне, – внезапно сказала она. – Опиши свою любовь к ней.

– Мама... – укоризненно произнес Лахлан. Мейджи даже не сдвинулась с места. Она стояла, ожидая, что он ей ответит. – Я не могу описать то, о чем ты меня просишь. Это все равно что попросить меня описать пресную воду. Без нее нельзя. Вода нужна, чтобы жить. Наоми нужна мне, чтобы жить.

Мейджи глубоко вздохнула.

– Мне нравится Наоми, – легко сказала она.

Я едва не фыркнула. Даже Лахлан и тот удостоил мать скептическим взглядом.

– Я серьезно, – добавила она. – Но это никак не связано с моей симпатией к ней. Просто она нуждается в тебе настолько сильно, что ничто не способно это поколебать. Мне кажется, ты сам не понимаешь, сколько ты должен отдать, чтобы быть с ней.

– Почему ты это говоришь?

Мейджи молчала. Сложила на груди руки и прислонилась к перилам.

– Когда сильно любишь кого-то... это на всю жизнь. В самом начале говорить о любви легко и просто, потому что все предстает в розовом свете. Если Наоми любит тебя так, как я думаю, то тебе нужно быть с ней, несмотря ни на что. Ее счастье, страх и боль – даже ее мысли – становятся твоими, и ты должен приложить все силы к тому, чтобы так было всегда.

Мои глаза полезли на лоб. Сказанное потрясло меня. Я никак не ожидала услышать от Мейджи Холстед такие слова.

– Я не собираюсь никуда убегать, – поклялся Лахлан.

– Прекрасно, – сказала мать и, словно ей в голову пришла запоздалая мысль, добавила: – Не подведи ее.

– Ни за что.

Уголки ее губ поползли вверх, и она обняла Лахлана.

– Как хорошо, что ты снова дома, сынок. – Прежде чем вернуться в

дом, она посмотрела через плечо Лахлана прямо на меня.

Я застыла, ожидая, когда она окликнет меня. Но она повернулась и вошла в дом.

Дверь закрылась.

Лахлан стоял неподвижно, словно окаменев. Я вышла из своего укрытия и шагнула к нему. Он смотрел куда-то вдаль. Я встала рядом и прильнула головой к его плечу.

– Я знаю, ты все слышала, – сказал он.

– До единого слова.

Он с сожалением посмотрел на меня.

– Моя мать, просто она...

– На ее месте так поступила бы любая мать, – закончил я за него. –

Она права во всем, что сказала.

Он задумчиво посмотрел на меня и сказал тихо-тихо:

– Я люблю тебя.

Я слабо улыбнулась.

– Я тоже тебя люблю... но любовь не все решает. Что нам делать дальше?

Лахлан закрыл глаза и потер переносицу.

– Я не могу просить тебя остаться в Маклине. Ты заслуживаешь того, чтобы уехать отсюда и получить образование...

Он умолк, не договорив. Я очень надеялась, что все, что он скажет дальше, не разорвет мне сердце.

– Значит, ты уедешь учиться в колледж, я же буду ждать твоего возвращения.

– В Маклине?

Лахлан кивнул.

– После моей стажировки я должен был провести в Питтсбурге только год. Этот год почти закончился, и я возвращаюсь домой.

Я это знала. Просто не знала про Маклин. Я улыбнулась иронии судьбы. Мир сыграл с нами злую шутку. Именно в то время, когда мы решили дать друг другу шанс, один из нас должен уехать.

Моя улыбка погасла, сердце защемило. Я с убитым видом посмотрела на Лахлана. Он развел руки, и я с радостью шагнула в его объятия.

– Обещаю, – прошептал он мне на ухо, – я буду ждать тебя.

33. Пепел

Поздно вечером в воскресенье Лахлан высадил меня у дверей Фэйрфакса. Мы сидим в его машине, прямо перед входной дверью. Я смотрю на свои руки, мне не хочется заходить внутрь.

Эти выходные были восхитительными. Глоток свежего воздуха, о котором я даже не мечтала. Увы, они подошли к концу слишком быстро. Казалось, Лахлан забрал меня из клиники всего несколько минут назад.

– Я не хочу этого делать, – бормочет Лахлан.

Мои руки дрожат. Я закусываю нижнюю губу и изо всех сил стараюсь не расплакаться.

– Хорошо отдохнула? – Лахлан поворачивается на сиденье, и его запах облаком плывет ко мне. Моя решимость дает трещину. По моей щеке скатывается слеза. – Приятное разнообразие, ведь так? – спрашивает он.

– Еще какое приятное, – шепчу я. – Мне понравилось.

– Мне тоже. – Лахлан наклоняется ближе и берет меня за руку. – Я хочу, чтобы ты вернулась туда и поправилась. Ты даже не представляешь, как мне хочется увезти тебя сейчас отсюда далеко-далеко. Прошлой ночью я думал о том, куда мы с тобой могли бы уехать. Например, в Мэн. Или во Флориду? – Он улыбается. – Но ничего не придумал. Поступи я так, я проявил бы себя конченным эгоистом. Я знаю, ты можешь войти. Ведь так?

– Что, если не могу? – Мой голос дрожит. – Что, если я угасаю, и от меня скоро ничего не останется?

– Невозможно. – Он обнимает меня за шею. Наши лбы соприкасаются, глаза – на расстоянии всего нескольких дюймов. – Человек угасает, только если для него ничего не осталось. Но есть я и ты. И всегда будет что-то такое, ради чего стоит жить.

Слезы катятся по моему лицу и падают на кожу сиденья. Лахлан не смахивает их, и я не хочу, чтобы он их смахивал.

Я вытираю лицо тыльной стороной ладони и шмыгаю носом. Я с ужасом смотрю на Фэйрфакс.

– Последние два дня я чувствовала себя нормальным человеком. Я хочу всегда так себя чувствовать.

– Ты вновь это почувствуешь. Очень скоро.

Лахлан привлекает меня к себе и заключает в объятия. Это последние, прощальные объятия, которых я страшилась весь день. Он крепко сжимает меня, словно надеется, что может вновь собрать воедино осколки моей

жизни.

Я не против. Вот только это непросто.

Я отстраняюсь первой и, пока не разразился второй поток слез, хватаюсь за ручку двери. Прежде чем выйти из машины и шагнуть вперед, я крепко целую Лахлана в губы. Зажмурившись, я цепляюсь за его рубашку. Прежде чем оторваться от него, я даю губам задержаться еще несколько секунд.

Я выпрыгиваю из машины и хватаю свою сумку. Морозный воздух превращает теплые слезы в уголках моих глаз в сосульки. Я тотчас вспоминаю сосульку на дереве, мою сосульку. Воспоминание это дает мне достаточно сил, чтобы идти вперед и не оглядываться через плечо. Я возвращаюсь в ад.

34. Тупик

– Ну как, весело провела выходные?

– Да, – отвечаю я, закрывая дверь ее кабинета.

К счастью, она не спрашивает, что я делала. Я бы все равно не сказала. Я сижу напротив нее.

Доктор Ратледж улыбается.

– Я вижу. Ты выглядишь... посвежевшей.

– Я чувствую себя посвежевшей, – признаюсь я.

Я поворачиваю голову и смотрю в окно. Ночью выпал снег, и теперь на земле лежит белоснежное покрывало.

– Я знаю, что ты скучаешь по нему.

Я смотрю на доктора Ратледж. Прямо сейчас я хочу наклониться и спросить у нее, по кому я скучаю... По Лахлану или Максусу? Потому что мое сердце скучает по ним обоим. Оно медленно раскалывается пополам, прямо посередине, и я ничего не могу с этим поделать.

Я знала: после того, как я вернусь в Фэйрфакс, мне придется объяснить оставшуюся часть моей истории. Из-за этого я не спала прошлой ночью. Я не видела отца Ланы в своей комнате. Я просто повторяла все, что говорила доктору Ратледж, плюс небольшой кусочек, который мне предстояло ей рассказать. Я не знаю, готова ли я.

Доктор Ратледж открывает блокнот, берет ручку и откидывается на спинку стула. Ее губы растягиваются в улыбке.

– Ты готова?

– Рассказать вам остальную часть моей истории?

Она кивает.

– Не знаю, – шепчу я.

Она снова кладет ручку.

– О чем ты думаешь, Наоми?

– О том, что я никогда не заходила так далеко, рассказывая свою историю.

– Это тебя пугает?

Я пожимаю плечами.

– Может быть.

– Думаю, мне тоже было бы страшно. – Она кладет подбородок на ладонь и барабанит пальцами по щеке, задумчиво глядя на стол. – Держать все это при себе – тяжкая ноша. Но сбросить ее с себя еще сложнее.

Я нерешительно киваю, не зная, что должна делать или говорить.

– Нам не обязательно делать это сегодня, – говорит доктор Ратледж. – Мы можем придерживаться твоего темпа. Я довольна нашими успехами.

Я тоже. На это ушло довольно много времени, но, по крайней мере, мы сдвинулись с места. Я знаю: доктор Ратледж права. Сбросить все это нелегко, но то, что последует за моей историей – вся эта неизвестность, – гораздо страшнее. Я чувствую, что зашла в тупик.

Я вытираю влажные ладони о спортивные штаны. Я тру их с такой силой, что вскоре кожа начинает саднить. Вчера Лахлан велел мне быть сильной.

«Будь сильной, будь сильной, будь сильной», – снова и снова шепчу я про себя. Наконец я поднимаю на доктора Ратледж глаза и вскидываю подбородок, что, как я надеюсь, должно продемонстрировать мою решимость.

– Я могу продолжить, – говорю я.

Доктор Ратледж скептически наклоняет голову.

– Ты уверена?

Я быстро киваю.

– Я расскажу вам все остальное.

35. Все потеряно

Шел дождь. Сотни капель падали с неба и медленно стекали вниз ручейками, словно слезы. Сквозь лобовое стекло мне на лицо падал красный свет светофора. Я уперлась лбом в холодное окно и посмотрела на улицу. Прямо напротив на стойке прессы я увидела еще одну газету с фотографией Макса на первой полосе.

Его выпустили под залог больше месяца назад, но скандал в Маклине все еще продолжался. Клиенты покинули компанию его семьи, доброе имя его родителей было вымарано в грязи. Конечно, все думают по-разному. Большинство считают, что напечатанное в газете – правда, и говорят, что они не удивлены. Меньшинство сбито с толку; они шокированы скандальным поступком Макса. Но всех их объединяет нечто общее: никто не протянул ему руку помощи и не защитил его.

Зажегся зеленый свет. Я быстро взяла с места, шины взвизгнули на мокром асфальте. Я выехала из Маклина, а когда добралась до подъездной дорожки к нашему дому, то быстро окинула его взглядом, чтобы убедиться, что там никого нет. Я не вернулась в августе в колледж, как должна была. Я сказала себе, что просто пропущу один семестр, а когда история с Максом и Ланой уляжется, вернусь. Моим родителям это не понравилось. Они смотрели на меня с разочарованием в глазах. Каждый раз, когда мы разговаривали, я слышала упрек в их словах, им явно было тяжело общаться со мной. Я не оправдала их надежд, и они восприняли это как удар.

Конечно, это можно считать странным, но я понимала, что подвела их. Такое случалось и в прошлом, но все мои бывшие неудачи со временем сошли на нет. Я не знала, как исправить эту историю, если не считать возвращения в колледж. Все вокруг меня рушилось, и сама я медленно тонула.

Прежде чем выйти из машины, я торопливо написала Максусэсмэску, что очень быстро переоденусь и сразу приду к нему домой. Держа над головой сумочку, я со всех ног бросилась к задней двери. Надо мной пролетели десятки птиц, выстроившихся в небе острым клином. Я подняла глаза и провожала их взглядом, пока они не превратились в маленькие черные точки. Как жаль, что я не могла собрать все свои проблемы и попросить птиц унести их далеко-далеко.

Я даже фыркнула при этой нелепой мысли и посмотрела на длинный

участок земли и деревья вокруг меня. Где-то среди них стоял и мой домик. Его крыша, скорее всего, покрылась мокрыми листьями, красными и оранжевыми. Лето ушло навсегда несколько недель назад, забрав с собой жаркие солнечные дни и яркие краски, и оставило мир с падающими листьями, облачным небом, заледенелой травой и прохладными днями. Оно также унесло мой оптимистический настрой, оставив взамен растерянность и боль.

Но домик был прежним. В нем все еще жили воспоминания, которые ничто и никто не мог отнять у меня. Закрой я глаза, я бы вспомнила, как Лахлан обнимал меня, как смотрел на меня год назад. Как он сказал, что любит меня, и как его слова вселили в меня надежду, что все будет хорошо. Мне хотелось вернуть это чувство.

Я забыла, что хотела переодеться. Забросив сумочку в дом, я словно в трансе сошла с крыльца. Несколько раз поскользнувшись на гладкой траве, я бросилась бежать. Волосы развевались у меня за спиной. Холодный ветер хлестал по лицу, и мои глаза слезились. Пальцы порозовели от холода. Я побежала быстрее и постепенно начала согреваться. По жилам побежал адреналин. Приблизившись к стоящим стеной деревьям, я улыбнулась.

Чем ближе я подбегала к домику, тем отчетливее, клянусь, слышала голос Лахлана: *«Боже, я люблю тебя, Наоми»*.

Я ускорила шаг, и голос зазвучал громче: *«Обещаю, что буду ждать тебя»*.

Я бросилась сквозь деревья, отталкивая от лица ветку за веткой. Кроны деревьев словно раскрыли надо мной зонтик, но все равно капли дождя проникали сквозь них и падали мне на голову. Домчавшись до поляны, я остановилась. Тяжело дыша, я согнулась, упираясь руками в колени, и посмотрела на домик.

Он выглядел более старым, потемнев от непогоды сильнее, чем раньше. И все равно оставался прежним. Я улыбнулась, а потом и вообще рассмеялась.

– С тобой все в порядке? – спросил кто-то из-за моей спины.

Я ахнула и обернулась.

Лахлан стоял, задумчиво глядя на меня. Он промок до нитки, не похоже, чтобы куртка спасала его от дождя. Скорее, наоборот. Его волосы прилипли к затылку, щеки покраснели от холода. Он запыхался, как и я.

Никакого тебе «привет». Никакого приветствия вообще.

– Как ты меня нашел? – спросила я.

– Увидел, как ты бежишь, и последовал за тобой.

Мы стояли молча. Мои чувства притупились от стоявшего стеной

дождя. Мы впервые встретились за это лето. Я словно оцепенела, не зная, что мне делать. Устроить сцену, расплакаться или броситься ему в объятия? Я придиричиво посмотрела на него в поисках каких-либо изменений. Но нет, он был все таким же.

В последний раз я разговаривала с Лахланом по телефону за два дня до отъезда из кампуса. За два дня до летних каникул и возвращения в Маклин, чтобы увидеть Лану. Мы разговаривали каждый день, но нас окружало растущее напряжение. На меня давил колледж. Лахлан хотел знать, что случилось; он хотел помочь мне. Вот только я не могла сказать ему, что случилось. И была взвинчена, потому что он ничем не мог мне помочь.

Прежде чем положить трубку, он сказал, что увидит меня, когда я вернусь.

Я сказала: «Хорошо». Он сказал: «Я люблю тебя». – «Я тоже», – ответила я.

Но что случилось между тогда и сейчас? Что могло нас разлучить?

– У тебя все нормально? – спросил Лахлан.

Я сморгнула капли дождя и прошлое.

– Да, все в порядке, – пролепетала я.

Похоже, мои слова его не убедили. Он шагнул мне навстречу.

– В чем дело?

– Ничего.

– Глядя на тебя, не скажешь.

Лахлан в упор посмотрел на меня, словно искал подсказку, которая доказала бы его правоту, и, продолжи я смотреть на него, он ее непременно нашел бы. Он шагнул вперед и протянул руку. Я увернулась от его руки, словно это был яд, и постаралась поддерживать расстояние между нами, но это убивало меня.

Лахлан обиженно посмотрел на меня.

– Ты знаешь, что у меня кто-то есть?

Мои слова прозвучали на фоне стука дождя – крупных, злых капель, падавших с неба. Лахлан остановился. Он ничего не сказал, и сначала я подумала, что он не услышал моих слов. Но затем он прищурился и стиснул зубы – так сильно, что на скулах вздулись желваки. Он слегка повернул голову – всего на долю дюйма.

– Что-о-о? – медленно протянул он.

Дождь заглушал его голос, но я все равно слышала его.

– Его зовут Макс. Я познакомилась с ним в начале лета на вечеринке, которую он устраивал.

Глаза Лахлана буквально полезли на лоб.

– Со мной была Лана, – поспешила добавить я. – Я имею в виду... я пошла вместе с ней. Ей пришлось пойти, потому что там были ее родители и...

Меня несло, и я это знала. И все же каменное выражение лица Лахлана заставило меня умолкнуть. Его брови были насуплены, глаза прищурены, словно он пытался что-то разглядеть во мне.

– О чем ты говоришь? – тихо спросил он.

Я с несчастным видом посмотрела на него; это все, что я могла.

– Это я... – Он откинул полу куртки и потрогал ткань своей рубашки. – Лахлан.

– Я знаю, – слегка обиженно сказала я.

– Знаешь?

– Конечно, знаю! – выкрикнула я в ответ. – Я знаю тебя практически всю мою жизнь!

Лахлан покачал головой.

– Ты уверена, что с тобой все в порядке?

Я открыла рот, но не издала ни звука. Лахлан заставил меня засомневаться в себе. Под его взглядом мне казалось, что я схожу с ума. Я это ненавидела.

Но затем он открыл мне объятия. Я думала, что Макса в моей жизни будет достаточно.

Я ошибалась. Я нуждалась в них обоих.

Я с радостью шагнула в его объятия. Он был таким теплым, крепким, надежным. Я велела себе глубоко дышать, но это не помогло. Мое дыхание превратилось в судорожные, учащенные всхлипы. Мне хотелось рассказать ему обо всем, что произошло. Всю историю Ланы, с самого начала. Я представила себе, как боль тяжким грузом свалилась бы с моих плеч. Лахлан выслушал бы меня, успокоил все мои страхи, и все вновь стало бы хорошо.

– Со мной не все в порядке, – сказала я, уткнувшись ему в грудь.

36. Зеркало

Мы с Ланой отреагировали на арест Макса по-разному. Я разделяла ее печаль и отчаяние, но не чувствовала себя подавленной. Во мне слишком ярко кипели гнев и агрессия. Она же корила себя за все, что случилось.

Я не видела Лахлана целую неделю. Это не имело значения, потому что в последнее время все изменилось. На протяжении целого лета мне отлично удавалось не думать о нем, но стоило мне увидеть его, как все мои усилия шли насмарку. Голова мгновенно становилась тяжелой, словно налитой свинцом, я ощущала себя на грани мучительной головной боли.

Уже сейчас я методично терла виски.

Лана лежала на диване, накинув покрывало. Грязные волосы стянуты в узел на затылке. У нее бледная, воскового оттенка кожа, какая бывает у тех, кто редко бывает на солнце. Я чувствовала, как внутри меня копится беспокойная энергия. Я не могла долго сидеть тут, ничего не делая. Я вскочила со стула и хлопнула в ладоши.

– Вставай, – объявила я. – Ты должна что-нибудь съесть.

Лана посмотрела на меня, словно забыла, что я рядом.

– Я ела. – Она указала на пустую тарелку на полу.

– Да, но одного бутерброда недостаточно. Твоему телу нужно то, что называют энергией, чтобы ты могла стоять на ногах.

Лана посмотрела на меня сонным взглядом и вновь уставилась в телевизор за моей спиной. Я схватила пульт и выключила его. Она попыталась было возражать, но я под села к ней, громко вздохнула и прислонилась к ее ногам.

– Давай, – сказала Лана. – Выкладывай.

Я недоуменно посмотрела на нее.

– Я знаю, ты ведь хочешь отчитать меня прямо сейчас.

Я вздохнула.

– Я не хочу тебя отчитывать. Я лишь хочу, чтобы ты взбодрилась. Потому что сейчас все как-то... странно.

– Ты говорила это мне месяц назад. – Лана заломила руки. – Ты возвращаешься в колледж?

Я слегка напряглась.

– Да, в следующем семестре. Я имею в виду... что еще мне остается, верно? – Я посмотрела на Лану и слабо улыбнулась. Она не улыбнулась в ответ. – Мои родители ожидают, что я вернусь.

– Но ты сама хочешь вернуться?

– Думаю, да.

Я встала и прошлась по комнате. Внезапно почувствовав, что мне не хватает воздуха, я оттянула воротник рубашки.

– Как я могу сосредоточиться на чем-то другом? Такое ощущение, будто мой мир рушится вокруг меня.

– А что, если он все время рушился вокруг нас?

Я хотела сказать ей, что она может не тратить времени и сил на слова. В ее манере говорить загадками не было ничего для меня нового. Она делала это давно. И все же ее слова потихоньку разъедали мою совесть, вызывая настоящую паранойю. От них по моей спине начинали ползать мурашки.

– Что это значит? – спросила я.

Лана пожала плечами, но глаз не отвела. Она смотрела прямо мне в лицо.

– Просто правда, наконец, настигла тебя, вернее, нас обеих, а это то, чего я всегда хотела избежать. То, что, как я надеялась, никогда не случится... Случилось. Жизнь людей летит к чертовой матери из-за моего отца.

Она умолкла. В квартире тотчас повисла такая тишина, что можно было бы услышать звук падающей на пол иголки.

Мы больше ничего не сказали. У меня в голове не звучало ничего, кроме эха ее слов.

Я встала и вышла из комнаты. Мы избегали друг друга до конца дня.

* * *

Я проснулась от грохота.

И мгновенно села. Меня словно вырвали из объятий сна. Мне потребовалась пара минут, чтобы вернуться в реальность, и когда это произошло, я посмотрела на часы. Почти шесть утра.

Дезориентация не прошла. Кружилась голова, и я едва не завалилась вперед. Тело почти онемело, но у меня внутри был орган размером с мой кулак, который не переставал бешено биться. Положив на сердце ладонь, я сделала несколько глубоких вдохов. Спустя несколько минут пульс так и не пришел в норму, и я сдалась. Я встала с кровати. Подойдя на дрожащих ногах к двери, я открыла ее и выглянула в темный коридор. Из-под двери ванной сочился свет. Я окликнула Лану. Мой голос прозвучал четко и

звонко, но она не ответила.

Шаркая ногами, я вышла коридор. В квартире стояла гробовая тишина. Я слышала все: ревущую в ушах кровь, мое затрудненное дыхание, мои шаги по ковровому покрытию пола.

Дойдя до двери, я подняла руку, чтобы постучать, но на долю секунды замешкалась. Крошечная часть меня была напугана и велела мне не входить. Я легонько постучала. Не дождавшись ответа, я закрыла глаза.

– Лана? – позвала я.

По другую сторону двери было слышно, как открываются и закрываются ящички, затем до моего слуха донеслись всхлипывания.

– Лана, я вхожу, – сказала я, открывая дверь.

И я вошла. Но, сделав один лишь шаг вперед, застыла как вкопанная. Лана смотрела на свое отражение в зеркале. К ее левому запястью был прижат нож.

Я на цыпочках подошла к ней и окликнула по имени. Она даже не посмотрела на меня.

– Что ты делаешь? – спросила я.

Она моргнула и снова уставилась на свое отражение. Поворачивая голову то в одну, то в другую сторону, она критически разглядывала себя.

– Моя кожа идеальна, – сказала она и провела лезвием по запястью. Ее рука начала дрожать. Я резко втянула в себя воздух. – Но знаешь что?

Она наклонила голову и посмотрела на меня в зеркало. Я ответила ей взглядом. Лана может думать, что она безнадежна, но я вижу перед собой личность. Ту, которой всю ее жизнь пришлось сражаться, чтобы выжить. Если она преодолет это препятствие в своей жизни, ее уже не остановить.

– Внутри у меня столько боли, – сказала она. – И с каждым днем она продолжает умножаться.

– И ты думаешь, что, вскрыв себе вены, ты все исправишь?

– Да.

Я попыталась ее урезонить. Сказала ей, что мы можем поехать куда-нибудь, – куда угодно, – где ей станет лучше. Она голодна?

Лана ответила отказом на все мои предложения.

Я попробовала еще раз.

– Может, тебе стоит принять снотворное? Уснешь, а завтра наступит новый день. Ты сможешь все хорошенько обдумать!

Лана посмотрела на меня, все еще в зеркало, словно не в себе была я.

– Мне не нужно никаких снотворных. Я знаю, как заставить мою боль исчезнуть.

Она вскинула нож. Блеснуло лезвие. У меня перехватило дыхание.

– Просто отдай мне нож, – взмолилась я.

Но Лана меня не слышала. Я видела по ее глазам, что она застряла в глубинах своей памяти, уходя все дальше и дальше от реальности.

– Ты не понимаешь, – сказала она.

– Тогда объясни мне. – Я сделала еще один шаг в ванную. Мы были в квартире одни, но я все равно закрыла дверь, словно отгораживалась от мира ради нашего откровенного разговора. – Помоги мне понять.

Она посмотрела на меня так, словно я была сумасшедшей.

– Это, – она взмахнула ножом, – единственный способ избавить меня от боли.

– Неправда, – возразила я.

Нож вернулся к запястью, и, хотя она сжимала его с такой силой, что костяшки пальцев побелели, ее руки безостановочно тряслись. Я поджидала подходящего момента, чтобы броситься к ней и выхватить нож и чтобы никто из нас не пострадал.

– Лана, если ты...

– Ты дашь мне высказаться? – крикнула она.

Я прижалась спиной к двери. Я ни разу не слышала, чтобы она повышала голос, тем более на меня.

Я примирительно вскинула руки, сдаваясь.

– Да. Да. Можешь говорить. Тебе слово.

Тяжело дыша, она посмотрела на свое запястье, словно оно говорило с ней.

– Однажды... – медленно начала Лана. – Когда мне было двенадцать лет, в гости к моей бабушке пришла знакомая из церкви. Они сидели в гостиной, а я подслушивала за дверью. Моя бабушка спросила ее, как ее дела. У женщины – ей было лет тридцать – на коленях лежала пачка бумажных носовых платков. Она только что на двадцатой неделе потеряла ребенка. «Он все еще здесь, – сказала она и потеряла живот, – хотя он умер, я чувствую его каждый день». Она продолжила рассказывать моей бабушке, что иногда задирает рубашку, ожидая увидеть беременный живот, а когда ничего не видит, ей просто хочется умереть. Моя бабушка сказала ей не думать так, сказала, что самоубийство – грех.

Лана продолжала смотреть на нож. Ее взгляд был буквально прикован к его лезвию. Я, наконец, решилась сделать шаг вперед и вытянула руку вперед.

– Но знаешь, что сказала эта женщина? Она сказала: «Грех ли самоубийство? Я знаю, что теперь мой сын обрел покой. Покой и счастье. Я просто хочу быть с ним. Я хочу умереть».

– Сначала я подумала, кому хочется смерти? – Лана посмотрела на меня, посмотрела в упор, не замечая ни протянутой руки, ни настороженного взгляда и, рассмеявшись, сказала:

– Сама мысль о смерти вселяла в меня ужас. Большинство людей как могут стараются ее оттянуть. Но эта женщина ее жаждала. Но потом мне в голову пришла одна мысль. Что, если эта женщина поняла что-то такое, точно знает, что мы все потеряем позже. Когда слез и гнева недостаточно, возможно, смерть – единственный гарантированный способ положить конец вашей боли.

В глазах Ланы стояли слезы.

– Раньше я думала, что насилие и унижение прекратятся. Но теперь понимаю: этого никогда не будет. Тогда к чему терпеть эту боль? Не лучше ли покончить с ней раз и навсегда?

На ее руку упала слеза. Пару секунд мы обе смотрели на ее чистое, гладкое запястье с единственной слезой на нем.

Лана надавила на лезвие. Кожа вокруг него побелела. Я бросилась вперед. Увы, я опоздала. Она полоснула лезвием по запястью, затем по второму.

Ей понадобилось всего две секунды, чтобы сделать это. На лезвии не было ни капельки крови.

Нож упал на пол. Лана ахнула и посмотрела на меня. Я ожидала увидеть в ее глазах ужас по поводу того, что она сделала, но она выглядела счастливой, почти умиротворенной.

Она улыбнулась и посмотрела на кровь. Та медленно, но неуклонно поднималась из-под ее кожи и, стекая по рукам, капала на пол. Капли походили на цветные слезы.

– О господи, – выдохнула я. Оцепенев, я смотрела то на нее, то на кровь.

Жизнь медленно вытекала из Ланы. Она еще смогла поднять руку, наблюдая, как эти красные слезы стекают по ее прозрачно-белой коже.

– Все исчезает, – зачарованно прошептала она.

Я задыхалась. От вида крови меня мутило. Я задержала дыхание и шагнула вперед. Я продолжала смотреть на лицо Ланы, сосредоточив взгляд на ее губах. На них играла легкая улыбка. Я попыталась представить вокруг себя радость и смех, а не безнадежность и отчаяние.

– Лана, что ты наделала? – еле слышно спросила я.

Ее тело рухнуло на мое, как гиря. Я потянулась за полотенцем и в этот момент поскользнулась в скопившейся на полу крови. Мы обе пошатнулись и с громким стуком ударились о стену. Лана положила голову мне на плечо.

Я медленно дышала, в оцепенении глядя в потолок. Моя голова пульсировала, и свет надо мной то зажигался, то гас.

Мы обе сидели в гробовой тишине. Было слышно лишь мое судорожное дыхания и слабые вздохи Ланы.

– Она была права, – наконец прошептала Лана. – Умирая, мы обретаем покой.

37. Шрамы

Я слышала, как тишину нарушает мерное попискивание мониторов. Лана лежала в кровати, отсутствующим взглядом глядя на телевизор на стене.

Я стояла у дверей ее палаты. Единственное, что не давало мне войти, – ее родители. Они примчались в десять часов утра и с тех пор сидели у Ланы. Они провели с ней уже два часа. Вместо того чтобы горестно вздыхать и выразить озабоченность по поводу состояния дочери, они молчали. На их лицах было написано отвращение и разочарование. Ее мать сжимала сумочку и теребила нитку жемчуга на шее. Ее отец выглядел не намного лучше. Губы сжаты в тонкую линию, взгляд холодный, почти ледяной. Он смотрел на Лану так, будто порицал ее позорную слабость.

Я заглянула в комнату и от нетерпения машинально постучала по полу ногой. Они сидели по бокам ее кровати и смотрели в висящий напротив них телевизор. Каждые несколько секунд они моргали, словно роботы, обученные вести себя как живые люди.

На экране возникла рекламная пауза. Мать Ланы прочистила горло. Ее рука потянулась к жемчужинам.

– Оно того стоило? – спросила Лану мать.

Лана повернула голову, моргнула и проговорила медленно, но четко:

– Да, каждый дюйм.

– Для тебя это шутка?

– Абсолютно нет, – сказала Лана. – Я могу придумать более смешные и менее болезненные способы пошутить.

– Я серьезно.

– Я тоже.

– Для нее это шутка, Майкл! – взорвалась мать Ланы. Шумно дыша носом, она встала. – Для нее это все шутка. Она не заботится о том, как это отразится на ее семье. Впрочем, чему удивляться? Если она не заботится о собственной жизни, почему она должна заботиться о нашей?

– Мама...

– Я больше не могу это терпеть. – Она схватила сумочку. Прежде чем выйти за дверь, она оглянулась на мужа, а не на свою единственную дочь. – Я буду в комнате ожидания.

Она поправила ремешок сумочки и пригладила волосы, словно собиралась выйти на сцену. Если подумать, так оно и было. Стоило ей

выйти за порог, как она ожила. Она играла главную роль любящей матери. Ей потребовалось немало усилий, чтобы войти в роль.

Дверь за ней захлопнулась. Я прижалась к стене, но в этом не было необходимости. Мать Ланы ни разу не посмотрела в мою сторону. С высоко поднятой головой она шла вперед, и стук ее каблучков эхом отдавался по коридору.

Я вновь заглянула в палату.

Лана смотрела телевизор. Казалось, выходка матери ее не затронула, но я заметила, что ее руки подрагивают.

Майкл же остался. Он сидел на стуле достаточно близко к дочери, его колени прижимались к ее кровати.

– Доктор сказал, что тебя выпишут через несколько дней, – сказал он.

Лана только кивнула.

– Тебе несколько раз в неделю придется посещать психотерапевта, но в целом все вернется к нормальной жизни. И когда я говорю «нормальной», я имею в виду, что ты вернешься домой... Там твое место.

Лана посмотрела на отца.

– Что?

– Тебе нужно жить дома, где мы с твоей матерью сможем присматривать за тобой, следить за тем, чтобы такое больше никогда не повторилось.

Она заморгала, и когда ее взгляд упал на отца, в нем не отразилось ничего, кроме отвращения. Я поняла, что Лана впервые осмелилась открыто бросить ему вызов.

Но я не знала, почему она выбрала именно этот момент. Возможно, попытка самоубийства не только поставила ее на грань жизни и смерти, но и убила в ней все ее страхи.

– Да пошел ты! – холодно прошептала она.

Он наклонил голову, словно решил, что ослышался.

– Что ты сказала?

– Я сказала – да пошел ты! Это все из-за тебя. – Она посмотрела на свою кровать. – А теперь уходи.

– Мы с твоей мамой пытаемся помочь.

– Мама вышла из комнаты несколько минут назад, потому что не могла смотреть на меня. Она не хочет помогать и ты тоже. Убирайся.

Ее отец, похоже, не торопился. Его щеки побагровели от гнева и растерянности. Он смотрел на дочь взглядом, полным ненависти. Дочь смотрела на него пустым немигающим взглядом.

– Я могу нажать эту кнопку, – сказала Лана, – и медсестра будет здесь

через несколько минут.

Ее отец встал.

Я поспешила выйти из ее комнаты. Через несколько секунд я услышала, как скрипнула дверь. Послышались шаги. Майкл не стал убегать, как мать Ланы. Он выждал несколько секунд, прислонившись к стене и задумчиво глядя на вощеный пол, а затем вытащил телефон.

– Тим, как дела? Это Майкл. Слушай, – ее отец откашлялся и зашагал по коридору, – ты не мог бы оказать мне одну услугу...

Я хотела увязаться за ним следом и подслушать каждое его слово. Медсестра только что вошла в палату Ланы. Она измерила ей кровяное давление, температуру и спросила, есть ли у Ланы какие-нибудь просьбы. В моем распоряжении была масса времени, чтобы юркнуть в комнату Ланы и, наконец, поговорить с ней, но я осталась стоять на месте, глядя, как ее отец уходит дальше, пока он не свернул за угол и не исчез из виду.

Он явно что-то задумал. Я не знала, что именно, но это явно было связано с Ланой. Я знала, что родители Ланы отчаянно пытаются скрыть ее попытку самоубийства, и как можно быстрее.

Наконец медсестра вышла из палаты. Я вошла и тихо закрыла за собой дверь. Лана не сводила глаз с телевизора. Шел старый комедийный сериал со взрывами смеха за кадром, домами, что всегда сияли чистотой, и счастливыми супружескими парами, которые обнимали друг друга при первом же удобном случае.

– Как бы я хотела, чтобы мои проблемы могли быть решены за полчаса или даже меньше, – тихо сказала Лана.

– Я тоже, – вздохнула я и свернулась калачиком на краю ее кровати, будто то была не пропахшая дезинфекцией больничная палата, а комната в ее квартире, где пахло сиренью. Я несколько секунд смотрела сериал, а потом повернулась к Лане. – Как ты?

– Если я скажу тебе, что все хорошо, ты бы мне поверила?

– Нет.

– Тогда я скажу тебе правду. – Она сглотнула. – Мне паршиво.

Я в упор посмотрела на Лану. Ее лицо, обычно такое гладкое и чистое, было бледным, почти полупрозрачным, с капельками пота на лбу и вокруг рта.

Ее губы потрескались. У нее были прекрасные волосы. Прямые и шелковистые, как у ребенка. Длинные, до пояса. Их концы всегда были аккуратно подстрижены. Но сегодня они казались тусклыми и спутанными, наспех собранные в кособокий конский хвост. Хуже всего выглядели ее запястья. Перевязанные бинтами, они лежали на кровати, как гири.

– Похоже, боль сейчас сильнее, – печально сказала она.

Я встала, решив, что ей требуется медсестра или врач, чтобы они оказали ей помощь.

– Где именно?

Она подняла свои перевязанные запястья, глядя на них со смесью обиды и грусти.

– Моя боль. Она стала сильнее. Наверно, она жила в моем теле слишком долго. Я могу сколько угодно резать кожу, но это не будет иметь значения. – Она смотрела мне прямо в глаза. – Боль никогда не уйдет.

Я медленно села обратно. Что я могла на это сказать?

Я пыталась припомнить какую-нибудь вдохновляющую цитату. Что-то, хоть что-нибудь, что дало бы ей надежду. Увы, мне ничего не приходило в голову.

И мы обе знали это.

Ее рука тяжело опустилась на кровать.

– Но на секунду это было блаженство, – призналась она. – Знаю, так нехорошо говорить. Но это правда. Я на секунду подумала, что все мои проблемы уходят. Но после каждой капли крови, которую я теряла, меня ждали галлоны боли, чтобы снова вернуться в меня.

– Даже не знаю, что сказать, – грустно призналась я. – Но что бы я ни сказала, это ничего не исправит.

– Я не прошу тебя ничего исправлять. Никто этого не может.

– И что будет дальше? – спросила я.

– Не знаю. Мой доктор постоянно твердит, что выпишет меня через несколько дней, чтобы мои родители помогли мне «поправиться».

Я вздрогнула. Она усмехнулась.

– Иронично, правда?

– Ты ведь не вернешься к ним, не так ли?

– Нет, – твердо сказала Лана.

Я открыла рот, чтобы высказать свое мнение.

– Могу я просто побыть одна, пожалуйста? – спросила Лана.

– Конечно. – Я встала и попрощалась, хотя это было последнее, что мне хотелось сделать. Дверь за мной закрылась. Уперев руки в колени, я привалилась к ней и глубоко вздохнула.

Через пару секунд я ушла. Мои ноги дрожали, мне казалось, что я могу потерять сознание. Я ускорила шаг. Впереди виднелся лифт, но я ощущала себя словно в зале аттракционов. С каждым моим шагом он удалялся от меня все дальше и дальше. Я испугалась, что никогда не дойду до него.

Я побежала, но коридор стал узким и длинным и растянулся на многие мили. Вокруг толпились медсестры и посетители, пришедшие провести родных. Я слышала их приглушенные голоса. Не сомневаюсь, у каждого из них были свои проблемы, но в тот момент я бы отдала все на свете, чтобы поменяться с ними местами.

И я поняла: после того как я увидела изнасилование Ланы, мой рассудок дал трещину. И с каждым событием она становилась все шире. Возникла целая сеть трещин, делавшая меня уязвимой. В конце концов я начала разрушаться. Меня догнало все сразу, и я рассыпалась на миллионы кусочков.

Я рухнула на землю и закричала, пытаясь стереть из памяти слова Ланы «Боль никогда не уйдет».

Ее голос становился все сильнее, а мир вокруг меня постепенно погружался во тьму.

Проснулась я в Фэйрфаксе.

38. Изменение

Часы на столе доктора Ратледж тикают. Как и мониторы в больнице. Я смотрю на доктора и жду новых радикальных перемен.

Вот.

Вот моя история. Она у всех на виду, и мне нечего сказать. И что будет теперь?

Превращусь ли я постепенно в ту, кем когда-то была? Или, может быть, доктор Ратледж щелкнет пальцами, и я пойму, что это был сон?

Мне все равно, что произойдет. Главное, чтобы что-то произошло.

Мы сидим и смотрим друг на друга. Часы продолжают отсчитывать секунды, и я начинаю терять терпение. Я заслуживаю, нет, я заслужила эту перемену. Так где же она?

– Теперь вы понимаете? – спрашиваю я с нетерпением.

Доктор Ратледж кивает.

– Понимаю.

Я прищуриваюсь.

– Пожалуйста, не шутите со мной.

– Я не шучу. Я понимаю, что ты прошла через настоящий кошмар.

– Если вы понимаете, то объясните мне, почему я здесь. Расскажите мне, как человек, который пытался помочь подруге, оказался в психиатрической клинике.

Доктор Ратледж смотрит на меня все так же – ничего не говоря, ничего не предлагая.

– Я не пыталась убить себя. Это была Лана. – Я дергаю рукава и протягиваю ей запястья. – Видите? Никаких шрамов. Ни-че-го.

Она смотрит на мои руки. На бледные, без рубцов запястья.

– Видите? – Я буквально сую их ей в лицо. – Видите эти вены? Я знаю, что по ним течет кровь, и знаю, что у меня есть душа, и знаю, что у меня есть жизнь, которую стоит прожить. Сейчас она мало что собой представляет. Но я знаю, что она у меня есть.

Она отрывает взгляд от моих безупречных запястий и смотрит мне в глаза. Я опускаю руки и сажусь обратно. Нас окружает тишина. Если бы не часы. Эти гребаные дурацкие часы. Так и хочется схватить их и разбить вдребезги. Я тру виски.

– Скажите мне, – умоляю я. – Пожалуйста, скажите мне, почему я здесь.

Она бросает ручку на стол. Затем наклоняется вперед и говорит тихо, но твердо:

– Ты здесь, потому что у тебя произошел нервный срыв. Ты приняла то, что случилось с Ланой, слишком близко к сердцу.

– Разве это объясняет, почему совершенно нормального, здорового человека заперли в психушку? – возражаю я.

Доктор Ратледж печально улыбается.

– Когда с человеком случается такой срыв, как с тобой, когда кто-то пережил то, что пережила ты, такое возможно.

Мои губы дрожат. Я чувствую себя глупо. Мне стыдно. И это смешно.

– Я хочу домой, – говорю я.

Но есть ли он у меня? Примут ли меня родители?

– Нет. Тебя еще рано выписывать. Ты еще не готова.

Я подпираю голову руками. Плакать или кричать? Я не знаю. Я жду, когда из моего горла вырвется огромный, комковатый шар, но ничего не происходит.

– Что ты чувствуешь, Наоми?

– Я чувствую, что я сделала только один шаг вперед и двадцать шагов назад, – отвечаю я, уткнувшись лицом в ладони.

– Тебе кажется, что ты ничуть не продвинулась к выздоровлению?

Я киваю и смотрю на нее, смагивая слезы боли и разочарования.

– Я просто хочу получить ответы, – говорю я убитым голосом.

– Как бы нам ни хотелось, чтобы это произошло в мгновение ока, так не бывает.

Я закрываю глаза и слушаю ее. Я чувствую себя отвергнутой.

– Завтра будет новый день.

Я устала от новых дней и нового оптимизма, который приходит с ними, потому что спустя несколько часов солнце садится и отнимает мой оптимизм, и я вновь ощущаю свое одиночество.

Открывается дверь. В дверном проеме стоит Мэри. Сеанс окончен. Доктор Ратледж говорит, что увидит меня завтра. Она улыбается мне своей характерной ободряющей улыбкой.

Я не говорю ей о том, что чувствую или думаю. Я просто встаю и выхожу за дверь вместе с Мэри.

39. Женевьева

– Доктор Ратледж, можно вас на пару слов?

Я поднимаю голову. В дверях стоит доктор Вудс, предыдущий психиатр Наоми.

Тиму Вудсу пятьдесят восемь лет, у него черные волосы с проседью. Вокруг глаз и, что неудивительно, вокруг губ уже заметны морщины. Он никогда не улыбается. Он всегда серьезен. Для него существуют только факты. Его карьера близится к завершению, он просто переживает время до пенсии. Возможно, когда-то ему было не все равно, но сейчас – уже нет. Это мимолетная мысль, но мне интересно, сможет ли работа выдавить из меня решимость, как из Тима Вудса. Неужели мне тоже станет все равно?

Я закрываю учебник и жестом приглашаю войти.

– Конечно.

Он смотрит на мой учебник.

– Я вас прервал?

– Вовсе нет.

Тим садится. Я почти не разговариваю с доктором Вудсом, так что видеть его в моем кабинете, по меньшей мере, удивительно.

– Чем могу вам помочь? – говорю я с улыбкой.

Его пальцы барабнят по подлокотнику. Его взгляд серьезен. Моя улыбка тускнеет, желудок скручивает узлом. Что-то здесь не так.

– Я хотел поговорить с вами о Наоми Кэррадайн.

Мой взгляд скользит к папке, лежащей на углу моего стола. В правом верхнем углу черным маркером написано ее имя: Кэррадайн, Наоми.

– Что с ней? – спрашиваю я, не отрывая от папки глаз.

– Я думал, вы в курсе, что ее мать дала расписку, что забирает ее из Фэйрфакса.

Я медленно поднимаю голову и удивленно смотрю на Тима. Я не ослышалась, часом?

Сложив пальцы домиком и поднеся их к губам, Тим смотрит на меня.

– Что? – слабо спрашиваю я.

– Начиная с сегодняшнего дня Наоми больше не пациент Фэйрфакса.

Четыре года в колледже.

Четыре года медицинской школы.

Четыре года интернатуры.

Долгие часы корпения над учебниками. Все эти годы я жила, помня,

почему решила стать психиатром: чтобы помогать людям.

До Фэйрфакса я два года проработала в небольшой частной клинике. Я консультировала измотанных домашними проблемами мамаш. Подростков, отравленных собственными гормонами. В общем, ничего экстраординарного. Возможность работать здесь стала подарком судьбы, и я ухватилась за нее, стремясь показать, на что действительно способна.

Я не знала, что такое профессия психиатра, пока не начала работать в Фэйрфаксе. Пока не взяла Наоми Кэррадайн в качестве пациентки. Каждый раз, глядя на Наоми, я видела девушку, которая, глядя в зеркало, не видела ничего, кроме тьмы. Разве я могла закрыть на нее глаза?

– Но почему? – Я не могу придумать ничего лучше, кроме этого короткого вопроса. Я знаю, какого прогресса достигла Наоми, и мне больно думать, что теперь это пустая трата времени.

Тим пожимает плечами.

– Ее родители считают, что лекарства помогут ей скорее.

– И вы согласны с их мнением?

– Ей уже гораздо лучше, – слабо возражает он.

– Верно. Но не насколько, чтобы уйти отсюда! – взрываюсь я. Так неожиданно. Что на меня совсем не похоже.

Но мое терпение лопнуло. Наши с Наоми встречи шли ей на пользу. Она была близка к прорыву. Еще несколько сессий, и девушку в ближайшие шесть месяцев можно было выписывать.

– Ее мать больше не хочет никаких сессий. Время истекло.

Доктор Вудс не сводит с меня глаз. Я же смотрю в стол.

– Мы только начали, – тихо говорю я. – Мы едва добрались до корня ее проблем!

– Мы не против Наоми. Мы...

Я резко вскидываю голову. Мне не нравятся его слова.

– Кто мы?

Тим все еще артачится.

– Я и ее родители.

Я была так ошарашена выпиской Наоми, что даже не подумала о том, как об этом узнал Тим.

– Когда вы говорили с ними?

– Я говорил с ними буквально вчера.

– О чем? – тут же парирую я.

– Я не ваш пациент, доктор Ратледж. Вам нет необходимости говорить со мной таким тоном.

– Но она больше не ваша пациентка.

– Я это понимаю. Но я решил, что ее родители имеют право знать, что происходит, – говорит он резким тоном.

– Совершенно верно. Но если они хотели узнать об ее успехах, что мешало им позвонить и поговорить со мной? Я бы с радостью проинформировала их обо всем. – Я посмотрела ему в глаза. – Вы же не ее доктор. И не имели на это права.

Тим в упор на меня смотрит.

– Я говорил с ними, потому что, честно говоря, вы слишком сблизились с Наоми.

– Не поняла? – очень медленно говорю я.

– У вас с ней своеобразная серая зона. Вы принимаете все слишком близко к сердцу. Вы...

– Я знаю, что вы хотите сказать, – перебиваю я. – Не надо ставить мне диагноз.

– Возможно, кто-то должен это сделать. Правило крайне простое: никогда не привязывайтесь к пациентам. В данной ситуации вы должны оставаться врачом, но вы это правило проигнорировали. Вы прониклись симпатией к девушке, переживали за нее, хотя от вас требовалось только лечить ее. И все.

Когда я в конце дня ухожу домой, я всегда оставляю работу в кабинете. Но всю дорогу домой голос Наоми звучит в моей голове. Ее лицо возникает передо мной, когда я ужинаю и готовлюсь ко сну. Лежа в кровати, я вижу на потолке папку с ее именем, напечатанным в правом углу четкими черными буквами.

Постепенно эти буквы начинают сливаться, и я лежу, надеясь, что они перестанут двигаться и помогут мне проникнуть в суть загадки Наоми.

Очевидно, такое бывает только со мной. У Тима Вудса такой проблемы нет. Он самовольно устроился на стуле, раздавая оскорбления, словно конфеты.

– Я пытаюсь быть для нее хорошим врачом, – говорю я.

– А кто тогда отпустил ее домой в прошлые выходные? Вы тогда тоже были хорошим врачом?

Я выпрямляю спину.

– Что?

– Почему ее родители не были поставлены в известность?

– Так вот почему ее выписали! Потому что я дала ей небольшой перерыв?

– Наоми не имеет права уезжать домой на выходные. Она не может по собственной воле покидать стены Фэйрфакса. Это решать не ей. Тем не

менее вы позволили ей выйти, а Лахлану Холстеду – забрать ее.

– Она – пациентка, а не заключенная.

Доктор Вудс поджимает губы, демонстрируя неодобрение. Похоже, я нарушила некий моральный кодекс врача, скрыв от родителей Наоми тот факт, что я отпустила их дочь на выходные. Они отдали ее под нашу опеку, но их следовало уведомить, что она покидает Фэйрфакс. Пусть даже на короткое время. Но я не чувствую вины за то, что сделала. Я знаю, что поступила правильно. Наоми вернулась посвежевшей, с блеском в глазах. Она словно зарядилась энергией. В чем уже давно нуждалась.

– Как ее родители вообще узнали? – спрашиваю я Вудса с подозрением. – Подождите, – я поднимаю руку, – дайте угадаю. Вы сказали им?

Тим молчит. Более того, чем дольше длится наш разговор, тем больше он проявляет признаки дискомфорта: ерзает на стуле, каждые несколько секунд поправляет очки, прочищает горло, словно там что-то застряло.

Я пристально смотрю на него.

– Что такое вы знаете, чего не знаю я? – тихо спрашиваю я.

– Ничего, – говорит он. Его голос звучит сухо и холодно.

Лжешь, думаю я про себя.

– Полноте, – говорю я. – Скажите мне правду. Скажите, почему вы обвиняете меня в том, что я слишком близка к моей пациентке, но при этом берете на себя обязанность звонить ее родителям и сообщать им обо всем, что я делаю. Опять же, когда речь идет о моей пациентке.

– Вы забываете, что до вас она была моей пациенткой.

Я вновь пристально смотрю на него.

– Вне стен Фэйрфакса вы знакомы с ее семьей?

– Нет! – моментально выпаливает он.

– Лжец. – На сей раз я озвучиваю свои мысли.

Мы пару секунд смотрим друг на друга. Я не собираюсь отступать. Он пришел в мой кабинет. Он сказал мне, что Наоми забирают домой. И должен объяснить мне все это.

Тим шумно выдыхает и трет переносицу.

– Родители Наоми... мои близкие друзья. Ее отец выразил обеспокоенность по поводу поведения Наоми. Я посоветовал ему поместить ее к нам в клинику, чтобы она прошла курс лечения. Предполагалось, что она пробудет здесь всего несколько месяцев и за это время поправится.

Я тяжело откидываюсь на спинку стула. Ощущение такое, будто меня пнули в живот.

- Итак, вы, – я изображаю пальцами кавычки, – оказали им услугу.
- Можно сказать и так, – осторожно говорит он.
- А ее родители просто купили время, чтобы решить, что с ней делать.

Я права?

– Я этого не говорил.

– Вам этого и не нужно было делать. Я не идиотка, Тим. Ее родители ни разу не навестили ее. Ни разу. Более того, я не припомню, чтобы я когда-либо говорила с ними.

– Это ваше личное мнение, – резко бросает Тим. – Оставьте его при себе.

– Вы можете поставить его мне в упрек? Это их дочь. – Я бессильна скрыть презрение в своем голосе. – Значит, вы потянули за ниточки, чтобы определить ее сюда. И сделали то же самое, чтобы ее отсюда выпустить?

– Разумеется, нет!

– Разумеется, нет, – медленно повторяю я. – Ага, сначала мать Наоми определила ее в Фэйрфакс, поручив нам заботиться о ее дочери! А потом она же волшебным образом появляется и выписывает дочь, потому что ей так хочется!

– Только не говорите мне, как устроено это место, – резко говорит он. – Я проработал здесь намного дольше вас.

Упершись ладонями в стол, я наклоняюсь ближе и медленно говорю:

– Тогда и ведите себя соответствующим образом.

Его глаза сужаются, превращаются в узенькие щелочки.

Я хватаю со спинки стула свой халат и сумочку с пола. От злости во мне закипает кровь, и, если быть до конца честной, мне немного страшно. Я иду к двери.

Тим ерзает на стуле.

– Куда вы собрались?

Я ногой придерживаю дверь.

– Поговорить с директором учреждения, чтобы положить этому конец.

Тим снимает очки, осматривает линзы и вытирает их о свой белый халат.

– Наоми уехала вместе с матерью час назад.

Я, разинув рот, смотрю на него. Его безразличие ко всей этой ситуации говорит о многом. Лично я предпочитаю испытывать привязанность к моим пациентам, чем не чувствовать вообще ничего. Я не хочу превращаться в Тима Вудса.

Я смотрю на него с отвращением.

– Она не готова вернуться в мир. Будь вы настоящим врачом, вы бы,

невзирая на свои отношения с ее родителями, сделали бы то, что ей на пользу.

Не заботясь о том, что он скажет, я выхожу из кабинета.

– Она всего лишь пациентка, Женевьева! И все! – кричит мне спину Тим. – Перестаньте относиться к ней как к родственнице!

Медсестра и два пациента останавливаются в коридоре и ошарашенно смотрят на Тима. Я игнорирую их всех. Я тороплюсь к выходу и по дороге ищу в сумочке ключи.

– Я просто хочу увидеть Наоми, – раздается низкий мужской голос.

Я замираю как вкопанная и вижу перед собой Лахлана Холстеда.

Я моментально забываю про ключи и спешу к нему. Я вмешиваюсь в его разговор с медсестрой.

– Вы говорили с Наоми? – нетерпеливо спрашиваю я.

Мне не до правил хорошего тона. Время работает против меня.

Он хмурит брови. Расправляет плечи. В карих глазах мгновенно появляется настороженность, словно имя Наоми – это своеобразная кнопка. Все самые сильные воспоминания Наоми так или иначе связаны с этим человеком.

– Нет. В чем дело? Где она?

Я уже собираюсь ответить ему, но замечаю, что медсестра за стойкой регистратуры смотрит на нас. Я отвожу его в сторону.

– Ее мать выписала ее сегодня.

Он бледнеет. На нем нет лица. Он стискивает зубы, закрывает глаза и отводит взгляд. На миг мне становится страшно, что он вот-вот взорвется и прямо сейчас устроит скандал.

– Лахлан, вы меня слышали?

Он кивает и поворачивается ко мне.

– Вы...

Я перебиваю его:

– Ее выписала не я. Я бы никогда этого не допустила. Я только что узнала, что мать забрала ее отсюда более часа назад.

Он проводит рукой по лицу.

– Вот дерьмо, – сердито шепчет он. – Так кто это сделал?

Мне хорошо знаком его взгляд. Слепой, устремленный в пустоту. Такой обычно бывает, когда человеком движет гнев. Он не остановится, пока не выплеснет свою агрессию.

– Это не имеет значения, – мягко говорю я. – Я просто должна найти Наоми. Прямо сейчас.

Лахлан пристально смотрит на меня, затем указывает на парковку.

– Пойдемте со мной.

Я благодарно улыбаюсь ему. Мое сердце успокаивается, и на секунду я думаю, что все будет хорошо. Мы с Лахланом почти переступили порог больницы. Еще несколько шагов.

Как вдруг я слышу голос доктора Вудса. Лахлан тоже. Он замирает на месте и резко поворачивается. Я следую его примеру. В вестибюль, смеясь с идущей рядом медсестрой, входит доктор Вудс. Его взгляд падает на входную дверь, затем скользит в сторону и снова возвращается к двери. В следующий миг его глаза буквально лезут на лоб – нет, не при виде меня, а при виде Лахлана. Я понимаю: эти двое знакомы за стенами Фэйрфакса.

Лахлан идет к нему. Он останавливается, лишь когда Вудс загнан в угол. Теперь Лахлан возвышается над доктором как гора.

– Вы знаете, что вы только что сделали? – цедит сквозь зубы Лахлан.

Лицо доктора Вудса становится белым как мел. Медсестра за стойкой встает. Несколько пациентов оставляют свои занятия и смотрят на нас во все глаза.

Я подбегаю к Лахлану и хватаю его за руку, пытаюсь оттолкнуть назад. Не ради доктора Вудса, а ради Наоми, потому что чем быстрее мы выберемся отсюда без лишнего шума, тем лучше.

– Вы закрывали на все глаза. Меня от вас тошнит! – Голос Лахлана срывается на хрип.

Мне удастся отвести его на несколько шагов в сторону. Осталось подтолкнуть его еще пару раз, и он выйдет за дверь. Но тут доктор Вудс говорит:

– Лахлан, я сделал то, что считаю правильным. Ее родители были обеспокоены...

– Вы – ублюдок! – не унимается Лахлан. – Вы меня слышите?

– Подождите минутку, я...

Я поворачиваюсь и со злостью смотрю на доктора Вудса.

– Заткнитесь, – цежу я сквозь зубы.

Я стояла к нему спиной всего несколько секунд, но, когда я поворачиваю голову, Лахлан уже выкатывает с парковки.

Выругавшись себе под нос, я бегу обратно к регистратуре. Медсестра за стойкой смотрит на меня, как на ненормальную.

– Дайте мне адрес Наоми Кэррадайн! – требую я.

Она ошарашенно смотрит на меня.

– Доктор Ратледж, может, лучше не стоит...

– Просто дайте мне адрес! – рявкаю я.

Она быстро находит историю болезни Наоми и тараторит адрес. Я

дрожащей рукой записываю.

На моем пути встает Вудс, выставляя передо мной руки.

– Женевьева, успокойтесь. Вы и Лахлан явно расстроены и...

– Вы знаете Лахлана за стенами Фэйрфакса?

Он, ничего не говоря, смотрит на меня, а затем кивает.

– Я знаю его родителей.

Я бормочу ругательство и обхожу его.

– Подумайте о том, что делаете! – кричит мне в спину доктор Вудс.

Я резко оборачиваюсь, возвращаюсь назад и тычу в него пальцем.

– Я делаю это из-за того, что вы натворили этим утром. Все, что случится, останется на вашей совести!

Я поворачиваюсь и бегу к своей машине. Спиной я чувствую чужие взгляды. Внезапно я понимаю: на ниточке висит не только моя работа. Похоже, я могу помахать ручкой моей карьере. Даже с этой удручающей, грозно нависшей над головой мыслью я все же хлопаю дверцей машины и следую за Лахланом. До меня, наконец, доходит: вероятно, я слишком близко к сердцу приняла Наоми и ее историю. Я погрузилась в ее мир, где правда скрыта за завесой лжи. Но я не могу сделать шаг назад и забыть обо всем. Такой возможности у меня больше нет.

Моя ошибка, но и мой выбор.

40. Слияние

Свобода пьянит. Кружит голову.

Когда ее долго нет в вашей жизни, вы становитесь одержимы ею. Вы постоянно думаете о том, что будете делать, когда получите ее обратно. Возможно, просто выйдете на улицу, чтобы полной грудью дышать свежим воздухом. Или же ляжете на траву, глядя на небо и белые пушистые облака, что медленно проплывают над вашей головой, зная, что вам некуда идти. Чем больше времени проходит, тем чаще вы представляете себе, что будете делать. И когда вам эту свободу дают, причем так легко и неожиданно, вы почти не знаете, что с собой делать.

Именно так получилось и со мной, когда ко мне в комнату вошла Мэри и сказала, что я еду домой. В руке она держала мой чемодан. Она с серьезным видом взялась собирать мои вещи. Это вышло так неожиданно, – можно сказать, как обухом по голове, – что я лишь тупо тарасилась на нее. Я молча оделась, то и дело оглядываясь на нее. Прежде чем мы вышли из комнаты, она вернула мне шнурки и косметичку. Пилочку для ногтей. Ручку. И мой мобильный телефон. Я непонимающе посмотрела на эти вещи.

Неужели это действительно происходит? Я продолжала ломать голову. Вдруг это какая-то изощренная шутка?

Когда мы шли по коридору, я все время ждала, что Мэри вот-вот остановится и скажет, что это просто репетиция моей выписки и я должна вернуться в свою холодную, одинокую комнату. Наконец я увидела мать – она стояла у входной двери рядом с доктором Вудсом. Я тотчас поняла: это не шутка. Меня на самом деле выписали. Но где же в таком случае мое волнение? Почему оно не может подойти к моему страху, дать ему хороший пинок под зад и наполнить меня надеждой? Как в тот раз, когда Лахлан забрал меня, хотя та свобода была лишь временной.

Услышав наши шаги, мать обернулась и подошла ко мне. Мне в ноздри тотчас ударил запах ее духов.

– Ах, вот и она. – Она обняла меня.

– Мама? – Я нахмурилась, а она похлопала меня по спине. – В чем дело?

Она отстранилась на расстояние вытянутой руки и улыбнулась, демонстрируя идеальные, ровные и белые зубы.

– Ты едешь домой. Вот в чем.

– Я знаю... но почему?

Происходящее не имело смысла.

– Тебе нужно быть дома, вот почему.

Вероятно, единственное объяснение, которое я услышу.

– Ты готова? – спросила она.

Нет, что-то было не так. Буквально вчера я вышла из кабинета доктора Ратледж, чувствуя себя совершенно разбитой. Она сказала мне, что я еще не готова вернуться домой, и вдруг сегодня здесь появилась моя мать, возникнув прямо из ниоткуда. От нехорошего предчувствия желудок скрутило узлом.

– Да, я готова, – сказала я, сглотнув застрявший в горле комок, и кивнула.

Я потянулась за своей сумкой. Мэри все еще держала ее, обеими руками крепко сжимая ремешок. Я не отваживалась посмотреть ей в глаза. Не знаю почему. Я знала лишь одно: если я это сделаю, то расплачусь. Мэри всегда казалась такой суровой и неразговорчивой, но я привыкла к ней. Она стала неотъемлемой частью моей жизни, и я не знала, что буду делать без нее. Она потянулась и обняла меня. Крепко, очень крепко. Мне пришлось первой разомкнуть это объятие.

– Береги себя, – сказала она мне на ухо и пригладила мне волосы. На ее лице играла улыбка, а в глазах стояли слезы.

– Обязательно, – пообещала я.

Через несколько минут мы с матерью уже выходили из клиники. Прежде чем сесть в машину, я заметила то самое голое дерево рядом с окном комнаты отдыха. Замерзшая сосулька таяла. Вода медленно капала на сырую землю.

Это был знак – конец моего пребывания здесь.

Всю дорогу домой я ломала голову над тем, хорошо это или плохо.

Наконец мать припарковалась перед домом, но ни она, ни я даже не пытались выйти из машины. Она взяла сумочку и громко вздохнула. Я же просто продолжала сидеть, как каменная.

– Вот ты и дома, – медленно сказала она, глядя на руль. – Пора забыть про твое пребывание в Фэйрфаксе. – Она посмотрела на меня. – Мы должны снова стать семьей.

Никакого «добро пожаловать домой»! Никаких объятий. Лишь холодные, голые факты.

Вместо того чтобы, вернувшись домой, расслабиться, я бросила сумки в своей комнате и тотчас вышла за дверь, прихватив ключи.

Час спустя я все еще за рулем.

Я понятия не имею, куда еду, и мне все равно. Я следую за поворотами дороги, стараясь не обращать внимания на неприятное ощущение, что свернулось клубком где-то внизу живота. Из-за него мои пальцы тревожно постукивают по рулю. Через несколько минут я паркую машину и выхожу на улицу. Холодный воздух волной обрушивается на меня, и я дрожу. Скрестив на груди руки, я описываю круг, глядя на бесплодную землю.

Покидая Фэйрфакс, я не посмотрела свои документы на выписку. Я была счастлива, что, наконец, ухожу оттуда. Я решила, что врачи сочли безопасным отпустить меня в большой мир. Верно?

Все кажется достаточно безобидным. Небо серое, но безоблачное. Довольно тепло, учитывая, какая промозглая погода стояла в последние дни. Земля сырая. Выбоины на дороге заполнены водой.

В моей памяти возникает та самая сосулька. Я наклоняюсь, упираюсь спиной в дверцу машины, и, опустив голову в ладони, представляю, как вода капает на землю.

Кап, кап, кап.

Я готова спорить, что она исчезла. От той замерзшей капли воды ничего не осталось. Почему тогда это вызывает во мне такое отчаяние? Потому что она многое для меня значила. Она символизировала мою жизнь и все, за что я боролась. А теперь ее нет, а я до сих пор так ничего и не поняла. Во всяком случае, я еще больше растеряна. И еще сильнее надломлена.

Когда я находилась в Фэйрфаксе, у меня была одна цель: выйти оттуда и получить ответы. Эта цель поддерживала меня, даже когда я чувствовала, что бегу на одном месте. Но выйти и остаться без ответа? От этого я чувствую себя совершенно беспомощной. Слезы разочарования катятся по моим щекам и падают на черный асфальт. Я вытираю лицо, встаю и глубоко вздыхаю. Неважно, что я чувствую, я точно знаю одно: Лана где-то там. Знаю, это звучит невозможно и безумно, но я чувствую, как ее сердцебиение эхом отдается в моих ушах.

Это не мое сердце бьется.

Только ее.

Я возвращаюсь в машину, делаю разворот и пытаюсь найти знакомую дорогу. Спустя несколько минут это мне удастся. Дома, что проносятся мимо меня, я видела многие годы подряд. Но я не обращаю на них

внимания. Я сосредоточилась лишь на одном: сердцебиении, что эхом звучит в моих ушах. Более того, чем ближе я к дому Ланы, тем сильнее я ощущаю ее сердцебиение. Я прижимаю руку к сердцу. Оно стучит спокойно, ровно и очень тихо по сравнению с сердцем Ланы, которое бьется громко отрывистым, резким стаккато.

Доктор Ратледж однажды сказала мне, что Лана в безопасности и что ее отец больше не причинит ей боли. Так почему, когда я добираюсь до ее дома, в моих ушах слышится эхо? Почему я чувствую ее присутствие?

С дурным предчувствием я бегу к входной двери. Я знаю: Лана здесь. Может, доктор Ратледж и думала, что Лана в безопасности, но она не права. Она была неправа все время. От одной только этой мысли у меня подкашиваются ноги.

Я добираюсь до входной двери и врываюсь в дом. Я тяжело дышу, отчаянно оглядываюсь по сторонам. Где-то горит свеча, запах воска щекочет мне ноздри. Я слышу, как в столовой тикают старинные напольные часы.

Я просто хочу найти Лану. Вместо этого я вижу Макса и застываю на месте. Он колотит кулаком в дверь кабинета ее отца.

– Майкл! – кричит он. – Откройте!

Его кулаки неистово ударяют по твердому дубу. Из-за закрытых дверей доносится грохот. По моей спине пробегает холодок страха.

Я иду по коридору, приближаюсь к Максиму.

– Нет, нет, нет, – слабо шепчу я.

Макс не видит, что я уже почти рядом с ним. Он отступает назад и с силой пинает дверь. Раздается хруст, и дверь повисает на петлях.

Он вбегает в комнату. Но я не могу последовать его примеру. Я боюсь сделать даже шаг. Я уже знаю, что там увижу, и я не хочу это видеть. Одного раза достаточно.

Единственное, что заставляет меня сделать шаг вперед, это Лана. Я слышу ее голос. Я слышу, как она рыдает и стонет. Я вхожу в комнату. Жалюзи опущены, закрывая внешний мир. Горит только лампа на столе ее отца. И на полу, прямо напротив стола, лежит Лана, а Майкл ее удерживает.

Я думаю, что кричу, но мой крик никто не слышит.

Отец Ланы одной рукой держит ее руки над головой, а другой зажимает ей рот. Его брюки спущены, ее джинсы тоже.

Ее глаза широко открыты и горят отчаянием. Наконец она замечает меня и с тревогой смотрит в мою сторону.

– Нет, – шепчу я.

– Ты моя, – задыхаясь, произносит ее отец. – Твоя жизнь принадлежит

мне.

– Нет, – хриплю я.

Ее отец поворачивается и смотрит на Макса. Он что-то кричит. Я не могу разобрать, что именно, как будто кто-то выключил звук. Все, что я слышу, это судорожное дыхание Ланы.

Губы Макса быстро двигаются. Отец отпускает Лану и откидывается на колени. Он собирается встать.

И тогда я вижу, как Макс запускает руку в задний карман и вытаскивает пистолет.

– Стой! – кричу я.

Но Макс идет вперед, и его указательный палец лежит на спусковом крючке. Пистолет нацелен прямо на отца Ланы.

Я бегу за ним.

– Не надо! – кричу я.

Лана смотрит на Макса, пытаюсь взглядом предостеречь его, чтобы он остановился. Майкл отпускает ее руки. Она зарывается лицом в ладони и сдавленно рыдает. Ее отец поворачивается и собирается встать.

Макс нажимает на спусковой крючок.

Все происходит так медленно, словно время сопротивляется, пытается остаться на месте, но наши действия толкают его вперед.

Из ствола вылетает пуля и медленно рассекает воздух. Цель идеальна – голова отца Ланы как раз напротив. И пуля попадает в цель.

– Беги, – шепчет мне Лана одними губами. Ее глаза широко открыты, в них застыла мольба. Она умоляет меня уйти отсюда.

Черные точки ее зрачков притягивают меня. Меня словно затягивает в водоворот, настолько сильный, что мне из него не выбраться. В этот миг все меняется. Карие глаза Ланы, которые всегда придавали ей такой уязвимый и запуганный вид. Глаза, которые так много скрывали, теперь темно-синие.

Точно, как у меня.

Я со стоном падаю на пол. Такое чувство, будто кто-то проник мне в грудь и вырывает из меня саму жизнь. Мое дыхание превращается в сдавленные всхлипы, боль начинает распространяться по всему телу.

Оно словно налито свинцом. Мне трудно даже переставлять ноги. Тем не менее я как-то двигаюсь. Я смотрю на свое тело – кажется, будто некая невидимая сила толкает его через всю комнату. Я парю прямо над Ланой и ее отцом. Ее глаза, которые теперь такого же цвета, как и мои, встречают мой взгляд. Боль во мне начинает удваиваться.

Первая пуля пронзает тело Майкла. Я с ужасом наблюдаю, как он дергается и падает навзничь на свою дочь.

А затем происходит невероятное: мое тело сливается с телом Ланы.

Это так больно, словно меня проталкивают в крошечное отверстие. Моя кожа натягивается, сопротивляясь. Нервы покалывают. Я кричу во всю мощь легких. Мое тело начинает дергаться. Я отчаянно хватаю ртом воздух.

Дотянись, дотянись, дотянись. Я пытаюсь ухватиться за что-нибудь, лишь бы вытащить себя отсюда. Боль внутри Ланы разрушает душу, она кишит демонами, которые ждут, чтобы задушить меня. Я оставляю попытки сопротивления, и мои руки бессильно падают на пол.

Собственные глаза кажутся мне тяжелыми, они опухли от слез. Я несколько раз моргаю, пытаюсь привыкнуть. Но реальность не оставляет мне времени. Она врезается в меня.

«Я – не Лана. Я – не Лана. Я – НЕ ОНА!» – кричит мой разум.

Я слишком оцепенела, чтобы держаться за что-либо, и знаю точно лишь одно: я не могу дышать.

– Убери его, – задыхаюсь я. – Убери его с меня.

Слишком много событий. Мой мозг перегрет. Он вот-вот взорвется. Я чувствую невыносимую боль и тихо постанываю. На моих пальцах что-то влажное и липкое. Когда я поднимаю руки, я вижу, что моя кожа стала бледнее, а на запястьях – горизонтальные шрамы длиной около четырех дюймов. Кожа красная и опухшая.

Мои губы дрожат.

– Я – не она, – хриплю я.

Я переворачиваю руку и вижу под своей кожей голубоватые вены. Липкое вещество? Это темная, теплая кровь, и она на моих пальцах, медленно стекает с моих запястий дальше вниз по рукам.

– Наоми.

Я смотрю на Макса. Он спихивает с меня тело отца Ланы. Наконец я больше не чувствую его веса и жадно хватаю ртом воздух, засасывая в себя весь кислород, какой только могу. Макс бросает пистолет и смотрит на меня.

Его лицо белое как мел, глаза горят безумием. На его щеках брызги крови отца Ланы.

Это не мой отец. Мой отец никогда бы не сделал мне больно. Макс держит мое лицо и, глядя мне в глаза, вновь произнося мое имя, на этот раз с большей тревогой.

– Поговори со мной, – умоляет он. И тогда я моргаю. Это всего лишь миг. Но когда я снова открываю глаза, Макс – это Лахлан. Невероятно.

Мой разум играет со мной в игры. Или же меня разыгрывает весь мир?

Кто знает? В любом случае я отчаянно моргаю, в надежде, что ошибаюсь. Но Лахлан по-прежнему здесь, одетый в одежду, которая несколько секунд назад была на Максе, и с брызгами крови на лице. Он держит меня под мышки.

Он усаживает меня к себе на колени и обхватывает мою голову. Я лежу как тряпичная кукла, мои руки безвольно свисают. Мои глаза слипаются, и, когда это происходит, передо мной всплывает воспоминание.

Оно медленно разворачивается передо мной, и мне ничего не остается, кроме как запомнить все, что произошло. Лана играет на черном асфальте, хотя это может быть и не она, потому что я помню, как сидела там и рисовала. Помню разбросанные вокруг кусочки мела. Я напеваю песню, которой научила меня няня. Мне всего одиннадцать. Солнце согревает мне спину, но это приятно. Я упорно продолжаю рисовать, и когда мое творение готово, я сворачиваюсь клубком прямо на горячем асфальте и засыпаю. На этом мое воспоминание заканчивается. Помню лишь солнечный летний день. Но Лана дарит мне остальную его часть. Я вижу, как мой отец нашел меня спящей. Он в ярости. Он спрашивает, что, черт возьми, я делаю. Я нервно отвечаю, что сплю. Он слегка прищуривается. Смотрит на асфальт и спрашивает, что это такое. Я встаю и смотрю на свой рисунок. На черном асфальте начерчен контур тела. У него нет глаз, носа, рта или даже волос. Но я дала ему сердце. Потому что в моем одиннадцатилетнем сознании это было все, что ему было нужно, и этот контур крепко держит меня в своих руках. Я нарисовала отца, о котором всегда мечтала.

Он принимал мою любовь, а взамен безоговорочно любил меня. На этом черном асфальте было то, чего у меня никогда не было. Отец обрушился на меня за то, что я испортила подъездную дорожку. Велел мне взять шланг и вымыть ее, а затем вымыться самой. Когда я вымылась, он изнасиловал меня.

Меня начинает бить дрожь.

Вся боль, которую я чувствовала, стала темной душой, которая переплеталась с другой душой – чистой. Тьма передает свои черные воспоминания в надежде на то, что чистота чистых воспоминаний заглушит всю ее боль.

Чьи-то руки сжимают меня еще крепче. «Продолжай сжимать, продолжай держать меня», – думаю я про себя. Может, тогда вся эта боль, все эти муки покинут мое тело.

Я смотрю вниз и понимаю, что кровь моего отца растекается по полу, проникая между половицами. Держащее меня тело отстраняется. Я смотрю Лахлану в глаза.

– Прости, что так получилось, – хрипло шепчет он.

Эта боль моя, и только моя. Меня бьет такая сильная дрожь, что, кажется, еще миг – и я начну корчиться в конвульсиях. Но потом время ускоряется. Я вижу доктора Ратледж. Она стоит в дверях. Она видит все, и ее лицо мгновенно бледнеет. Она смотрит то на пистолет, то на Лахлана. Ей сразу становится понятно, что тут произошло.

Затем она смотрит на меня. Нет, не глазами врача, она смотрит на меня с печалью и пониманием обычного человека. И я понимаю: она знала, знала все это время. Отбрасывая ногой щепки, отколотые от двери, она входит в комнату.

– Что случилось? – спрашивает она.

Лахлан не оборачивается. Его губы плотно сжаты, ноздри раздуваются, взгляд устремлен в пространство.

– Я застучал его. Я... – Он крепче обнимает меня. – Я все видел. Я видел, как он... – Его голос хрипит, и он умолкает.

Доктор Ратледж медленно подходит к нам. Она касается плеча Лахлана, и он напрягается. Она тотчас делает шаг назад и быстро говорит:

– Это была самооборона, верно? Он собирался наброситься на вас, и вы были вынуждены защищаться.

Лахлан поворачивается и смотрит на доктора Ратледж.

– Вообще-то на самом деле...

– Лахлан, вам пришлось защищать себя и Наоми, – с нажимом произносит доктор Ратледж.

Лахлан кивает.

– Вот и все, – шепчет она. Не понятно, с кем она разговаривает, со мной или Лахланом?

За дверью раздаются шаги и бормотание голосов. В комнату входит моя мать. Она смотрит на безжизненное тело моего отца, и в ее глазах читаются самые разные чувства. В следующий миг самообладание изменяет ей. Она бросается к нему и обнимает его. Она так громко рыдает, что у меня звенит в ушах.

Мать заходится рыданиями, а доктор Ратледж звонит кому-то. Я знаю, что полицейские будут здесь через считанные минуты. Знаю, что они станут задавать мне вопросы. Мне и Лахлану. Знаю, что они увезут на каталке моего отца в черном пластиковом мешке.

Чего я не знаю, так это того, как я переживу всю боль, которую передала мне Лана.

Час спустя я сижу на крыльце. На мои плечи наброшено одеяло. Тут и там мелькают полицейские фонарики. Здесь пятеро копов. Трое то входят в дом, то выходят из него. Двое других разговаривают с доктором Ратледж и Лахланом. Они говорили со мной несколько раз, и я точно знаю, что это не последний. По тротуару шагают два санитары и катят носилки. Мать все еще в доме, она по-прежнему рыдает. Я не разговаривала с ней. А она ни разу не посмотрела на меня. Но даже если она и посмотрит, то вряд ли между нами что-то произойдет. Учитывая воспоминания Ланы, мои воспоминания, которые медленно возвращаются ко мне, я понимаю, что всегда была ей безразлична.

Я смотрю перед собой. Лахлан идет в мою сторону. Все это время он был Максом. Я до сих пор не могу понять, как такое возможно. Я многого не могу понять.

Он останавливается передо мной.

– Я еду на допрос.

Мои глаза расширяются от ужаса. Я пытаюсь подняться, но он кладет руки мне на плечи и опускается рядом со мной на колени.

– Это стандартная процедура.

– Я с тобой, – слышу шепот я. Мой голос охрип от крика.

Лахлан улыбается, но его глаза остаются серьезными. Он пытается представить ситуацию лучше, чем на самом деле. Но это напрасная трата времени. Я знаю, насколько все серьезно. Я знаю: то, что произошло в этой комнате, будет иметь для него самые серьезные последствия.

– Лахлан, я...

– Наоми, все хорошо, – говорит он ровным голосом.

Доктор Ратледж подходит ко мне и, сев рядом, обнимает меня за плечи.

– Я еду вместе с Лахланом. Обещаю, все будет хорошо.

В отчаянии широко раскрыв глаза, я смотрю на них обоих.

– Я не останусь здесь одна!

– Нет, ты не останешься здесь. – Доктор Ратледж смотрит на Лахлана и вновь на меня. – Ты поедешь в больницу, где подпишешь документы на выписку.

– Но я не... я не готова... – Мой голос дрожит и умолкает. Я не могу найти нужных слов. Я не знаю, как сказать им, что я ни к чему не готова.

Не много ли событий для одного дня? На вопросы получены ответы, но не на все. Еще целый ряд вопросов остается без ответов. И они сидят в

моей голове, ожидая, когда их оттуда извлекут. Я слишком напугана, чтобы раскрыть их сама.

Меня вновь начинает бить дрожь. К Лахлану подходят двое полицейских. Я крепко сжимаю его руку. Он склоняет голову к моему плечу и обнимает меня за шею.

– Он больше не причинит тебе боль, Наоми.

Он целует меня в лоб и встает. Я смотрю на тротуар. Я не хочу видеть, как он уходит. В эти минуты я бы предпочла ничего не чувствовать, но я чувствую все. Разве не это так хорошо умела делать Лана? Ничего не чувствовать? Держать боль в узде? Теперь мне понятно, как бесконечны были ее страдания. Я кладу руку на сердце, словно это способно унять мою боль.

Мне слышно, как хлопает дверца машины, потом еще одна. Затем машина отъезжает.

– Мисс?

Я поднимаю глаза. На меня выжидательно смотрит санитар.

– Вы готовы ехать?

Да, свобода пьянит, но когда моя жизнь рушится, я понимаю одну истину: свобода имеет цену. Жаль, что никто не сказал мне, что это моя жизнь.

Разоблачение

Когда человеку повезло жить в истории, жить в воображаемом мире, боли этого мира исчезают. Пока история продолжается, реальность больше не существует.

Пол Остер

Год спустя

ЖИЗНЬ ИДЕТ ВПЕРЕД НЕЗАВИСИМО ОТ ТОГО, ХОРОШО ВАМ ИЛИ ПЛОХО.

Земля замерзла, поверх нее лежит покрывало звуков.

Стоит морозная зимняя ночь, небо сплошь в мерцающих звездах. Я смотрю на все это с улыбкой, благодарная за то, что на этот раз все хорошо. Когда-то между мной и внешним миром стоял барьер. Он когда-то казался мне правдой и отгораживал от меня множество вещей.

Многие годы моя жизнь словно стояла на паузе. Я перестала дышать, жить. Проще говоря, перестала существовать. Но в течение прошлого года я пыталась существовать, все время зная обо всем, что случилось со мной, и не позволяя этому знанию влиять на меня.

– Ты готова?

Я смотрю на Лахлана Максимилиана Холстеда.

– Готова.

– Нам нужно поторопиться, – говорит он, и его дыхание повисает в воздухе облачками белого пара. – Иначе я отморожу пальцы.

Он опускается на колени и проводит спичкой по шероховатой поверхности спичечного коробка. Вспыхивает пламя. Он смотрит на меня и улыбается, а затем подносит пламя к кончику ракеты.

Иногда я ловлю на себе его взгляд, когда он наблюдает за мной, и вижу в его глазах тревогу и печаль. Мое прошлое все еще лежит на нем тяжким грузом... вернее, на нас обоих. Но с каждым днем все улучшается. Постепенно раны затягиваются, боль отступает.

Запал светится тлеющим угольком, и мы быстро отступаем назад. Я кладу руку на плечо Лахлану и, прильнув к нему, думаю обо всем, через что прошла за последний год.

Мне поставили диагноз: диссоциативное расстройство личности. Это

также называют множественным расстройством личности, но чаще оно известно как раздвоение личности. В большинстве случаев в заболевшем «поселяется» более одной личности. Но Лана была моей единственной.

Моим единственным вторым «я».

Моей единственной половинкой.

А Макс? Это совершенно иной поворот, который озадачил доктора Ратледж и остальных докторов. Я понимаю, что не могу вернуться и изменить мои мысли и тех, кого придумала. Но твердо знаю одно: я сделала это, чтобы выжить. Я направляю свое внимание на россыпь огней в небе. Следующие двадцать минут мы запускаем ракету за ракетой. Вскоре я забываю про сильный ветер, бьющий меня по щекам. Я просто живу этим моментом и наслаждаюсь яркими красками фейерверка.

Все, через что мы прошли, заставляет меня осознать простую истину: любовь – это когда в холодном, гнетущем мире вы находите того, кто любит все, что в вас неправильного. Все, что вы пытаетесь скрыть, этот человек принимает. И я знаю, что Лахлан принимает меня.

Он прячет спички в карман и смотрит на меня.

– Ну как, понравилось?

– Это было восхитительно!

Лахлан встает и протягивает мне руку.

– Ты готова пойти домой?

Я киваю и беру его за руку.

От автора

Огромное спасибо группе удивительных женщин, которые прочитали «Разгадку», когда та еще даже не была причесана: Тоше, Мелиссе, Ванессе, Джессике, Нине, Кларибель и Дарле. Что бы я делала без вас!

Спасибо Наташе за прекрасную графику. Кристина, спасибо тебе за все. За поддержку и веру в эту историю.

Спасибо Шине за то, что она одной из первых прочла первые несколько глав.

Регина Вамба, мой дизайнер. Спасибо тебе за одну из самых красивых обложек, которые я когда-либо видела. Когда я смотрю на нее, меня пробирает озноб.

Анжела, мой технический редактор. Спасибо, что сделала мою книгу красивой!

Лори Сабин, мой замечательный редактор. Спасибо за все, что ты делаешь. Без тебя я не опубликовала бы ни строчки!

Спасибо моему мужу Джошуа. Спасибо за твою непоколебимую поддержку. За все-все-все, что ты делаешь.

Об авторе

Колледж стал для меня слишком большим стрессом. Путешествовать по миру, выйти замуж и родить четверых детей оказалось куда более спокойным занятием.

Да, я все еще жду того момента, когда смогу расслабиться...

Я меняю адрес каждые пару лет. Это не мой выбор, это моя реальность.

Пока сумасшествия жизни не давали мне покоя, истории в моей голове решили всплыть на поверхность. Они жутко хотели, чтобы их рассказали, а я жутко хотела их рассказать.

Надеюсь, вам понравится сбежать вместе со мной в безумный мир этих персонажей!

За дополнительной информацией о Калье Рид посетите ее блог: www.Caliareadsandwrites.blogspot.de или ее авторскую страницу на Facebook: www.facebook.com/CaliaRead.

Подпишитесь на нее в Твиттере: @Caliaco22